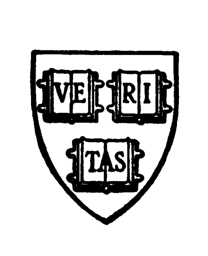

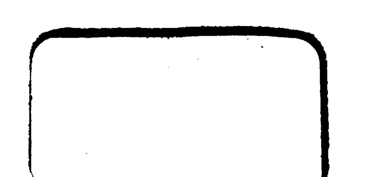
ВОЛОГЖАНИНЪ.

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ИЗДАНІЕ П. ДИЛАКТОРСКАГО.

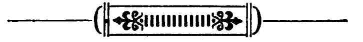
ВОЛОГДА.
Типографія А. В. Гудковой-Бѣляковой, противъ Александров. сада.
1895.

VE RI
TAS

ВОЛОГЖАНИНЪ.

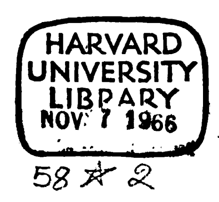
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

С. А. Дилакторскій Н. А. Иваницкій, Ивановичъ, А. А. Карелинъ,
П. Кторскій, Х. И. Пахолковъ, И. Н. Суворовъ, Е. И. Чернобаевъ,
К. А. Четверухинъ, М. Н. Швецовъ.

ВОЛОГДА.
Типографія А. В. Гудкова-Бѣлякова, прот. Александр. сада.
1895.

Дозволено цензурою. Москва, 3 Февраля 1895 г.

К. А. Четверухинъ.

(Матеріалы для біографіи.)

Константинъ Александровичъ Четверухинъ родился въ самомъ концѣ іюля 1848 года въ городѣ Вологдѣ въ семьѣ священника вологодской градской Николаевской-Глинковской церкви. Родился онъ съ физическимъ недостаткомъ и хворымъ, хворымъ росъ, да и во всю жизнь онъ не могъ похвалиться хорошимъ здоровьемъ. Послѣ домашняго ученія Константинъ Александровичъ въ 1862 году поступилъ въ 3 классъ Вологодскаго Духовнаго Училища, а въ 1864 г. перешелъ въ Вологодскую Духовную Семинарію, которую и окончилъ въ 1870 г. по первому разряду со званіемъ студента. Въ началѣ 1871 года онъ поступилъ на должность учителя Латинскаго языка въ Вологодское Духовное училище и, прослуживъ десять лѣтъ, вышелъ въ отставку «по разстройству здоровья». Въ началѣ 1889 года онъ вновь опредѣлился на службу, но уже чиновникомъ Вологодской Казенной Палаты, а въ серединѣ 1890 г. принужденъ былъ оставить по нездоровью и эту должность, и въ ночь на 27 Января 1891 г. Константинъ Александровичъ скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни.

По выходѣ со службы въ началѣ 1881 года Константинъ Александровичъ занялся литературой. Его корреспонденціи печатались

въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», разныя шутки и анекдоты въ юмористическомъ журналѣ, если не ошибаюсь въ «Осколкахъ». Его разсказъ «Шабашъ» помѣщенъ въ августовской книжкѣ «Недѣли» за 1886 годъ за подписью К. Рухинъ. Фельетонъ (Двадцатое число) напечатанъ въ одномъ изъ нумеровъ «Сына Отечества» и наконецъ его комедія «Пропащая» въ «Колосьяхъ» за 1888 годъ № 7—8, но уже за полною подписью: К. Четверухинъ.

Оставшіяся не напечатанныя его сочиненія можно расположить въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: «Отъ семейнаго очага», повѣсть имѣетъ двѣ даты 10 ноября 1882 года и, въ концѣ сочиненія, 13 Мая 1883 года, «Врачъ и паціентка» разсказъ (22 декабря 1885 г.), «Надя Верхоглядова» этюдъ (переработка повѣсти «Отъ семейнаго очага») — 30 августа 1886 г., «Художникъ—рабъ» драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ (4 іюня безъ обозначенія года). Напечатанный въ Книжкахъ Недѣли за 1886 годъ разсказъ «Шабашъ» имѣетъ на черновикѣ дату 13 декабря 1883 года. Провѣряя рукописный «Шабашъ» съ напечатаннымъ, встрѣчаемъ большія измѣненія, что даетъ возможность предполагать, что онъ и «Шабашъ», какъ и «Надю Верхоглядову», переработывалъ вновь.

Необщительность, печатаніе не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ сочиненій были причинами малоизвѣстности К. А. Четверухина въ городѣ Вологдѣ, а теперь онъ и совершенно забытъ.

Люди, знавшіе Константина Александровича, вспоминаютъ о немъ какъ о человѣкѣ симпатичномъ и веселомъ.

Приношу сердечную благодарность Всеволоду Александровичу Четверухину позволившему напечатать въ «Вологжанинѣ» «Грѣхъ по невѣдѣнію или поучили». По увѣренію нѣкоторыхъ лицъ эта пьеса была разрѣшена къ представленію и шла съ успѣхомъ на Вологодской сценѣ въ 1889 году.

ГРѢХЪ ПО НЕВѢДѢНІЮ

или

ПОУЧИЛИ.

Сцены въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ НАДЕЖДИНЪ, студентъ-медикъ, пріѣхавшій въ деревню на каникулы, средняго роста, сухой, брюнетъ-кахектикъ, съ жиденькой бородкой, въ очкахъ; изъ подъ пиджака выглядываетъ воротъ вышитой русской рубашки.

ВѢРА ЛЬВОВНА СМИРНОВА, сельская учительница, молодая дѣвушка, изъ курсистокъ.

СИДОРЪ ЗАХАРОВИЧЪ ХВАТОВЪ, деревенскій богатый кулакъ лѣтъ 50.

МАТРЕНА КАРПОВНА, его жена, полная баба лѣтъ 40.

ТИМОФЕЙ, сынъ Хватовыхъ, молодой парень, вкусившій отъ плодовъ трактирной цивилизаціи.

МАКСИМЪ, пріятель Тимофея Хватова, наивный молодой парень съ цѣлой шапкой вьющихся темнорусыхъ волосъ.

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ ВЗОРОВЪ, фельдшеръ, молодой человѣкъ, носитъ блузу и шляпу котелкомъ.

АНѲИСА АЛЕКСѢЕВНА, его жена.

НИЛЪ ѲОМИЧЪ ПРИТЫКИНЪ, волостной писарь

РАИСА ТРИФОНОВНА, его жена.

ЕГОРОВНА, дьячиха, родственница Надеждина.

МАРЬЯ, работница Хватовыхъ.

ВАРЯ, молодая крестьянская дѣвушка, состоитъ въ услуженіи у Смирновой.

ПАРМЕНЪ БЕЗРОДНЫЙ, крестьянинъ.

ИВАНЪ ГОРЮНЪ, деревенскій пролетарій, пьянчужка.

Дѣвушки и парни.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ захолустныхъ селъ сѣверной полосы Россіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Квартира учительницы; бѣдная но опрятная комната. на правой сторонѣ (отъ зрителя) окно; вблизи окна столъ и нѣсколько стульевъ; на столѣ подносъ съ чайнымъ приборомъ. У лѣвой стѣны комодъ; на немъ небольшое зеркало въ круглой рамѣ. Посрединѣ задней стѣны дверь, слѣва—печь, справа—кроватъ съ чистымъ бѣльемъ. Надъ кроватью полочка съ книгами и тетрадями.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Входитъ Максимъ, за нимъ Варя съ перекинутымъ черезъ плечо полотенцомъ. Максимъ несетъ самоваръ и грузно опускаетъ на столъ, такъ что посуда вздрагиваетъ).

Варя *(съ напускной строгостью).* Легче ты, непутевый! Эдакъ вѣдь ляпнулъ! Собрался съ силушкой-то! Ну, долго-ль наварзать? А тамъ ищи съ тебя съ безпоясаго!

Максимъ *(осклабясь и утирая носъ ладонью).* Не сумлѣвайся, моя краля! Вишь, все какъ есть, въ аккуратѣ.

Варя. Можетъ и краля, да не твоя.

Максимъ. *(Легонько беретъ ее за локоть).* Слышь-ты, Варвара свѣтъ Васильевна! Али ты не будешь помягче-то? *(съ мольбой)* Лапушка моя болѣзная! Сними ты камень съ моего ретиваго! Засылать штоли сватовъ-то?

Варя. *(Потупляясь и перебирая руками полотенце).* Твое дѣло, Максимъ Лукьяновичъ. Я что же? Я не препятствую.

Максимъ. *(Въ восторгѣ)* Желанная! да вѣдь только этого и требовалось *(обнимаетъ ее и цѣлуетъ въ щеку).*

Варя. *(Слегка отбиваясь).* Максютка! отступись безтыжій! Сейчасъ учительша придетъ.

Максимъ. *(Отступаетъ и кланяется)* Прощенія просимъ Варвара Васильевна! Такъ ты ужъ, пожалуйста, скажи ей о подводѣ-то. Я бы въ первомъ сортѣ доставилъ. *(Уходитъ).*

Варя *(Вслѣдъ)* Ладно, скажемъ! проваливай знай! *(По уходѣ Максима, съ чувствомъ).* Родной мой, желанный! Охъ, кабы это да сбылось! То-то бы счастье было! *(Садится къ столу и начинаетъ перетирать чашки).*

ЯВЛЕНІЕ II.

(Варя и Смирнова въ черномъ платьѣ и соломенной шляпкѣ съ широкими полями, въ рукахъ книга).

Смирнова *(входя).* Ай да Варя! молодецъ! Она ужъ никакъ и самоваръ настроила. *(Кладетъ шляпку и книгу на комодъ, направляется къ столу и принимается за приготовленіе чая)*

Варя. А то какъ-же? Вѣдь ты же сказала, что прогуляешь не долго.

Смирнова. Да; я дошла до ручья, думала тамъ посидѣть на лугу и почитать, но, къ несчастью, это мнѣ не удалось: на лугу совсѣмъ еще сыро.

Варя. Извѣстно, сыро. Вспомни-ка, пора то какая. Вѣдь послѣзавтра еще только Никола вешній.

Смирнова. Знаешь, Варя, когда я сейчасъ подходила къ дому, мнѣ показалось, будто отъ насъ вышелъ Максимъ Лукьяновъ.

Варя. Точно, Максимъ былъ здѣсь. Видишь, дѣло какое: Максимъ слышалъ, что ты собираешься въ городъ, ну и пришелъ спросить, не надо ли тебѣ подводу.

Смирнова. Такъ. Но теперь, Варя, объясни-ка ты мнѣ вотъ что. Когда я, отправляясь гулять, шла мимо избы Лукьяна, Максимъ смотрѣлъ въ окно. Почему же онъ мнѣ самой не сказалъ ни слова о подводѣ?

Варя. Кто его знаетъ? можетъ въ тѣ поры онъ и ѣхать-то еще не надумалъ.

Смирнова. *(Смѣясь)* А надумалъ, когда я ушла изъ дому? Однако ты съ чего такъ покраснѣла?

Варя *(обиженнымъ тономъ)*. Пожалуйста, Львовна, ты не подумай, што Максютка приходилъ за какимъ ни на есть баловствомъ. Коли хочешь знать, скажу тебѣ сущую правду: Максютка спрашивалъ позволенья засылать ко мнѣ сватовъ.

Смирнова *(Удивленно)*. Вотъ какъ! А ты что же?

Варя *(Стыдливо)*. Да что ужъ? дала разрѣшенье.

Смирнова. И прекрасно. Максимъ кажется парень хорошій.

Варя. Не люблю я его за одно, што дружится съ Тимошкой Хватовымъ.

Смирнова. Ну, коли любитъ тебя, такъ и дружбу съ Тимошкой оставитъ. *(Съ грустью)* Итакъ, моя Варя скоро своимъ домкомъ заживетъ, а меня сиротой оставитъ? Впрочемъ я отъ души радуюсь и желаю тебѣ полнаго, полнаго счастья!

Варя. Ну, это Богъ вѣсть... Когда еще будетъ .. А за пожеланье твое да за ласку спасибо и пусть тебѣ добрый мужъ достанется!

Смирнова. *(Шутя)* Гдѣ жъ его взять то, Варя? Вотъ Максимъ твой вѣдь къ тебѣ посватался, а не ко мнѣ.

Варя. Ахъ, Львовна! Што говорить пустое? Такіе, какъ Максимъ, для васъ не годятся.

Смирнова. А какіе же, по твоему, годятся для насъ?

Варя. Извѣстное дѣло, какіе: образованные да повадливые, примѣрно, какъ дьяковъ гость.

Смирнова. Это студентъ, что недавно пріѣхалъ къ дьячку?

Варя. Ну, ужъ я не знаю тамъ. скубентъ онъ, али кто, только человѣкъ преотмѣнный.

Смирнова. А-а! Стало быть, ты съ нимъ знакомство свела, если такъ расхваливаешь? Разскажи, пожалуйста, это очень интересно.

Варя. Да што разсказывать то? Даве утромъ прибѣжала я къ дьячихѣ за противнемъ. Онъ тутъ. Сидитъ за столомъ да папиросы набиваетъ. Въ очкахъ; рубаха вся городами повышита, опоясанъ кожанымъ кушакомъ. Вотъ только, надо быть, онъ по разговорамъ то нашимъ съ дьячихой и смекнулъ, што я живу у тебя. Такъ ты, говоритъ, у учительши живешь? У учительши, молъ. Тутъ онъ и началъ меня разспрашивать, какъ живешь? Все о тебѣ-то вишь.

Смирнова. Да потому, что покончила свои занятія въ школѣ и распустила свою маленькую армію. Развѣ не слыхали? Вчера у насъ въ школѣ было начальство и производило мнѣ «екзаментъ.»

Взоровъ. Ну, не Вамъ, разумѣется а Вашимъ ребятамъ. Но почему вы говорите «екзаментъ,» а не экзаменъ?

Смирнова. Замѣтьте на этотъ разъ я передаю Вамъ подлинное выраженіе одного изъ моихъ экзаменаторовъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Когда мы вчера собрались въ школѣ, Сидоръ Хватовъ внушительно сказалъ мнѣ: *(грубо, по мужицки)* ну, давай, говоритъ произведемъ мы тебѣ екзаментъ!

Взоровъ. Но вѣдь экзаменовалъ Инспекторъ; при чемъ же тутъ Сидоръ-то Хватовъ?

Смирнова Какъ при чемъ? Попечитель школы.

Взоровъ. Вотъ какъ! Но тѣмъ не менѣе для Сидора Хватова, по моему, всего приличнѣе бы изображать на экзаменѣ безгласнаго ассистента.

Смирнова. Однако, на дѣлѣ-то было какъ разъ на оборотъ. Напротивъ, онъ очень часто выражалъ свои мнѣнія и соображанія.

Взоровъ. А – а! Любопытно бы знать въ какомъ же это родѣ?

Смирнова А вотъ, напримѣръ, въ какомъ. Экзаменовали изъ Закона Божьяго Одинъ мальчикъ бойко пробарабанилъ исторію сотворенія міра; но при этомъ перепуталъ факты такъ, что вмѣсто исторіи получилась какая-то нескладица. Между тѣмъ бойкая передача этой нескладицы, видимо, очень понравилась Сидору Хватову и онъ, указывая на мальчика, замѣтилъ съ апломбомъ: «этотъ, говоритъ, твердо сказываетъ.»

Взоровъ. Ха, ха, ха! Ай да Сидоръ! Стало быть въ дѣлѣ обученія онъ, такъ сказать, сторонникъ твердаго сказыванія. Ну скажите, пожалуйста, чѣмъ же это не взглядъ? И почему бы не держаться этого взгляда Сидору Хватову, когда разные наши патентованные-то педагоги нерѣдко таки поощряютъ долбню.

Смирнова. Ахъ, Яковъ Петровичъ! для Васъ это смѣшно, а мнѣ со всѣмъ этимъ приходится считаться. Не забывайте, что Сидоръ Хватовъ здѣшняя сила, и что по отношенію къ нашей школѣ онъ не много, ни мало мнитъ себя начальствомъ.

Взоровъ. Ну не безпокойтесь, Вѣра Львовна! Знаете пословицу: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. *(Пауза)*. Скажите-ка лучше, какъ Вы намѣрены распорядиться своей свободой?

Смирнова. Да прежде всего отправлюсь въ губернскій. Надо стряхнуть съ себя здѣшнюю плѣсень и немного освѣжиться.

Взоровъ. Въ такомъ случаѣ, добрѣйшая Вѣра Львовна, не возьмете ли Вы на себя одного маленькаго порученія.

Смирнова. А именно?

Взоровъ. А именно, купить для меня нѣсколько книгъ по моей спеціальности. Думаю подчитать кое-что, вообще пополнить свое скудное медицинское образованіе .. Хотѣлось бы принести хоть маленькую, но дѣйствительную пользу здѣшнему страждущему люду.

Смирнова. Вы знаете, Яковъ Петровичъ, что я всегда готова сдѣлать для васъ все, что могу, а въ данномъ случаѣ въ виду такого благаго настроенія даже —съ вашей стороны —съ удовольствіемъ исполню Вашу просьбу.

Взоровъ. Вотъ и прекрасно. Заранѣе благодарю Васъ. Скажите, когда же Вы ѣдете?

Смирнова. Дня черезъ три вѣроятно.

Взоровъ. Такъ постараюсь къ этому времени приготовить для Васъ деньги и списокъ книгъ. Стало быть дѣло улажено. Очень радъ. А я вѣдь затѣмъ собственно и пришелъ къ Вамъ; да вотъ заболтался съ Вами... *(Смотритъ на часы)* Однако мнѣ пора домой!

Смирнова. Что-Вы? Сидите, благо зашли!

Взоровъ. Не могу, Вѣра Львовна, хоть и радъ бы.

Смирнова. *(Шутя)* Вѣрно спѣшите къ семейному очагу?

Взоровъ. Да, къ семейному очагу, у котораго ждетъ меня Юпитеръ Громовержецъ.

Смирнова. Это еще кто такой?

Взоровъ. Это? Это моя супруга богоданая.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Взорова.

Взоровъ *(Смирновой)* Боже мой! Легка на поминѣ!

Взорова. *(Войдя).* А такъ вотъ онъ гдѣ! Въ пріятной бесѣдѣ за чайкомъ! *(Кланяется).* Компаніи Вашей! Ужъ вѣрно не ждали меня, голубчики?

Смирнова. Анѳиса Алексѣевна! Какими это судьбами надумали посѣтить мою убогую комнату. Очень рада. Садитесь пожалуйста.

Взорова. Точно, што сяду, сударыня! Хотя со сторонки полюбуюсь на ваше антиресное воркованье! *(Садится въ сторонѣ).*

Взоровъ. Ахъ, Фиса! Что это у тебя за манера выражаться? Какіе то голубчики, да воркованье?

Взорова Не взыщи, голубчикъ: политичныхъ разговоровъ не знаю; въ заведеніяхъ не воспитывалась, не какъ другіе прочіе, которые вамъ нравятся. Да ты помолчика пока; съ тобой обхожденіе дома будетъ.

Смирнова. Не безпокойтесь Яковъ Петровичъ! Анѳиса Алексѣевна вѣроятно шутитъ надъ нами *(Къ ней).* Однако что же вы такъ далеко отъ стола? Подвигайтесь пожалуйста! Неугодно ли Вамъ чаю?

Взорова. Не хлопочите, сударыня! Не для чаю пришла.

Смирнова. Въ такомъ случаѣ скажите вашу нужду! Я всегда къ вашимъ услугамъ...

Взорова. Точно што нужда... Кабы не нужда, и не заглянула бы сюда... Потому какъ онъ мнѣ мужъ, можно сказать, моя законная половина...

Смирнова. Мнѣ кажется, Анфиса Алексѣевна, вы заводите рѣчь о Яковѣ Петровичѣ; но такъ загадочно, что я пока ничего не понимаю.

Взорова. Какія ужъ тутъ загадки, сударыня, коли самое дѣйствіе на лицо?

Смирнова. Яковъ Петровичъ! Объясните пожалуйста, что все это значитъ?

Взоровъ. Самъ не понимаю, Вѣра Львовна! Вѣроятно, до моей супруги дошла какая нибудь здѣшняя сплетня, которая и послужила поводомъ къ настоящему нелѣпому объясненію.

Взорова. А! такъ по вашему, сплетня то, на што мнѣ добрые люди глаза открываютъ? Ну да ты разговаривай теперь! Посмотримъ, что ты дома будешь показывать!

Смирнова. Однако, Анøиса Алексѣевна! Объясните пожалуйста, что же такое на этотъ разъ открыли вамъ ваши добрые люди?

Взорова. Ахъ, сударыня! По напрасну неприкидывайтесь безпонятной! Вы сами въ лучшемъ видѣ понимаете, въ какую центру наша бесѣда клонится.

Смирнова. Если бы понимала, то и не спрашивала бы васъ. Очевидно, здѣсь какое-то недоразумѣніе, которое необходимо разъяснить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Взорова. И разъясню. Все разъясню сударыня! Только ужъ вы не взыщите, коли что вамъ не по сердцу придется.

Смирнова. Ахъ, пожалуйста! Я жду съ нетерпѣніемъ, да, вѣроятно, и Яковъ Петровичъ — тоже.

Взорова. Ну, ужъ, вы, сударыня, за себя отвѣтъ держите, а Якова-то Петровича оставьте въ сторонкѣ!

Смирнова. Почему-же? Мнѣ кажется, мы, съ Яковомъ Петровичемъ, здѣсь одинаково заинтересованы.

Взорова. *(Передразнивая и горячась)*. Мы, съ Яковомъ Петровичемъ! А позвольте Васъ спросить, сударыня, что за родня вамъ Яковъ-то Петровичъ?

Смирнова. Какой странный вопросъ! Вы знаете, конечно, что это мой добрый знакомый и только.

Взорова *(съ ироніей)*. Вашъ добрый знакомый, вотъ оно какъ! А почему же вы, сударыня, знакомство-то свое обратили на него именно, а не на кого другаго?

Смирнова. Если хотите знать правду, потому, что онъ здѣсь лучше всѣхъ. Да вамъ этого не понять...

Взорова. *(Запальчиво)*. Мнѣ не понять? Нѣтъ, сударыня, я должна это понимать! Помните, сударыня, что я супруга.

Смирнова Ну и прекрасно! Что же изъ этого слѣдуетъ?

Взорова. А изъ этого слѣдуетъ сударыня то, что я должна соблюдать своего мужа, чтобы онъ, значитъ, не шлялся, куда не слѣдъ. Я вотъ за нимъ, почитай, все село обрыскала. Ладно, Тимоша Хватовъ подсказалъ: загляни-ка, говоритъ, ты, Алексѣевна, къ учительшѣ! Думала зубоскалитъ парень, анъ вышла сущая правда.

Смирнова. Скажите пожалуйста, что же тутъ дурного, если вы нашли здѣсь Якова Петровича?

Взорова. Кому какъ, сударыня? По вашему, по образованному, можетъ и ничего, а по нашему ужъ это не модель, коли дѣвица привлекаетъ къ себѣ молодаго, да еще женатаго человѣка.

Смирнова. Анѳиса Алексѣевна! Если ваши странные намеки относятся ко мнѣ, то скажу вамъ, что вы жестоко ошибаетесь, и я совѣтовала бы вамъ выражаться осторожнѣе.

Взорова. Чего мнѣ стѣсняться, сударыня? Я супруга... за свое стою

Смирнова. Но вѣдь никто, кажется, и не посягаетъ на ваши супружескія права?

Взорова. Не могу сказать, сударыня! Вамъ это лучше знать.

Смирнова. Ахъ, опять эти нелѣпые намеки! Теперь я понимаю, въ чемъ вы насъ подозрѣваете. Но гдѣ же, скажите, основанія для вашихъ подозрѣній? Яковъ Петровичъ иногда заходитъ ко мнѣ, какъ добрый знакомый. А сегодня, какъ оказывается, пришелъ даже за дѣломъ. Между тѣмъ къ этому обыкновенному обстоятельству придаете значеніе какого-то проступка, и наносите намъ не заслуженныя оскорбленія.

Взорова. *(Удивляясь)*. Пришелъ за дѣломъ, сказали вы, сударыня?

Смирнова. Ну, да, за дѣломъ. Чтожъ тутъ необыкновеннаго?

Взорова. Это къ Вамъ-то за дѣломъ? Ха, ха, ха! Отъ часу не легче *(съ ироніей)*. Молодой человѣкъ подъ вечерокъ пришелъ къ молодой дѣвицѣ за дѣломъ *(всматривается)*. Не даромъ вы и Варюшку-то услали куда-то.

Смирнова.. *(Поднимаясь)*. Оскорбленіе Анфиса Алексѣевна!

Взорова. *(Поднявшись, запальчиво)*. Я давно Анфиса Алексѣевна, а не какая нибудь, прости Господи, завлекательница бездомная!

Взоровъ. *(Вскакивая)*. Анфиса! удержи свой глупый языкъ. *(Смирновой)* Вѣра Львовна? ради Бога, извините насъ!

Смирнова. Успокойтесь, Яковъ Петровичъ! я васъ понимаю!

Взорова. А! понимаете! А я вамъ воспрепятствую понимать, потому какъ вы никакихъ законныхъ правовъ не имѣете на женатаго человѣка! Прощайте, сударыня! *(Взорову)*. Ну, а ты, другъ милой, забирайся! Теперь мы съ тобой потолкуемъ! *(Уходитъ)*.

Взоровъ. До свиданія Вѣра Львовна! Простите великодушно наше безобразіе!

Смирнова. Не тревожтесь, мой добрый другъ! Вы ни въ чемъ неповинны. До свиданія. *(Взоровъ уходитъ)*.

Смирнова. *(Одна)*. Что за безобразная женщина! Налетѣла, какъ — вихрь, наговорила глупыхъ дерзостей, и ушла, какъ ни въ чемъ не бывало. Тимоша Хватовъ, говоритъ, подсказалъ. Однако этотъ Тимоша чистая язва здѣшнихъ мѣстъ. И достанется же теперь бѣдному Взорову! *(Пауза)*. Погубитъ она его! Между тѣмъ малый стоилъ бы не такой фуріи. Какое у него золотое сердце! Хочу, говоритъ, приносить дѣйствительную пользу здѣшнему страждущему люду. И сказалъ это такъ просто, такъ искренно, и въ то же время съ какой-то робостью, точно боялся, чтобы не осмѣяли его добрыхъ, гуманныхъ, стремленій. Да, это будетъ маленькій герой, если только онъ не сопьется отъ постоянной грызни своей неистовой Ксантиппы. Именно герой, въ нашъ вѣкъ равнаго нравственнаго неряшества, когда даже самыя обыкновенныя проявленія порядочности въ человѣкѣ приходится считать за геройство. *(Пауза)*. А я то считала себя далеко посильнѣе эдакихъ маленькихъ Взоровыхъ, хочу бѣжать отсюда. *(Съ горькой ироніей)*. Не вынесла, видите ли! Измучилась! Охъ, жизнь, жизнь! *(Ходитъ задумавшись. Входитъ Варя)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Варя и Смирнова.

Варя. *(Входя).* Вотъ я и сбѣгала.

Смирнова. Ахъ, это ты, Варя! Убери пожалуйста самоваръ и посуду!

Варя. *(Складываетъ посуду на подносъ и отправляется къ комоду).* А ты опять ходишь, какъ въ воду опущенная? Дивлюсь я тебѣ, Львовна... Кажись волю нажила! Праздникъ вѣдь теперь у тебя, да большущій-то какой! У насъ дѣвки, коли дождутся праздничка-то, такъ рады на головахъ ходить: кто што смышляетъ?

Смирнова. Чему же мнѣ то радоваться? Правда твоя, теперь у меня воля, эхъ! да и съ волей-то не знаешь куда дѣться?

Варя. Все вотъ ты, Львовна, одна, да одна. Отъ этого, надо быть, тебя и дума то схватываетъ.

Смирнова. Какъ одна? У меня и сейчасъ были гости.

Варя. Это фершалъ-то, што при мнѣ еще пришелъ. Ну, да это гость завсегдашній.

Смирнова. Не только. И жена его была здѣсь.

Варя. Чудно штой-то! фершалиха доселѣ, кажись, къ тебѣ не заглядывала. Каково-то погостили у тебя эти гости?

Смирнова. Ахъ, не спрашивай пожалуйста!

Варя. Да я не къ тому, чтобы спрашивать. Я вишь встрѣнула ихъ на улицѣ Фершалиха-то такъ и размахиваетъ руками, словно бы отъ оводу отбивается, а онъ бредетъ сзади, какъ оплеснутый. Вотъ такъ-то дошли они до избы Хватова, а Тимошка въ окно скалитъ зубы, да и кричитъ ей, што, говоритъ, Алексѣевна, нашла блудника-то? Ужъ такой то и парень язвительный. *(Уходитъ съ самоваромъ. Смирнова беретъ съ комода книгу и садится къ столу).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Смирнова и Надеждинъ.

Надеждинъ. *(Входя).* Иду, но не знаю въ добрый-ли часъ?

Смирнова. А! Николай Павловичъ! Конечно, въ добрый часъ! Развѣ вы забыли, что я приглашала васъ заходить ко мнѣ когда вамъ угодно?

Надеждинъ. Какъ видите, я и не замедлилъ воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ.

Смирнова. И прекрасно сдѣлали. *(Садятся къ столу).*

Надеждинъ. Но кажется, я помѣшалъ вамъ? Вы читали.

Смирнова Да, но это я отъ бездѣлья, такъ сказать, повторяю зады.

Надеждинъ. *(Указывая на книгу).* Что это у Васъ такое?

Смирнова. «Одинъ въ полѣ не воинъ» Шпильгагена.

Надеждинъ. Ужели вы до сихъ поръ не знакомы съ этимъ романомъ?

Смирнова. Нѣтъ. Я въ свое время читала, а теперь вотъ повторяю, да и то по милости здѣшняго фельдшера, который случайно досталъ гдѣ-то этотъ романъ и снабдилъ меня.

Надеждинъ. Стало быть по части чтенія-то здѣсь не особенно привольно?

Смирнова. Не только не привольно, а даже совсѣмъ читать нечего. Вы видите: повторяю, да и этому рада.

Надеждинъ. *(Указывая на полку съ книгами).* Однако вонъ у васъ цѣлая библіотека.

Смирнова. Ахъ, это разный педагогическій хламъ.

Надеждинъ. Да, разумѣется, скучновато безъ чтенія-то.

Смирнова. Теперь, весной ничего еще. Такъ сказать, оживаемъ вмѣстѣ съ природой, и скука не такъ ощутительна. А вотъ вы испытали бы мое положеніе здѣсь когда нибудь въ глухую осень или зимой!

Надеждинъ. Но вѣдь тогда бóльшая часть вашего времени уходитъ на школу?

Смирнова. Правда. День проходитъ незамѣтно въ занятіяхъ, за то вечеръ—это чистая мука! На мое убогое хозяйство, конечно, немного нужно времени, такъ, что дѣла иногда совсѣмъ нѣтъ. Между тѣмъ спать рано, да и не спится. И вотъ ляжешь на койку, и лежишь въ какомъ-то полуснѣ. Утомленный мозгъ словно бы замираетъ. Мысль идетъ лѣниво, безсвязно, является какое-то даже желаніе забыться и исчезнуть навсегда. А подъ окномъ иной разъ,

какъ бы въ тонъ настроенная, бушуетъ и злится непогода. Лежишь и прислушиваешься къ завыванію вѣтра. Вдругъ раздается бой часовъ на сосѣдней колокольнѣ, и унылые монотоные звуки колокола какимъ то погребальнымъ перезвономъ отдаются въ измученныхъ нервахъ.

Надеждинъ. Однако, невеселыя минуты.

Смирнова. Вотъ въ такія то минуты и рада бы читать хоть «Бову Королевича». Кстати о книгахъ. Не найдется ли у васъ чего нибудь почитать? Премного обяжете!

Надеждинъ. Готовъ бы помочь вашему горю, но знаете, у меня вѣдь все спеціальныя книги. Не хотите ли чего нибудь по гигіенѣ? Есть, напримѣръ, «Общепонятная гигіена» Скворцова. Вещь хорошая. Знакома?

Смирнова. Нѣтъ! нѣтъ! Пожалуйста одолжите, прочту съ удовольствіемъ!

Надеждинъ. Извольте! Пошлите ко мнѣ, или я самъ занесу къ вамъ.

Смирнова. Не хочу утруждать васъ, но признаюсь, послѣднее для меня было бы пріятнѣе.

Надеждинъ. Въ такомъ случаѣ и можете разсчитывать на послѣднее. *(Шутя)*. Вообще я буду надоѣдать вамъ, тѣмъ болѣе, что у меня здѣсь знакомыхъ пока нѣтъ никого, кромѣ васъ.

Смирнова. Ахъ, не стоитъ объ этомъ и толковать. Вы понимаете, конечно, что, живя въ этой глуши, я рада всякому свѣжему человѣку, тѣмъ болѣе такому, какъ вы, который только-что покинулъ Питеръ, этотъ центръ нашей культурной жизни.

Надеждинъ. *(Съ ироніей)*. Но вы не знаете, съ какимъ удовольствіемъ покинулъ я этотъ знаменитый центръ.

Смирнова. Что же? Развѣ вамъ жилось тамъ плохо?

Надеждинъ. Вы сами были студенткой и безъ сомнѣнія имѣете понятіе о томъ, какъ живется нашему брату. Что касается меня, то не имѣю причинъ особенно жаловаться на свое житье: жилъ не хуже другихъ, *(шутя)* обѣдалъ каждый день. Тѣмъ не менѣе мое здоровье разстроилось на столько что поѣздка въ деревню стала для меня необходима. И вотъ я на лонѣ природы.

Смирнова. И долго думаете пробыть здѣсь?

Надеждинъ. Да, поживу, пока не поправлюсь, а между прочимъ посмотрю на деревенскую жизнь.

Смирнова. Развѣ васъ интересуетъ деревня?

Надеждинъ. Какъ вамъ сказать? Вообще не мѣшаетъ знать, какъ живетъ нашъ кормилецъ-мужикъ, а для меня, какъ будущаго земскаго врача, это даже обязательно.

Смирнова. Стало быть вы намѣрены здѣсь наблюдать и изучать народную жизнь?

Надеждинъ. Коли хотите,—да. Если я сказалъ, что сбираюсь смотрѣть на деревню, то это не значитъ, что я буду только любоваться здѣшними пейзажами.

Смирнова. Но развѣ вы не знакомы съ народной жизнью?

Надеждинъ. Знакомъ по книжкамъ. Между тѣмъ наша народническая литература блистаетъ такимъ обиліемъ взглядовъ и направленій, что подчасъ даже не знаешь, какъ разобраться въ массѣ разныхъ противорѣчій. Вотъ поэтому то и хочется взглянуть на народъ своими собственными глазами, конечно. не для выводовъ и обобщеній, а чтобы составить хоть приблизительное понятіе Разумѣется, это понятіе не можетъ быть цѣльнымъ, за то оно будетъ свое, а не съ чужаго голоса.

Смирнова. Такъ. Скажите пожалуйста, какимъ же путемъ вы будете производить свое изслѣдованіе?

Надеждинъ. Какія тутъ изслѣдованія? Зачѣмъ эти громкія слова? Просто буду знакомиться съ населеніемъ, буду разспрашивать и т. д.

Смирнова. Такъ. Желаю вамъ успѣха.

Надеждинъ. Что это? Въ вашей фразѣ слышна, какъ будто, иронія?

Смирнова. Нѣтъ. Что же? попытайте счастія.

Надеждинъ. И попытаю. А вы на этотъ разъ могли бы оказать мнѣ большую услугу.

Смирнова Какимъ образомъ?

Надеждинъ. Вашимъ знаніемъ здѣшней жизни. Какъ я слышалъ, вы живете здѣсь уже два года, стало быть успѣли ко всему присмотрѣться, и, конечно, имѣете знакомыхъ.

Смирнова. Ну, на счетъ знакомства-то я не могу вамъ похвастать.

Надеждинъ. Какъ такъ?

Смирнова. Да такъ. Крестьянамъ совсѣмъ не до меня. Они слишкомъ заняты своими хозяйственными заботами. Вотъ бабы, — тѣ въ отношенiи меня держатся довольно близко. Не давно была у меня цѣлая бабья депутацiя.

Надеждинъ. По какому же случаю?

Смирнова. По случаю очень серьезному. Видите-ли, есть здѣсь одинъ кулакъ, который царитъ не только здѣсь на селѣ, но и въ окрестности. Кулаку этому хотѣлось бы открыть здѣсь кабакъ. Но крестьяне не даютъ приговора.*) Какъ ни хлопочетъ нашъ Колупаевъ, однако успѣлъ пока добиться только того, что мужики раздѣлились на двѣ партiи и до сихъ поръ ведутъ самые оживленные дебаты въ чисто русскомъ вкусѣ. Между тѣмъ для предпринимателя-то очень важно какъ можно скорѣе разрѣшить этотъ вопросъ въ виду приближающагося здѣшняго престольнаго праздника, который, какъ извѣстно, всегда усиливаетъ спросъ на живительную влагу. Вотъ бабы прослышали эту бѣду и явились ко мнѣ съ просьбой, чтобы я повлiяла на мужиковъ въ извѣстномъ направленiи.

Надеждинъ. Ну и что-жъ? Какiе результаты вашихъ переговоровъ съ мужиками?

Смирнова. Ни какихъ. Я совсѣмъ не говорила съ ними.

Надеждинъ. *(Удивленно)*. Можетъ-ли быть? Сами-же вы находите это обстоятельство очень серьезнымъ, между тѣмъ такое отношенiе съ вашей стороны? Такъ вы говорите, что споры эти до сихъ поръ не кончились?

Смирнова. Да. Ужъ не думаете ли вы принять участiе?

Надеждинъ. Непремѣнно. Я, разумѣется, не имѣю права участвовать въ сходѣ, но можно поговорить съ крестьянами запросто, когда они подъ вечерокъ сбираются бесѣдовать гдѣ нибудь на завалинкѣ.

Смирнова. Не совѣтую. Легко можете нажить непрiятности, а цѣли не достигните.

---

*) Дѣйствiе происходитъ до введенiя новыхъ питейныхъ правилъ.

Надеждинъ. *(Съ укоромъ)*. Непріятности! Цѣлому населенію грозитъ опаиваніе и раззореніе, а вы боитесь какихъ-то непріятностей! Да и съ чего вы взяли, что цѣль не достигается? Не сами-ли вы говорите, что крестьяне раздѣлились на двѣ партіи? Стало быть надежда есть?

Смирнова. Правда. Но мнѣ все таки сдается, что ваше то участіе не много поможетъ дѣлу.

Надеждинъ. Это почему же?

Смирнова. А потому, что крестьяне отнесутся къ вамъ какъ къ человѣку незнакомому, съ крайнимъ недовѣріемъ.

Надеждинъ. Я постараюсь познакомиться. На этотъ разъ у меня есть даже маленькая заручка въ лицѣ одного здѣшняго крестьянина.

Смирнова. Какъ зовутъ этого крестьянина?

Надеждинъ. Парменъ Безродный. Человѣкъ, кажется, добрый и честный.

Смирнова. Ну, этотъ-то менѣе всѣхъ надеженъ. Правда, онъ добрый, но такъ неустойчивъ, и такъ забитъ нуждой, что легко поддается всякому вліянію.

Надеждинъ. А вотъ посмотримъ!

Смирнова. И такъ, вы рѣшительно хотите вмѣшаться въ эту исторію?

Надеждинъ. Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ. Какъ видите исторія эта не пустякъ. И признаюсь, меня крайне удивляетъ ваше безразличное отношеніе къ ней. *(Встаетъ)*. Однако мнѣ пора! До свиданія!

Смирнова. До свиданія! Такъ вы ужъ книжку-то не забудьте занести!

Надеждинъ. Съ удовольствіемъ! *(Уходитъ)*.

Смирнова. *(Одна)*. О, святая простота! Ужъ вѣрно накличешь ты бѣду на себя! Странное дѣло: вѣдь почти совсѣмъ не вѣрю въ успѣхъ этой опасной затѣи. Между тѣмъ гдѣ-то тамъ, на самомъ днѣ сердца, бродитъ непреоборимое желаніе встать рядомъ, и пойти рука объ руку съ этимъ юнымъ другомъ народа. А интересно

было бы знать, что-то подумалъ обо мнѣ этотъ новоявленный народникъ?—Эгоистка, молъ, дрянь! Вѣдь эти неискусившіеся борцы за народное благо обыкновенно не задумываются надъ приговорами. Стоитъ только не согласиться съ ихъ завѣтными убѣжденіями, и приговоръ готовъ; приговоръ строгій, безпощадный. Однако какъ хотѣлось мнѣ разсказать ему все; открыть глаза этому горячему идеалисту на всѣ здѣшнія темныя силы, съ которыми неминуемо должны будутъ встрѣтиться его благородные порывы! Да жаль было до времени разочаровывать его; жаль было разбивать его крѣпкую вѣру въ свои силы и въ народъ.

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Хватова. Двои двери: прямо и направо (отъ зрителя). На правой сторонѣ вблизи окна столъ. Между окномъ и боковой дверью зеркало. На лѣвой сторонѣ старомодный диванъ съ деревянною спинкой. Передъ нимъ столъ, покрытый пестрой салфеткой. У задней стѣны около двери шкафъ. Стулья вѣнскіе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тимофей Хватовъ и Максимъ.

(Хватовъ въ крахмаленной сорочкѣ, украшенной зеленымъ галстукомъ, и суконной парѣ, которая сидитъ на немъ мѣшковато и неловко. Максимъ въ красной рубахѣ. При поднятіи занавѣса оба стоятъ у стола, на которомъ красуется бутылка водки и налитая рюмка).

Тимофей. *(Указывая на рюмку).* Ну, катай! Чтожъ ты, братецъ, квасишь рюмку-то?

Максимъ. Нельзя ли ослобонить, Тимофей Сидорычъ! Самъ знаешь, много ли я ее потребляю...

Тимофей. Эхъ, ты баба! А еще жениться сбирается!

Максимъ. *(Съ гримасой).* Да ужъ больно противно то Тимофей Сидорычъ! Ну, коли еще бы съ закуской...

Тимофей. А я вотъ нарочно и не дамъ тебѣ закуски то... Привыкай! Не дѣвка красная! Да будешь ли ты пить то, чертъ лохматый?

Максимъ. *(Выпиваетъ съ усиліемъ и вытирается рукавомъ)*. У-у-у-ухъ! Чтобъ те вѣкъ не видѣлось проклятой! *(Гладитъ рукой по груди)*. Какъ огнемъ запалило въ нутрѣ-то!

Тимофей. Ха, ха, ха! Экъ его переводитъ! А ты бы по нашему, вотъ какъ! *(Наливаетъ и выпиваетъ залпомъ)*. Видалъ, какъ она взыграла!

Максимъ. Што говорить, Тимофей Сидорычъ? Ваше дѣло привычное. А я вѣдь только съ тобой когда побалуюсь.

Тимофей. Нынче праздникъ, Макся! Безъ питья никакъ невозможно. *(Вынимаетъ портсигаръ и предлагаетъ Максиму папиросу)*. Хошь курить?

Максимъ. Напрасно, Тимофей Сидорычъ! я вѣдь къ этому непривыченъ. Нешто выдымить одну?

Тимофей. Бери, братецъ! отъ этого намъ не убытокъ.

Максимъ. *(Взявъ папиросу и указывая на портсигаръ)*. Ахъ, Тимофей Сидорычъ? Ужъ какая же у тебя эта и штука занятная! Дозволь осмотрѣть пожалуйста!

Тимофей. *(Подаетъ закрытый портсигаръ)*. На, полюбопытствуй! *(Закуриваетъ папиросу)*.

Максимъ. *(Любуясь портсигаромъ)*. Вишь вѣдь какъ все гладко, да плотно пригонено *(Хочетъ открыть и неможетъ)*. Нѣтъ, братъ, ни въ жизнь свою не откупорить! Знать она только хозяина слушается. *(Возвращаетъ портсигаръ)*.

Тимофей. Ха, ха, ха! Вотъ гдѣ задача-то! Охъ ты, деревня необразованная! *(Объясняетъ секретъ)*. Вотъ смотри! Только давнуть эту самую пружинку, она и сдастъ.

Максимъ. *(Значительно)*. Да, одно слово, штука! Ну, а какъ звать-то а, Тимофей Сидорычъ?

Тимофей. А зовется это порцыгаръ.

Максимъ. Порцыгаръ! Вишь ты, слово-то совсѣмъ не наше, надо быть, и самая штука эта заморская. А чудно устроена! *(Закуриваетъ у Хватова)*.

Тимофей. Эко диво нашелъ! Вотъ ты бы посмотрѣлъ: есть такія папиросы, Египа прозываются.

Максимъ. Али еще занятiе?

Тимофей. Не впримѣръ. Какъ бы тебѣ, братецъ, обсказать это повразумительнѣе? Видишь-ли, Егизовы папиросы продаются въ такихъ бумажныхъ коробочкахъ. Сверху коробочки написано: «чиркни», а съ боку, значитъ, наклеена такая шадровитая бумажка. Вотъ хорошо. Достанешь ты изъ коробочки папиросу, да и чиркнешь ее объ эту самую бумажку-то шадровитую. Папироса — пфыкъ! и готово! сама, значитъ, закурилась.

Максимъ. И безъ спички?

Тимофей. Какъ есть, безо всякой спички.

Максимъ *(Удивленно)*. Ой, ой, ой! Неушто правда, Тимофей Сидорычъ?

Тимофей. Ну, вотъ, братецъ! Стану ли я тебѣ врать? *(Пауза)* Эхъ, Максютка! Кабы ты побывалъ со мной въ городѣ, такъ ужъ я бы тебѣ показалъ всякихъ диковинокъ!

Максимъ. *(Съ сокрушенiемъ)*. Гдѣ ужъ намъ, Тимофей Сидорычъ?

Тимофей. А хошь, возьму тебя въ городъ?

Максимъ. *(Радостно)*. Ой, ой! возьми пожалуйста Тимофей Сидорычъ! Да ты вѣдь поди шутишь?

Тимофей. Вѣрно тебѣ говорю. Вишь, дѣло какое. Батька скоро пошлетъ меня въ городъ съ хлѣбомъ. А Иванъ, работникъ нашъ захворалъ. Вотъ я тебя, значитъ, замѣсто его и поставлю. А ты тѣмъ временемъ просись дома-то, не зѣвай!

Максимъ. Што говорить? Линiя подходитъ разчудесная: Да вотъ горе мое, Тимофей Сидорычъ, капиталовъ у меня нѣтъ, а безъ капиталовъ въ городѣ какое ужъ дѣло? Только одна завидость будетъ тебя разнимать.

Тимофей. Не тужи, другъ милый! И капиталы найдутся. Скажу тебѣ, Макся, по секрету. Въ прошлый разъ мы съ Ванюхой тоже эдакъ возили хлѣбъ въ городъ и откинули, значитъ, такой фортель, што тебѣ и на умъ то не придетъ.

Максимъ. Разскажи, пожалуйста, Тимофей Сидорычъ! Ужъ будь спокоенъ: я — молчокъ!

Тимофей. Ахъ, братецъ! смѣхотворная исторія! Видишь, когда подошла пора ѣхать, мы навалили на мельницѣ возы и подъѣхали къ дому, штобы самому, значитъ, показаться. Знаешь вѣдь, какой онъ у насъ: не отпуститъ, пока самъ всѣхъ мѣшковъ не осмотритъ да не пересчитаетъ. Вотъ ладно. А ѣхавши съ мельницы-то, мы у оврага, въ кустахъ два мѣшечка и сбросили. Потомъ, братецъ, когда, значитъ, поѣхали въ городъ, ихъ опять подобрали честнымъ манеромъ. Ну, а вѣдь они — два то мѣшечка восемь цѣлковенькихъ! Понялъ?!

Максимъ. Какъ не понять! Оченно твердо понялъ. Однако, Тимофей Сидорычъ, это, словно-бы, значитъ, тово... и не ладно... Вишь, оно, будто ужъ, на воровство смахиваетъ...

Тимофей. У себя-то воровство? Эхъ, ты голова съ мозгомъ! А знаешь-ли ты, што самъ-то у насъ всякую копѣйку при себѣ содержитъ? Ну, такъ откуда же я возьму себѣ на гулянку-то?

Максимъ. Такъ. Ну, и погуляли-же вы, надобыть въ тѣ поры?

Тимофей. Ужъ такъ погуляли, Максюха, што едва прочухались! Свалили это мы возы, первое дѣло — въ трактиръ, заказали чайку, графинчикъ спросили. Сидимъ да калякаемъ. Комната большущая! Вся въ зеркалахъ, да въ патретахъ! Народу страсть! Шумно таково, весело! Вдругъ, значитъ, входитъ хрелина, да и другая, да и третья, штукъ до шести. Послѣ я узналъ, што это арфистки называются. А въ рукахъ-то у нихъ у каждой, братецъ-ты мой, такая музыка многострунная. Вотъ, значитъ, усѣлись онѣ на диванъ и заиграли, да такъ, братецъ, заиграли, што всего меня инда пошевеливать стало. Потомъ, какъ кончили, одна изъ нихъ подошла ко мнѣ и говоритъ съ эдакимъ подходцемъ. Молодой купецъ! угости, говоритъ, меня коньячкомъ! Это вишь вино такое есть. Зааористо, братецъ! Ну вотъ. А сама она, я тебѣ доложу, краля писанная? Глаза черные, какъ уголья!... Такъ и стрѣляютъ во всѣ стороны! Вотъ я подсѣлъ къ нимъ и поставилъ бутылочку, потому какъ *(указываетъ на голову)* здѣсь-то у меня ужъ свистѣло. Онѣ опять заиграли, прямо ужъ въ мою пользу. Тутъ и пошли у насъ потѣхи! Пискъ! Визгъ! Хохотъ! всего было... Вотъ, какъ, братецъ, наши-то гуляютъ!

Максимъ. Нда! погуляли! Ладно, братецъ, ты не робокъ. А я бы такъ обробѣлъ.

Тимофей. Это ты на счетъ чего?

Максимъ. А на счетъ этихъ самыхъ арфисокъ-то. Вишь хрелины какія, сказываешь ты...

Тимофей. Э, братецъ, *(указываетъ на горло)* какъ сюда то зальешь, такъ значитъ, все ладно, да впору. Ужъ точно, Макся, хрелины! Э-э-эхъ, какія зажигательныя! А наряжены-то какъ, ты бы посмотрѣлъ! Не то, што наши колоды-сарафанницы... А въ платьяхъ съ перехватомъ, вотъ къ примѣру, какъ у учительши нашей, только далеко форменнѣе. *(Пауза).* Къ слову сказать, Макся, учительша-то наша тоже вѣдь смачкота! Какъ ты объ этомъ полагаешь?

Максимъ. Полагаю, што эта дѣвица со всѣхъ сторонъ пріятная. Только нашему брату помышлять-то о ней кажись совсѣмъ ужъ не къ лицу.

Тимофей. Почему такъ?

Максимъ. А потому, какъ она ученая, да благородная, и для насъ, значитъ, вовсе не подъ пару.

Тимофей. А ежели она мнѣ по скусу пришлась? *(Смотрится въ зеркало и охорашивается).* Макся! Али насъ дѣвушки не могутъ любить?

Максимъ. Што говорить, Тимофей Сидорычъ? Извѣстно, ты по всей округѣ первымъ славникомъ слывешь. Только учительшу ты, братъ, все таки не замай!

Тимофей. Заладилъ одно! А знаешь-ли ты, што я даже ужъ чувствія свои ей объявилъ?

Максимъ. *(Удивленно).* Што-ты? Гдѣ же это тебѣ удалось?

Тимофей. Э, братъ! На этотъ счетъ насъ не учи! Видишь, подстерегъ я ее на дорогѣ, да и того...

Максимъ. А она што-же?

Тимофей. И не говори, братъ! Воспылала какъ молонья. Въ лицѣ даже вся измѣнилась, и отъ меня на утекъ!

Максимъ. Вотъ видишь! Долго ли обидѣть человѣка за напрасно?

Тимофей. Э! пустяки! Обойдется! и смякнеть! Вотъ только теперь повадился къ ней этотъ самый брандахлыстъ-то Питерской, што живетъ у дьячка. Ну да мы его отучимъ! *(Заглядываетъ въ окно)*. Ахъ, братъ, Максюха! самъ идетъ да и не одинъ, а съ гостями. *(Наливаетъ)*. Давай допьемъ поскорѣе и пойдемъ на улицу! Чай тамъ ужъ дѣвушки начали сбираться! *(Подаетъ рюмку)*. Пей.

Максимъ. Не довольно-ли Тимофей Сидорычъ?

Тимофей. Пей, дурень, пригодится! Съ Варюшкой-то посмѣлѣе будешь.

Максимъ. *(Выпивъ)*. Оно точно, што, Тимофей Сидорычъ, какъ-то оно вольготнѣе стало, *(съ жестомъ)* Эхъ, ма!

Тимофей. То-то, дурень! *(Наливаетъ и выпиваетъ. Уходятъ въ дверь прямо. Тимофей на ходу прячетъ бутылку и рюмку за шкафъ)*.

Максимъ. Што, братецъ, али концы хоронишь? Ха, ха!

Тимофей. Нда. Такъ-то оно вѣрнѣе будетъ. *(Спрятавъ)*. Ну, теперь, айда! *(Уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Сидоръ Хватовъ. Притыкинъ и Иванъ Горюнъ.

(Входятъ въ боковую дверь. Горюнъ садится около двери).

Хватовъ. Вотъ такъ разъ! и здѣсь никого? Привелъ гостей, а хозяйки и дома нѣтъ! *(Притыкину)*. Садись, братъ, Нилъ, такъ гость будешь. Дѣлать нечего! Станемъ ужъ одни какъ нибудь орудовать. *(Идетъ къ шкафу, достаетъ графинъ и рюмку, несетъ на столъ и садится)*.

Притыкинъ. *(Сидя у стола)*. Не безпокойтесь, Сидоръ Захарычъ! Намъ деликатесовъ никакихъ не требуется. *(Указывая на графинъ)*. А главный продуктъ и безъ хозяйки нашелся...

Хватовъ. Извини, братъ Нилъ? Часомъ угощать не стану, Ей Богу не жаль! Да хлопотать некому. Вишь, сама-то куда-то ухряла.

Притыкинъ. И прекрасно-съ! Мы до горячихъ напитковъ не охочи.

Хватовъ. *(Спохватившись)*. Ахъ, што-же я закуски-то. *(кличетъ)* Марья! а Марья! подь-ко сюда поскорѣе. *(За сценой: иду! иду!)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Марья.

Марья. *(Войдя)*. Што прикажешь Сидоръ Захарычъ?

Хватовъ. *(Строго)*. Гдѣ ты тамъ пропадаешь?

Марья. Гдѣ мнѣ быть-то? Извѣстно съ обрядомъ въ избѣ убиралась?

Хватовъ. А сама-то куда провалилась?

Марья. Надо быть къ фершалихѣ въ гости ушла

Хватовъ. Вишь, по людямъ шляется! нешто несыта дома-то? *(Марьѣ)* Поищи-ко тамъ нѣть-ли рыбничка?

Марья. Ахъ, батенька! Сидоръ Захаровичъ! што и сказалъ-то? У насъ-ли пироговъ нѣтъ? Да мы сегодня съ хозяйкой инда устали, утро-то стряпавши!

Хватовъ. Ладно, ступай! поговоришь послѣ! *(Марья уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же безъ Марьи.

Притыкинъ. Я такъ и полагалъ, что ваша Матрена Карповна находится въ обществѣ. Вѣроятно, тамъ и моя супруга. Что-жъ? пускай себѣ развлекаются! Нынче праздникъ. Дамамъ только и остается, что визиты дѣлать.

Хватовъ. Что говорить! У васъ съ фершаломъ бабы молодыя да рѣчистыя. Ну, а моя-то, извѣстно, какая ужъ имъ компанія? Сидитъ да только рыгаетъ, коли плотно поѣла. *(Указывая на графинъ)*. Развѣ вотъ этимъ языкъ-то развяжетъ? *(Наливаетъ рюмку. Марья приноситъ на тарелкѣ пирогъ и уходитъ)*.

Притыкинъ. Да! разумѣется! О праздникѣ и у дамъ даже безъ напитка дѣло не обходится.

Хватовъ. *(Указывая на рюмку).* Ну-ка, братъ, Нилъ Ѳомичъ, начинай на здоровье!

Притыкинъ. Можно! Съ праздникомъ, Сидоръ Захарычъ! *(Пьетъ и закусываетъ).*

Хватовъ Спасибо! И васъ такожде! *(Наливаетъ и подаетъ Горюну).* На и ты, Горюнъ, выпей! Можетъ и ты пригодишься!...

Горюнъ. *(Подходя и кланяясь).* Благодарствуемъ Сидоръ Захаровичъ! Завсегда рады послужить, благодѣтель! *(Дрожащей рукой беретъ рюмку и выпиваетъ).*

Хватовъ. *(Подаетъ Горюну кусокъ пирога).* Да ты, братецъ, садись сюда поближе къ столу-то!

Горюнъ. Ой, што ти, благодѣтель! Ужъ мѣсто ли намъ въ вашей честной компаніи?

Хватовъ. Ничего, садись! Мы не препятствуемъ. *(Притыкину)* Повтори братъ Нилъ! веселѣе будетъ... *(Горюнъ подвигаетъ стулъ и робко садится на кончикъ).*

Притыкинъ. *(Беретъ графинъ).* Точно, что послѣ первой не говорятъ. Правило мудрое и практичное! *(выпивъ)* Вотъ теперь и мысли начнутъ проясняться...

Хватовъ. *(Горюну).* И тебѣ, поди вѣдь, надо? *(Наливаетъ).*

Горюнъ. Полечи ужъ, благодѣтель! Оживи! Ей, ей, все нутро выжгло!

Хватовъ. По глазамъ вижу, што надо. *(Подаетъ).* Вишь, у тебя и руки то даже трепещутъ.

Притыкинъ. Что же это! почтеннѣйшій хозяинъ? Насъ угощаете, а сами то ни единой?

Хватовъ. Чего, братецъ! До питья ли мнѣ таперича. Изъ головы не выходитъ эта исторія съ кабакомъ! И праздникъ даже не въ праздникъ!

Притыкинъ. Такъ вы вотъ возьмите и выпейте съ горя!

Хватовъ. Карахтера своего боюсь, Нилъ! Выпью, такъ лютъ буду...

Притыкинъ. Однако, нечего сказать, ловко удрузили вамъ мужички то!

Хватовъ. Просто безъ ножа зарѣзали! Вѣдь придетъ нужда, такъ въ ногахъ ползаютъ. Хоть узломъ завязывай окаянныхъ! А вотъ на счетъ приговора уперлись анаѳемы! Что ты подѣлаешь?

Притыкинъ. Да! но тутъ и студентикъ не малую агитацію подводидъ.

Хватовъ. Что ужъ братецъ! По моему онъ то всему дѣлу голова. И откуда только нечистый занесъ къ намъ эдакого злодѣя?! Какъ разъ вѣдь въ то самое время! Вѣришь ли, братецъ, этта такое меня зло взяло, штө я и дьячку-то допросъ производилъ. Коли ежели, говорю, ты его научилъ этому дѣлу, такъ знай, што я изъ тебя лучины нащепаю. Испужался у меня парень. Што ты, говоритъ, Сидоръ Захаровичъ! Посмѣю ли я? И точно не вѣритъ.

Притыкинъ. Ха, ха, ха! Исторія-то выходитъ, очень капитальная, коли вы даже неповиннаго дьячка Михѣича привлекали къ отвѣту?

Хватовъ. Какъ-же, братецъ, не капитальная? Прямые убытки! Самъ ты суди! Въ Пріютовѣ у меня кабакъ На горѣ кабакъ. Да кабы здѣсь еще!... Оно и вышло бы значитъ на вокругъ *(описываетъ рукой въ воздухѣ кругъ)*. Тогда бы мнѣ польза то тройная... Я ужъ, было, и радовался... Извѣсно, кто себѣ врагъ? Ну, думаю, благодать Господь посылаетъ! И дѣло то шло какъ разъ къ празднику. Пора золотая... Анъ вдругъ эдакое преткновенье! И отъ кого же, братецъ?—Отъ какого то сморчка, прости Господи, отъ студентишка! Ему вѣдь што? —Уѣдетъ онъ отсюда и горя мало. А мнѣ каково убытки-то переносить?! *(Нажимаетъ кулакъ)*. Ужъ кабы моя власть!...

Притыкинъ. Напрасное волненье, Сидоръ Захаровичъ! Заведеніе ваше отъ васъ не уйдетъ. Конечно, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Ну, а противъ студентика, коли угодно и теперь можно оградительныя мѣры принять...

Хватовъ. Какимъ же это, братецъ, манеромъ? Научи! Да ты выпей пожалуйста!

Притыкинъ. *(Наливая)*. Штука очень простая! Довести до свѣдѣнія начальства, что въ селѣ Зарѣчномъ проявился внушитель

такой-то, и дѣлу конецъ. Состоитъ, молъ, означенный внушитель въ сообществѣ съ мѣстной учительницей и занимается распространеніемъ неудобовразумительныхъ и вредныхъ сочиненій.

Хватовъ. Нешто это и въ самъ-дѣлѣ такъ?

Притыкинъ А то какъ бы вы думали? Э! мы на этотъ счетъ кой что знаемъ! *(Указываетъ на Горюна)* Да вотъ вы спросите-ка этого самаго субъекта, такъ онъ вамъ и разскажетъ *(Выпиваетъ)*.

Хватовъ. *(Горюну)*. Ась што такое знаешь Горюнъ.

Горюнъ. Точно... Былъ случай, благодѣтель. Тащусь я этта по улицѣ, вижу, на встрѣчу мнѣ идетъ нашъ баринъ пріѣзжій. Въ рукахъ книжка. Я, значитъ, поспѣшилъ и присѣлъ на крылечко у школы, будто, какъ отдохнуть. Дай, думаю, спрошу, что у него за книжка такая? а потомъ и донесу Нилу Ѳомичу, потому какъ онъ у насъ битка по книжной-то части. Вотъ хорошо. Подошелъ ко мнѣ этотъ господинъ. Я ему и говорю. Позволь, говорю, баринъ, полюбопытствовать вашу книжку? Развѣ ты, говоритъ, грамотный? Смѣкаемъ, молъ, по малости. На говоритъ полюбопытствуй! Взялъ я это—раскрылъ. Вижу, написано таково крупно да четко. А никакъ въ толкъ не возьму... Не то гіена, не то гигіена какая-то. Отдалъ я книгу обратно, а самъ бѣгомъ къ Нилу Ѳомичу. Всю дорогу твердилъ проклятое слово: *(скороговоркой)* «гіена-гигіена, гіена-гигіена», а все таки не могъ обсказать правильно... Позволь, благодѣтель, рюмочку!

Хватовъ. Пей! *(Горюнъ пьетъ)*.

Притыкинъ. Вотъ видите, Сидоръ Захаровичъ! И вещественныя доказательства имѣются-съ. Все это можно изложить въ донесеніи подробно и обстоятельно. Не хвастаю, Сидоръ Захарычъ, а изложить могу-съ, особливо ежели *(указываетъ на графинъ)* посредствомъ вотъ этой штуки оживить теченіе своихъ мыслей...

Хватовъ. Все это, братецъ, не то! Ну положимъ, ты настрочишь. Понятно, значитъ, становой, да меня же первымъ дѣломъ въ изъянъ и введетъ. Его вѣдь тоже, чай, принять надо будетъ. Ну то, да се, а брандахлыстъ-то тѣмъ временемъ, какъ ни на есть, вывернется. Вотъ тебѣ и вся недолга...

Горюнъ. Умныя рѣчи, благодѣтель!

Притыкинъ. Какъ угодно, Сидоръ Захарычъ! Я предлагаю вамъ проэктъ; но вы не согласны. Что-жъ? Дѣло ваше!

Хватовъ. *(Вполголоса)*. Нѣтъ, вотъ што, братецъ! скажемъ про между насъ... Поучить бы маненько... *(Показываетъ кулакъ)* своимъ, значитъ, средствіемъ... Какъ вы объ этомъ полагаете?

Горюнъ. Ахъ, благодѣтель! Мы завсегда согласны соотвѣтствовать. Позволь ужъ еще рюмочку! *(Наливаетъ и пьетъ)*.

Притыкинъ. Ну извините, Сидоръ Захаровичъ! Я не могу раздѣлять вашего воззрѣнія...

Хватовъ. Отчего это братецъ?

Притыкинъ. Потому что это дѣло рисковое. Вы скажете, останься при печальномъ интересѣ...

Хватовъ. Што, думаешь, судиться станетъ?

Притыкинъ. Все возможно, Сидоръ Захаровичъ...

Хватовъ. А судиться, такъ судиться! Аблакаты выручатъ! *(Входятъ: Хватова, Взорова и Притыкина, одѣтыя по праздничному)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хватова, Взорова, Притыкина. Хватовъ, Притыкинъ и Горюнъ.

Хватова. Вотъ и мы! Бесѣдѣ вашей! *(Раскланиваясь съ гостями)*. Пожалуйте, гостейки дорогія, вотъ сюда, на диванчикъ! *(Всѣ трое чинно идутъ къ дивану и усаживаются)*.

Хватовъ. Смотри-ка, Нилъ! И моя-то ворона сегодня павой плаваетъ...

Притыкинъ. Нда! А дамы то наши никакъ малость клюкнули?

Взорова. Ахъ, Нилъ Ѳомичъ! не извольте надсмѣшки строить! Не напоили да укорили...

Притыкинъ. Ха, ха, ха! Что ужъ тутъ? Шила въ мѣшкѣ не утаишь Анѳиса Алексѣевна!

Хватовъ. *(Вставъ)*. Ну, братъ, я пойду! Мнѣ еще надо по дѣлу, *(подавая руку Притыкину)* Прощай!

Притыкинъ. *(Вставъ)*. До свиданія Сидоръ Захаровичъ! За угощеніе благодарствуемъ!

Хватовъ Ну, не взыщи! Какое угощеніе. А ты побесѣдуй съ бабами-то! Ты на это мастеръ.

Притыкинъ. Нѣтъ! и я отправляюсь. Бесѣдовать съ дамами я нынче не въ настроеніи...

Притыкина. Извѣстно, попало въ голову-то, такъ спѣшишь доканчивать...

Притыкинъ. *(Строго).* Супруга! Не оппонируй! *(Дѣлаетъ реверансъ).* Почтеніе дамамъ! *(Уходитъ вслѣдъ за Хватовымъ и Горюномъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хватова, Притыкина, Взорова.

Хватова. Ахъ, матушки мои! Што же это я курва, гостьей то усѣлась! *(Встаетъ и кличетъ).* Марья! а Марья! *(Идетъ къ шкафу, беретъ оттуда двѣ тарелки съ пряниками и орѣхами и ставитъ на столъ).* Покушайте-ка, милыя мои, вотъ пряничковъ, да орѣшковъ погрызите!... Все, будто какъ, занятіе. Время то и пройдетъ незамѣтно. Анисса Алексѣевна! Раиса Трифоновна! Пожалуйте!

Взорова. Мерси! *(Беретъ).*

Притыкина. Много вашего безпокойства Матрена Карповна! *(Беретъ).*

Хватова. Ну, какое тутъ безпокойство! Кушайте на доброе здоровье! *(Загадочно)* А я тѣмъ временемъ, можетъ, и еще што примыслю! Однако, куда же это, дѣвоньки, баба-то моя запропала? Ума не приложу! *(Идетъ къ двери и кличетъ).* Марья! Машка! гдѣ ты плеха? *(Входитъ Марья).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Марья.

Марья. Хозяйка? Ты меня словно бы кликала?

Хватова. *(Передразнивая)* Кликала! *(Строго)* Прислуга ты мнѣ, али нѣтъ? Можешь ты хозяйкѣ не повиноваться?

Марья. Кажись, я, Матрена Карповна, завсегда повинуюсь...,

Хватова. А для че на зовъ не шла?

Марья. Да я не смѣкнула сразу-то... потому, какъ ты прежде, коли дѣло какое, завсегда сама ходила въ избу, а не кликала меня изъ покоевъ-то...

Хватова. А сегодня вотъ кличу. Не укажешь!

Марья. Твоя воля, Матрена Карповна! Извѣстно, ты большуха въ домѣ... Однако, на что же я тебѣ понадобилась-то?

Хватова. А вотъ тебѣ мой приказъ: ступай сейчасъ наставляй самый большой самоваръ! Да смотри у меня живо!... Знаешь, я вѣдь отходчива... а можетъ и взыщу, коли не потрафишь. Ступай! *(Марья уходитъ. Хватова идетъ къ шкафу, достаетъ бутылку наливки и рюмку и несетъ къ гостямъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же безъ Марьи.

Хватова. *(Весело)*. Ну, а пока наша Марья съ самоваромъ-то валандается, мы, дѣвоньки, попробуемте-ка, што такое въ этой бутылочкѣ заключается?

Взорова. Ахъ; напрасно, Матрена Карповна! Вѣдь ужъ былое дѣло!

Хватова. Што ты мать моя? Ужъ безъ чего нельзя, такъ и нельзя. Вы хоть труды-то мои уважьте. Вѣдь это я сама настаивала къ празднику, нарочно для дорогихъ гостекъ. *(Наливаетъ и подаетъ Притыкиной)*. Раиса Трифоновна! Пригубьте-ка пожалуйста!

Притыкина. *(Отстраняя рюмку. Шутя)* Можетъ, горько, Матрена Карповна?

Хватова. Затѣмъ-то и надо попробовать, чтобы узнать, горько, или нѣтъ. *(Притыкина пьетъ. Хватова придерживаетъ рюмку)*. Всю, всю, всю, матушка! Вотъ такъ! И разчудесно! *(Стала наливать и подносить Взоровой)*. Анѳиса Алексѣевна!

Взорова *(выпивъ)* Мерси. Что-же вы сами-то, Матрена Карповна?

Хватова. Ахъ, моя милая! Кто подноситъ, тотъ непроситъ. Небось и сама выпью *(выпиваетъ)* Вотъ теперь сядемъ да потолкуемъ *(Садится рядомъ на диванъ)*.

Взорова. Подумаешь, какая вамъ жизнь-то, Матрена Карповна, покойная, да привольная! Даже завидно! У васъ ни дѣти малыя... Домъ — полная чаша... Отъ людей почтеніе...

Притыкина. Просто умирать не надо!

Хватова. Што ужъ матушки! Нечего Бога гнѣвить. Сами видите: за прислугой живу, будто барыня какая. А на счетъ продовольствія всякаго и говорить не остается... По три раза на день самоваръ ставлю. Нечего матушки; грѣхъ пожаловаться, самъ-отъ не запрещаетъ. Только иной разъ скажетъ: ты ужъ опять, говоритъ, за самоваромъ пыхтишь? Ну, а я свое дѣло, знай продолжаю...

Взорова. На вашемъ мѣстѣ и нельзя иначе, Матрена Карповна, Капиталы у васъ теперь большіе. Не наше горе...

Хватова. Въ чужомъ карманѣ мудрено считать, матушка! Мнѣ и самой даже не извѣстно. А знаю, што на прожитокъ хватитъ. Што говоритъ мой Сидоръ Захаровичъ—мужикъ умный: умѣетъ нажить.

Взорова. Не то, что наши мужья, напримѣръ. Кстати разскажу вамъ про своего-то чудышка. Пришла этта къ нему одна бабенка и принесла 8 штукъ яицъ. Сама такая рваная, лядящая. Мой-то, видите-ли, у ней дѣвчонку вылечилъ. Такъ вотъ она и принесла яичекъ, будто какъ изъ благодарности. Что же бы вы думали, матушки? Не взялъ вѣдь! Да еще ко мнѣ съ наставленіемъ обратился... Знаю, говоритъ, я бѣдность этой крестьянки. Видишь, говоритъ, она принесла только 8 яицъ, значитъ, у ней десятка даже не набралось. Пойми ты, говоритъ, это! А могу-ли я понимать? Мнѣ самой жить надо.

Притыкина. Ну, нѣтъ, Аносиса Алексѣевна, мы съ Нилъ Ѳомичемъ такъ не поступаемъ. Нечего грѣха таить, извѣстно, онъ у меня выпиваетъ и отъ просителя прежде всего выпивки спрашиваетъ. За то я свое дѣло знаю: ежели есть случай получить, завсегда получаю. Говорятъ: Бьютъ—бѣги, а даютъ—бери! Иной разъ онъ у меня пьяненькой-то и захорохорится. Я, говоритъ, тебѣ благородство и образованность придалъ, такъ ты, говоритъ, и поступай сообразно сему! Да плевать мнѣ на его то благородство! Съ него сытъ не будешь...

Хватова. Вотъ какъ люди то дѣйствуютъ. Значитъ вы сами отъ себя добро теряете, матушка Аносиса Алексѣевна. Пенять не на кого.

Взорова. Что же мнѣ дѣлать, ежели онъ у меня такой непутевый? Ужъ кажется, всякой-то день я его ругаю, а улучшеніи

не вижу. Да гдѣ ему и научиться жить? Съ настоящимъ дѣловымъ народомъ не знается. Повадился вонъ къ учительшѣ, да съ пріѣзжимъ студентомъ знакомство свелъ.

Хватова. Признаться, мои то мужики што крѣпко не жалуютъ и учительшу, и этого пріѣзжаго. Да и твоего, матушка, Якова Петровича не совсѣмъ таки ладно поминаютъ. Все, говорятъ, это одна шайка. Ты бы отстраняла своего-то, чтобы какого вреда не вышло.

Взорова. И то ужъ, кажется, отстраняю. Намедни совсѣмъ накрыла у учительши. А учительша-то, и-и хитрая! Давай защищать. За дѣломъ, говоритъ, онъ ко мнѣ ходитъ. Какъ вамъ это покажется, матушка! Ну, да я, нечего сказать, порядочно таки ей понапѣла...

Притыкина. И по дѣломъ ей? Очень ужъ важничаетъ. Съ нами даже и знаться не хочетъ. Небось, еще не какія нибудь... Сами на благородной ногѣ стоимъ...

Хватова. Да худо ужъ, коли у мужа съ женой да мысли не согласныя. На этотъ счетъ меня вотъ и Тимошенька крушитъ...

Притыкина. О чемъ же вамъ безпокоиться, Матрена Карповна? Вашъ Тимофей Сидорычъ, кажется, молодой человѣкъ во всѣхъ статьяхъ.

Взорова. Въ городѣ бываетъ, образованность тамъ перенимаетъ, и, можно сказать, выходитъ на линіи настоящаго кавалера.

Хватова. Женить его пора, матушка! А то не ровенъ часъ, избалуется парень... Вотъ объ этомъ я и печалюсь.

Взорова. За чѣмъ же дѣло стало Матрена Карповна? Эдакого кавалера никто не забракуетъ...

Хватова. По капиталамъ-то нашимъ трудно, матушка, настоящую партію подыскать. Окромя всего прочаго, надо, чтобы и мужу была супруга преданная, да и насъ, стариковъ, почитала. Ну по здѣшнему мѣсту такой то пожалуй и не сыщется.

Взорова. Точно... Дѣло трудное, Матрена Карповна.

Хватова. Охъ, трудное, трудное! Што говорить? А парень у меня—умница! Отца даже превосходитъ. Намедни какую пулю отлилъ? Съ одного молодчика получилъ по векселю вторично. Видите-ли, деньги-то въ свое время были уплачены по частямъ. Только

на векселѣ-то, надо быть, по небреженію должника не было сдѣлано отмѣтки объ этомъ. И што же, матушки? Нашъ Тимоша получилъ денежки сполна. Дураковъ, говоритъ, надо учить. Вѣрите-ли дѣвоньки, самъ-отъ у меня даже ахнулъ. Ну, говоритъ, парень, што-то изъ тебя дальше выйдетъ? Другой догадайся такъ то сдѣлать!

Взорова. Да. По всему видно, Матрена Карповна, что Тимофей Сидорычъ — человѣкъ хозяйственный.

Хватова. Одно слово умница. Вотъ только-бы Господь привелъ устроить-то его. *(Пауза)* Ну, а моя жизнь, дѣвоньки, што ужъ и толковать! Рай земной да и только. Сами помните, до выдачи я была щепка щепкой, а теперь *(самодовольно поводитъ плечами)* вишь ты, какъ на кормъ-отъ пошла! А все отчего! — Отъ приволья, матушки. Самъ-отъ бить даже меня пересталъ. Да гдѣ-ужъ? До того ли ему теперь? Своего дѣла по горло. Ужъ такъ живу,... такъ живу, дѣвоньки, что и сказать не умѣю! Одна рука въ меду, другая въ патокѣ! *(Пауза)* Однако што же это фефела-то моя съ самоваромъ долго возится? Я вѣдь могу ее распыжить. Распыжить, али не распыжить, дѣвоньки? Ну, да ужъ будто для праздника помилую. Пускай себѣ возится. Вѣдь и ея жизнь тоже не сладкая. *(Перемѣнивъ тонъ)* А мы дѣвоньки, той порой возьмемъ да и повторимъ *(Наливаетъ и подаетъ Притыкиной)*.

Притыкина Ахъ, Матрена Карповна! Я ужъ и то опьянѣла!

Хватова. Ну, ну, ладно, матушка! Праздникъ-отъ вѣдь не каждый день.., *(Притыкина пьетъ)*.

Хватова. *(Снова наливаетъ и подаетъ Взоровой)*. Анфиса Алексѣевна! Пожалуйте!

Взорова. Мерси! *(Пьетъ)*.

Хватова. *(выпивъ)* Ахъ, штой-то какъ весело стало дѣвоньки! Давайте-ка пѣсенку! *(Запѣваетъ визгливымъ голосомъ)*:

Я вечоръ молода,
Да во пиру была.

Гостьи подхватываютъ: Эхъ, во пиру была
Да во бесѣдушкѣ...

(Занавѣсъ падаетъ во время пѣнія).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Деревенская улица. Слѣва (отъ зрителя) въ глубинѣ сцены изба. Передъ избой колодезь. Справа мимо избы переулокъ, представляющій спускъ къ ручью. Вдали за ручьемъ зеленѣютъ поля молодой озими. На завалинкѣ избы сидятъ дѣвушки и парни, одѣтые по праздничному. Максимъ и Варя сидятъ на колодцѣ и грызутъ сѣмячки. Тимофей Хватовъ, держа въ рукахъ узелки со сластями, ходитъ и угощаетъ дѣвушекъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тимофей *(Подойдя къ Варѣ)* Варвара Васильевна! нашихъ пряничковъ, орѣшковъ!...

Варя. Напрасно Тимофей Сидорычъ! Я, право, не хочу! Мнѣ вотъ и съ сѣмячками работы на долго хватитъ.

Тимофей. Честь была приложена, а убытку Богъ избавилъ. *(Максиму)* Ну, коли ты возьми за нее!

Максимъ Благодарствуемъ, Тимофей Сидорычъ *(беретъ)*. Ужъ такъ и быть, давай, побалуемся пряничкомъ! *(Тимофей отходитъ и садится на завалинкѣ)*.

Максимъ. *(Варѣ)* Варвара Васильевна! Для-че и ты не взяла прянича? Сладкіе вѣдь!... Буди медъ!... *(откусивъ подаетъ)*. На-ка! отвѣдай!

Варя. *(Шутя)* Чужимъ-то добромъ просто угощать... Ты бы своихъ принесъ, а Тимошкиныхъ я не желаю, будь они сахарные...

Максимъ. Вишь вѣдь ты какая! И пряничкомъ-то тебя не прикорминь.

Варя. Особливо ежели Тимошкинымъ. А примѣчалъ-ли ты, парень, што далеко не каждая дѣвушка беретъ его то сладкіе пряники? И знаешь отчего?

Максимъ. Это намъ неизвѣстно, Варвара Васильевна. По мнѣ все одно: пряники, такъ пряники, чьи ни на есть.

Варя. Взять-ли ихъ у любаго человѣка или у противнаго, и это, по твоему, все одно?

Максимъ Ну нѣтъ! Какъ можно, Варвара Васильевна? Любой али противной?... Какое ужъ тутъ сравненіе?

Варя. Такъ вотъ теперь ты и смѣкай, отчего я не взяла пряничковъ у твоего-то благопріятеля?

Максимъ. Смекнуть можно. Выходитъ, ты его къ противнымъ причисляешь Только не знаю за што?

Варя. Мало-ли за што? Примѣрно, хоть бы за то, што онъ людей портитъ.

Максимъ. Это ты о комъ же, Варвара Васильевна? Мнѣ што то невдомекъ.

Варя *(шутя)* Какой ты, право, безтолковый, какъ я погляжу. *(Серьезно)* А оглянись-ка ты, добрый молодецъ, на себя прежде? Отъ тебя вотъ посейчасъ винищемъ-то разитъ, какъ отъ бочки кабацкой. А кто угостилъ? Ужъ, навѣрно, благопріятель.

Максимъ. Вишь, ты куда загнула? А я ужъ думалъ и больше што.

Варя Али пьянствовать, по твоему, дѣло хорошее!

Максимъ. Нешто мы пьянствуемъ, Варвара Васильевна? Точно, выпилъ... Такъ вѣдь это я, значитъ, для веселости, да для смѣлости...

Варя. Не пойму, для чего тебѣ эта смѣлость сегодня понадобилась? Али драться съ кѣмъ сбираешься?

Максимъ. Избави Боже! Вѣкъ ни съ кѣмъ не дрался. *(съ укоромъ)*. Напрасно, ты, Варвара Васильевна, мысли мои насупротивъ понимаешь!

Варя. Кто же пойметъ тебя, непутеваго? Говори толкомъ, а не загадками?

Максимъ. На слово-то я, вишь, не гораздъ... Эхъ Варвара Васильевна! Кабы ты знала!... Можетъ я и выпилъ-то сегодня собственно для разговору... Думаю, придетъ смѣлость,—и выложу все, што у меня на сердцѣ. Анъ вышло не такъ! *(Указываетъ на сердце)* Здѣсь-то вотъ оно кипитъ, а съ языка, значитъ, не идетъ *(тише)*. А все оттого, надо быть, што ты мнѣ ужъ больно по сердцу пришлась, и все такое! *(хочетъ обнять)*.

Варя *(бьетъ по рукѣ)*. Не трошь! Съ пьянымъ-то рыломъ да туда же цѣловаться лѣзешь!

Максимъ *(отодвигаясь, обиженный)* Што ты больно зазналась! Ужъ и дотронуться не смѣй! Подожди! Вотъ мы съ Тимощей

скоро поѣдемъ въ городъ, такъ тамъ найдемъ хрелинъ почище!... *(съ жестомъ)*. Къ арфискамъ, значитъ, поѣдемъ! Порцыгаръ купимъ!...

Варя *(вставъ)*. Это еще што за новость *(строго)*. Коли такъ,—то и убирайся къ своему Тимошѣ, а меня съ этой поры не знай!...

Максимъ.*(съ мольбой)* Варвара Васильевна! Родная! Присядь на минуточку! Я одно слово... *(Варя садится. Максимъ беретъ ее за руку)* Ей, ей, это я такъ!... Это я, значитъ, съ хмѣлю... Варвара Васильевна! Варюша! прости желанная! *(цѣлуетъ)*.

Варя. *(Съ лаской гладитъ Максима по волосамъ)*. Ну, ну, ладно! Только ужъ ты не озорничай больше! *(указываетъ на право)* Вонъ видишь, пріѣзжій то баринъ идетъ сюда. Неровно, замѣтитъ, да перескажетъ моей Львовнѣ. Бѣда! Замѣтитъ, пожалуй. *(Снова принимаются за сѣмячки)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Надеждинъ.

(Медленно входитъ справа отъ зрителей).

Надеждинъ. Вотъ онъ и праздникъ деревенскій! Весь на лицо. Знай, смотри, да любуйся! А матеріаловъ для наблюденія достаточно! И какое необыкновенное оживленіе! Точно воскресло все село. Улица полна народа. Всѣ рады, веселы. Даже завѣдомые бѣдняки и тѣ выглядятъ какъ то по праздничному. Да; тотъ, кто въ потѣ лица добываетъ хлѣбъ свой, ужъ, конечно, знаетъ цѣну празднику! Не даромъ такое сердечное задушевное ликованье. *(За сценой слышно галдѣніе)* Вонъ какъ галдятъ! А что было бы, если-бъ этому міроѣду Хватову удалось основать здѣсь свое увеселительное заведеніе? Нѣтъ, что ни говори, а кабакъ для народа—великое искушеніе. Будь это искушеніе теперь здѣсь, такъ сказать, подъ бокомъ, такой ли бы вышелъ праздникъ? Да, правы были здѣшнія бабы, когда на вопросъ о кабакѣ отвѣтили мнѣ пословицей: «дальше моря, меньше горя». Значитъ самъ народъ прекрасно понимаетъ, на сколько опасны

для него волны этого сивушнаго моря. *(Замѣтивъ молодежь).* Ба, да здѣсь молодежь! *(Указывая на Максима и Варю)* Вотъ даже и парочка! Какая идилія! Быть можетъ влюбленные? Да никакъ это Варя! *(Указывая на парочку)* Ну, этихъ мы не станемъ тревожить, а попробуемъ вотъ здѣсь *(подходитъ къ группѣ парней и дѣвушекъ)* Здравствуйте, дѣвушки! Здравствуйте молодцы хорошіе! Съ праздникомъ васъ!

Гол. изъ группы. Здравствуй баринъ! Спасибо! и тебя также!

Надеждинъ. Что же вы не пользуетесь праздникомъ? Не веселитесь?

Тимофей *(насмѣшливо)* А ты, баринъ, не потѣшить ли насъ пришелъ? Напрасно, братъ! Намъ и безъ тебя было не скучно,

Надеждинъ. Чѣмъ же я могу васъ потѣшить. Напротивъ, я пришелъ посмотрѣть на ваше веселье.

Тимофей. Ну, и смотри, коли есть охота смотрѣть, какъ мы сидимъ на завалинкѣ.

Надеждинъ. Отчего же вы не пляшете? Пѣсенъ не поете? Развѣ здѣсь не въ обычаѣ эти развлеченія?

Тимофей. Для че не въ обычаѣ? Мы и спляшемъ и споемъ не хуже кого другаго, ежели придетъ, значитъ, желаніе.

Надеждинъ. Ну, а вотъ сегодня скоро придетъ это желаніе?

Тимофей. Это ужъ наше дѣло! Полагать надо, тебѣ, баринъ, придется обождать.

Надеждинъ. Что же такъ?

Тимофей. А то,—што мы, значитъ для себя повады*) заводимъ, а не для васъ.

Одна изъ дѣвушекъ *(шутя)*. Слышь, ты, баринъ! А ты бы пошелъ со мной плясать.

Надеждинъ *(шутя)*. Съ удовольствіемъ, если бы умѣлъ по вашему.

Другая дѣвушка *(бойко)*. А мы те научимъ, коли желаешь?

Третья дѣвушка. Ахъ, дѣвушки! Нонѣ о святкахъ, на вечеркѣ у просвирни я видѣла, какъ семинаристы козломъ скачутъ. Ха, ха, ха!

---

*) Деревенское веселье.

Просто ухорушка! *(указываетъ на Надеждина)* И онъ, поди, эдакъ же умѣетъ. Ну-ка, баринъ, покажи какія у васъ тамъ колѣна выдѣлываютъ!

Надеждинъ. Нѣтъ, не могу. Надо тоже съ дѣвушкой. А вы вотъ въ свою очередь по нашему не умѣете.

Тимофей. Гдѣ ужъ вотъ вахлачкамъ да съ барами плясать. Да и тебѣ, баринъ, съ нами не къ линіи... Шелъ бы ты лучше, значитъ, къ своей учительшѣ, да тамъ и плясалъ!...

Надеждинъ. Почему же она моя?

Тимофей. Ну, это тебѣ ближе знать.

Надеждинъ.*(съ ироніей)* Я замѣчаю, что ты, добрый молодецъ, почему то на меня изволишь гнѣваться. Чѣмъ я тебя прогнѣвалъ, не знаю?

Тимофей.*(загадочно)* Погоди! можетъ и узнаешь когда ни на есть.

Надеждинъ. *(удивленно)* Что такое? Это какая то угроза?! Однако, если я тебя чѣмъ нибудь обидѣлъ, такъ ты скажи мнѣ прямо! Ни съ тобой, ни съ кѣмъ другимъ изъ васъ я вовсе не желаю ссориться, и, какъ видите, пришелъ сюда съ добрыми намѣреніями.

Одинъ изъ парней. Брось, Тимоша! И въ самомъ дѣлѣ, што за ссоры?

Тимофей.*(парню)* Молчи, братецъ! Ты этого дѣла не знаешь... Тутъ мой антиресъ... Такъ нешто я стану спущать значитъ всякому заѣзжему вѣтрогону?

Надеждинъ. Однако, ты, парень ужъ дерзости начинаешь говорить?

Тимофей. А што ты думаешь? Нешто мы вашего брата боимся? видали—такихъ-то!

Надеждинъ. Ну, и прекрасно, что не боишься! Но вмѣсто того, чтобы огрызаться, объяснишь-ли ты мнѣ наконецъ толкомъ, когда и гдѣ я могъ повредить твоему «антиресу»?

Тимофей. Я ужъ тебѣ сказалъ. Придетъ пора, узнаешь.*(вставъ)* Братцы! пойдемте на качель *(всѣ встаютъ)* Макся! Варя! идемъ! *(нахально)* До свиданія, баринъ! Къ намъ на предки! Иди, куда путь держишь! *(Съ пѣсней всѣ уходятъ на право)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Надеждинъ *(одинъ)*. Ушли! Ну, Николай Павловичъ! поздравляю! У здѣшней молодежи ты потерпѣлъ полнѣйшее фіаско! Впрочемъ, быть можетъ, на первыхъ порахъ меня стѣснялись, какъ человѣка чужаго и не ихъ среды. Вотъ поживемъ — увидимъ!... Но всего досаднѣе то, что этотъ молодецъ Хватовъ, какъ замѣтно, пользуется какимъ-то авторитетомъ у молодежи, и ужъ, конечно, просвѣщаетъ неопытныхъ. А молодецъ должно быть, изъ цивилизованныхъ! Мнѣ кажется, это - отпрыскъ, вполнѣ достойный своего батюшки. И съ какой стати онъ набросился на меня съ такимъ откровеннымъ ожесточеніемъ? Ужели только ради защиты родительскихъ интересовъ? Личныхъ столкновеній у меня съ нимъ никакихъ не бывало. Совсѣмъ не понимаю! Обѣщалъ объяснить... Ладно! Будемъ ждать! *(Справа выходитъ Парменъ Безродный)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Надеждинъ и Парменъ Безродный.

(Парменъ Безродный одѣтъ въ рваный зипунъ Въ рукахъ большой мѣшокъ. Вся фигура жалкая. На лицѣ страданіе и мольба)

Надеждинъ. А! Парменъ Григорьевичъ! Здравствуй!

Парменъ *(Снявъ шапку и кланяясь)*. Здравствуй Николай Павловичъ! Здравствуй кормилецъ! *(держитъ шапку въ рукахъ)*.

Надеждинъ. Да, чтоже ты шапку то снялъ? Накрывайся! Видишь, пока еще не жарко...

Парменъ. Ничего! Это намъ по привычкѣ!

Надеждинъ. Какъ знаешь. Ну, что какъ твои дѣла?

Парменъ Охъ, ужъ лучше и не спрашивай, родимый!

Надеждинъ. Стало быть, не весело празднуешь?

Парменъ. *(горько)* Да! праздную!...

Надеждинъ. Плохо, братъ, такъ-то! А я вотъ сегодня давно гуляю по селу, вездѣ вижу такое ликованье, и радуюсь: думаю, всѣмъ хорошо, по крайней мѣрѣ на сегодня-то...

Пармень. Эхъ, Николай Павловичъ! Не суди по одной улицѣ, а и въ избы загляни, коли желаешь всей правды! Знаешь, што я тебѣ скажу? На улицу прежде всего лѣзетъ сытость да довольство... Ну, а горе-то наше, горе настоящее, заправское, то не любитъ показываться, то больше по угламъ хоронится.

Надеждинъ. Правда твоя. Однако, ты что это сегодня какъ то ужъ очень приуныль?

Пармень. Охъ, родной! радоваться-то мнѣ не къ лицу!

Надеждинъ. Что у тебя дома то какъ? Развѣ твоей женѣ хуже?

Пармень. Нѣтъ! Слава Царю Небесному! Баба оживаетъ. Послѣ того какъ, ты, значитъ, далъ ей свое лекарство, скоро и очнулась *(кланяется)*. Ужъ такое ли тебѣ спасибо, голубчикъ! Пошли тебѣ Господи всякаго счастія! Оживилъ мою бабу... опять стала силу набирать... Сегодня вонъ даже ѣды попросила...

Надеждинъ. Ахъ, и прекрасно! Знаешь, теперь бы ей хорошо было дать супу, ну, понимаешь, просто щей, только безъ мяса... Мяса пока еще нельзя!

Пармень *(въ волненіи)*. Стой! Стой! мяса! штей! Не... не... не говори пустово!

Надеждинъ. Да что ты Господь съ тобой! Какое тутъ пустое? Для больной это положительно необходимо...

Пармень. Хлѣбъ! Хлѣбъ! Понимаешь ты, хлѣбъ завтра у насъ кончится! А ты штей!..

Надеждинъ *(спохватившись и поднося руку ко лбу)*. Гм... да! Теперь я тебя понимаю!

Пармень. Съ самаго Свѣтлаго Христова праздничка мы не видали штей-то! А ты супу-штей! *(истерически хохочетъ)* Ха, ха, ха! Ха, ха, ха! Ха, ха, ха! какой потѣшникъ!

Надеждинъ *(тревожно)*. Ахъ, что ты, братецъ? Успокойся? *(Указывая на мѣшокъ)*. Зачѣмъ же это мѣшокъ-то у тебя?

Пармень *(спокойнѣе)*. Мѣшокъ, спрашиваешь, за чѣмъ?

Надеждинъ. Ну, да!

Парменъ. А видишь, сейчасъ я иду къ благодѣтелю то нашему, Хватову попросить, значитъ, мучки, подъ работу. Ну и мѣшокъ прихватилъ по этому случаю... Только напрасно, надо быть!... Не дастъ!

Надеждинъ. Отчего же не дастъ на такомъ выгодномъ для него условіи?

Парменъ. А оттого, што золъ на меня... Ну и прижметъ... Али ты забылъ раздоры-то наши на счетъ кабака! Онъ-то ужъ, навѣрно помнитъ!

Надеждинъ. И пускай себѣ помнитъ! А ты не унывай! Вѣдь не даромъ будешь просить!

Парменъ. Эхъ, родимый! Чувствуетъ мое сердце, што онъ только меня истиранитъ, а дать, все таки не дастъ. Охъ, тяжко мнѣ!.. трудно!... Вѣришь-ли, даже руки, ноги дрожатъ *(Съ рѣшимостью)* Однако пойду! Буди воля Господня! *(Надеждину)* Прощай!

Надеждинъ. Пойдемъ вмѣстѣ! Мнѣ по пути *(оба уходятъ на лѣво. Сцена нѣкоторое время пуста).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Сидоръ Хватовъ и за нимъ Парменъ Безродный.

(Входятъ слѣва).

Парменъ *(кланяясь).* Сидоръ Захаровичъ! Отецъ родной! Заставь за себя Бога молить!

Хватовъ. *(Сердито)* Отступись! Што ты, значитъ, безпокоишь меня середи улицы?

Парменъ. Родимый! Кабы не нужда моя горькая!... Робятки! Хозяйка хворая!

Хватовъ. А мнѣ то што за дѣло? Твоя семья... Умѣлъ ее наживать, умѣй и кормить!

Парменъ. Охъ, Сидоръ Захаровичъ! Ты знаешь: вѣдь не отъ лѣни мои недостатки!... Господь послалъ мнѣ это испытаніе вѣрно за грѣхи мои тяжкіе.

Хватовъ. Ну, и переноси, значитъ, со смиреніемъ! А то на-ка, завелъ семью, да въ люди пошелъ за хлѣбомъ!

Парменъ. Родимый! Кабы не крайность моя, нешто я бы пошелъ? Вѣришь-ли Господу, вчера послѣднюю квашню испекли, Коли не поможешь, завтра придется по подаянью...

Хватовъ. Какъ знаешь. Твое дѣло. А у меня, братъ, хлѣба про васъ не запасено.

Парменъ. Сидоръ Захаровичъ! вѣдь я не многаго и прошу. А ужъ я заслужилъ-то бы тебѣ во-какъ! На какую работу ни потребуешь, завсегда буду готовъ *(кланяется)* Отецъ родной! вступись ты въ наши слезы! не дай умереть птенцамъ безвиннымъ!

Хватовъ. Ну, до смерти-то еще далеко. Можетъ, благопріятели, какъ ни на есть, выручатъ...

Парменъ. Какіе ужъ благопріятели! Вездѣ свои недостатки... Окромя тебя, значитъ, не къ кому обратиться...

Хватовъ. Ну, а этотъ, што съ тобой сейчасъ-то стоялъ, али не благопріятель? Вотъ ему и поклонись! Небось, выручитъ. Ха, ха, ха! Человѣкъ онъ, полагать надо, капитальный.

Парменъ. Это ты про Николая Павловича?

Хватовъ. Про кого же иного? Я вѣдь видѣлъ, какъ вы съ нимъ здѣсь тороватились.

Парменъ. Эхъ, Сидоръ Захаровичъ! Захотѣлъ ты у бѣды да ѣды! Какая ужъ тутъ помощь! Самъ, сказываетъ, изъ бѣдности вышелъ.

Хватовъ. Ха, ха, ха! Выходитъ, тебѣ, какъ есть, подъ пару. Не даромъ ты, и дружбу такую тѣсную съ нимъ завязалъ?

Парменъ. Напрасно ты, Сидоръ Захаровичъ! Про между насъ нѣтъ никакой близкой дружбы. Какая дружба у мужика съ бариномъ! А знакомы точно... Потому какъ онъ моей бабѣ, значитъ, облегченіе сдѣлалъ...

Хватовъ. Видишь, какъ есть, благодѣтель! И бабѣ облегченіе сдѣлалъ, и еще, можетъ, што оборудовалъ...

Парменъ. Надо правду сказать, Сидоръ Захаровичъ, человѣкъ онъ добрый. И рѣчи у него такія душевныя...

Хватовъ *(зло)*. Да, знаемъ мы, эти душевныя-то рѣчи! Потому онѣ намъ ужъ очень дорого пришлись!

Парменъ. Это ты къ чему же, Сидоръ Захаровичъ?

Хватовъ. Не смѣкаешь, сирота казанская! А кто мужиковъ-то настраивалъ не давать приговору?

Парменъ. Ну, тамъ, значитъ, обчество, Сидоръ Захаровичъ, въ емъ вся сила...

Хватовъ. Ужъ лучше молчи! Не тебѣ говорить, не мнѣ слушать.

Парменъ. Мы што-же? Мы какъ и другіе прочіе, Сидоръ Захаровичъ...

Хватовъ. И ты еще правишься! Кабы ты не мутилъ, да не напѣвалъ мужикамъ со словъ этого супостата, заведеніе-то мое давно бы ужъ дѣйствовало.

Парменъ. Родимый! ты то разсуди: вѣдь кабакъ-отъ это горе наше, раззоренье!

Хватовъ *(съ насмѣшкой)*. Оно, точно, опасно, особливо для тебя. Мужикъ ты богатый. *(указываетъ на зипунъ Пармена)* Не равно пропьешь съ себя рвань-то вотъ эту.

Парменъ. Гдѣ ужъ намъ! До пьянства-ли, Сидоръ Захаровичъ! Пропитаться бы Господь пособилъ...

Хватовъ. Вотъ то-то и есть! Тебѣ-ли, значитъ, на кабакъ жалиться?

Парменъ. Эхъ, Сидоръ Захаровичъ! Не я одинъ... и другіе тоже...

Хватовъ. Знаю. Многіе изъ васъ рады бы всячески меня подвести. А придетъ бѣда: «Сидоръ Захаровичъ выручай»! Одно слово — псы безчувственные!...

Парменъ *(жалобно)*. Такъ што-же ты, кормилецъ, скажешь мнѣ на счетъ мучки-то?

Хватовъ. Рѣшеніе мое тебѣ извѣстно. Ты вотъ даве говорилъ, што у благопріятеля твоего рѣчи душевныя. Ну, значитъ, и поди къ нему! Коли не хлѣбомъ, такъ рѣчами онъ тебя накормитъ.

Парменъ *(встаетъ на колѣни)*. Сидоръ Захаровичъ! прости родимый! Грѣхъ меня, значитъ, попуталъ. Кабы знатье! Дѣлай со мной,

што хошь, только не губи! *(Кланяется въ ноги и остается въ этомъ положеніи до слова Хватова: „Ладно! вставай!“)*

Хватовъ А! умѣлъ бунтовать народъ супротивъ меня! Ладно, вставай?! Зла я не помню... муки тебѣ дамъ. Только запомни мои слова: коли опять будетъ рѣчь о приговорѣ, да ты опять пойдешь супротивъ меня, такъ и знай, што тебѣ пропадать! Пойдемъ! *(Уходятъ направо. Слѣва выходитъ Надеждинъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Надеждинъ *(одинъ)* Пошли вмѣстѣ... Стало быть вымолилъ... Эхъ ты, Парменъ, Парменъ! Нѣтъ, не Парменъ ты, а бѣдный Макаръ! Что-то чувствовали твои мужицкія нервы, когда стоялъ ты на колѣняхъ посреди улицы и молилъ своего благодѣтеля?! А меня еще давеча угораздило сунуться съ этими несчастными «штями». Что подѣлаешь? Заставилъ страдать человѣка напрасно! Ужъ, кажется, самъ своими глазами видѣлъ всю вопіющую бѣдность этого горемыки! Да! вышло глупо; но за то и поучительно... По крайней мѣрѣ теперь я знаю какъ нужно обращаться съ этими несчастными Парменами, которымъ даже «шти» представляются какимъ-то недостижимымъ идеаломъ счастія. *(Стоитъ задумавшись. Справа незамѣтно выходитъ Варя).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Надеждинъ и Варя.

Варя. Съ праздникомъ, Николай Павловичъ! Надъ чѣмъ призадумался добрый молодецъ?

Надеждинъ. Ахъ, Варя! здравствуй! Куда это ты направляешься?

Варя *(шутя)*. Тоже гуляю.. Не тебѣ одному.

Надеждинъ. Доброе дѣло! Но зачѣмъ же ты свою молодежь оставила? У васъ тамъ, кажется, такъ весело!

Варя *(весело)* А за тѣмъ, што тебя повидать захотѣлось.

Надеждинъ *(улыбаясь)*. Вотъ какъ! Любопытно знать, на что это я тебѣ вдругъ понадобился?

Варя. Точно, што понадобился. И не думай, што я съ тобой шутки шучу.

Надеждинъ *(шутя)* Неужели? Дѣло-то, выходитъ, не спроста! Ахъ, не томи пожалуйста, разсказывай скорѣе!

Варя. А долго ты молодецъ гуляешь. Не пора-ли тебѣ и домой? Вотъ што!

Надеждинъ И это все, что ты хотѣла мнѣ сказать? Ха, ха, ха! Однако ты, Варя, мастерица шутить! Такой вѣдь серьезной прикинулась. Да!...

Варя. Нѣтъ, Николай Павловичъ! Ни капельки я не прикинулась, а какъ есть, значитъ, изъ правды тебѣ говорю.

Надеждинъ. Въ такомъ случаѣ я тебя совсѣмъ не понимаю. Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты меня гонишь съ улицы?

Варя. Вѣрно, такъ надо. Да ты не смѣйся! Можетъ, я для твоей же пользы стараюсь...

Надеждинъ. Ха, ха, ха! Спасибо тебѣ, Варя, за хлопоты! Однако, какая же польза-то будетъ, если я уйду съ улицы?

Варя. Польза будетъ, Николай Павловичъ. Коли уйдешь, по крайности не будешь глазъ мозолить тому, кто тебя ненавидитъ.

Надеждинъ. Развѣ меня здѣсь кто нибудь ненавидитъ?

Варя. Али ты не догадываешься?

Надеждинъ. Не знаю. Впрочемъ давеча, когда я подошелъ къ вашей молодежи, на меня дѣйствительно съ чего-то налетѣлъ этотъ Хватовъ...

Варя. Объ емъ-то вотъ я и рѣчь веду. Эхъ, Николай Павловичъ! опасайся ты этого молодца! Не знаю за што, только онъ на тебя крѣпко золъ!

Надеждинъ. И я тоже не знаю. Да это, Варя, пустячки! Развѣ онъ можетъ сдѣлать мнѣ что нибудь дурное?

Варя. Ну, нѣтъ, не пустяки. Отъ эдакого озорника все станется, особливо ежели онъ примется дѣйствовать за одно съ той компаніей, што я сейчасъ видѣла.

Надеждинъ. Что же такое ты видѣла?

Варя. А вотъ послушай! Иду я сейчасъ мимо Хватовыхъ и вижу: стоятъ у избы: самъ Хватовъ, его милое чадушко—Тимоша, Парменъ и Ванька Горюнъ. Всѣ четверо галдятъ, ругаются и при этомъ частехонько твое имя поминаютъ. Тимошка скалится и оретъ пуще всѣхъ. А Ванька ему подпѣваетъ. Извѣстно, это человѣкъ пропащій. Вотъ только самъ Хватовъ и говоритъ, пойдемте, говоритъ, братцы, я вамъ по стаканчику подамъ! Съ этими словали всѣ и ушли въ избу. А ты знаешь, Хватовъ не любитъ поить даромъ.

Надеждинъ. Что же изъ этого? Ужъ не думаешь-ли ты, Варя, что они заговоръ противъ меня сочиняютъ? По крайней мѣрѣ ты Пармена-то сюда не примѣшивай? Пармена я сейчасъ видѣлъ. Эхъ ему не до того!

Варя. А што ты думаешь,—Парменъ? Это мужикъ во всѣ стороны. Объ емъ и Львовна моя такъ полагаетъ. Мнѣ показалось, будто и онъ тоже приставалъ къ ихнимъ баснямъ...

Надеждинъ. Возможно-ли!? Парменъ мой пріятель.

Варя. Не знаю. А ты все таки, значитъ, ихъ сторонись! Самъ знаешь, нонѣ пора праздная... Выпиваютъ значитъ... Неровенъ часъ... Кабы тебѣ не попало съ пьяна-то...

Надеждинъ *(шутя)*. Ахъ, Варя, пощади пожалуйста, не пугай! Ты знаешь, со мной и то ужъ сегодня случилось несчастіе: ваша молодежь меня совсѣмъ забраковала.

Варя. Ну, это еще не велико несчастіе, да и забраковала тебя вовсе не молодежь, а Тимошка Хватовъ.

Надеждинъ. Однако, меня не только не приняли въ компанію, но даже и ушли отъ меня по первому приглашенію этого молодца Хватова.

Варя. А ты не печалься! Придетъ и твой чередъ. Знай, што не всѣ думаютъ по Тимошкиному, хоть онъ и командуетъ Понялъ? Однако, мнѣ пора... Такъ не забудь-же, въ чемъ я тебя упреждала! Прощай! *(Уходитъ)*.

Надеждинъ. Прощай Варя! хорошо! не забуду! *(Одинъ)*. Что за исторія! Ужели они въ самомъ дѣлѣ замышляютъ что нибудь противъ меня? Однако, эта Варя—дѣвушка умная. Она не станетъ

болтать зря. Странно. *(Смотритъ направо. За сценой слышны голоса).* Ахъ, вотъ какъ разъ всѣ четверо идутъ сюда... Быть можетъ дѣло и разъяснится... *(Справа выходятъ: Сидоръ Хватовъ, Тимофей Хватовъ, сзади Парменъ Безродный и Иванъ Горюнъ. Всѣ четверо навеселѣ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Надеждинъ, Сидоръ Хватовъ, Тимофей Хватовъ, Парменъ Безродный и Иванъ Горюнъ.

Хватовъ *(указывая на Надеждина).* Гляньте-ка, братцы! благопріятель-то нашъ самъ на лицо, какъ красное яйцо..

Горюнъ. Ха, ха, ха! И шутникъ же ты, Сидоръ Захаровичъ!

Тимофей. А коли на лицо, такъ и чудесно. Вотъ теперь мы съ нимъ и разсчитаемся!

Надеждинъ *(удивленно).* Что это за возгласы! Скажите пожалуйста, что вамъ нужно отъ меня?

Хватовъ Ничего, баринъ, окромя того, што, значитъ, желательно съ тобой наединѣ побесѣдовать...

Надеждинъ. Если ваша рѣчь будетъ о дѣлѣ, а не о пустякахъ, — я готовъ васъ выслушать.

Хватовъ. До пустяковъ-ли намъ, баринъ? Сами мы, значитъ, тоже народъ дѣловый.

Надеждинъ. Ну и прекрасно! Однако, говорите-же въ чемъ дѣло, иначе я сейчасъ ухожу?

Хватовъ. Вишь ты какой спѣсивый! Нѣтъ, ты, баринъ, постой, не уходи, сдѣлай намъ, значитъ, такое удовольствіе! А коли заупрямишься, мы пожалуй, какова пора и сами тебя не пустимъ...

Надеждинъ *(вспыливъ).* Вы? Меня не пустите? Да какъ вы смѣете это?

Хватовъ *(настоятельно).* Нельзя-ли полегче баринъ! Потому очинно ужъ мы тебя испужались.

Надеждинъ. Парменъ! объясни, что все это значитъ?

Хватовъ *(съ злорадствомъ).* Ха, ха, ха! Ну, баринъ! Парменъ твой, надо быть, тебѣ измѣнилъ.

Надеждинъ. И ты, Парменъ, позволяешь такъ нахально клеветать на себя?

Парменъ. Да што ужъ, баринъ! Точно, что настоящей пользы ты намъ предоставить не можешь, только, значитъ, рѣчами мутишь.

Хватовъ Ха, ха, ха! Слышалъ баринъ?

Надеждинъ. Парменъ, подумай, что ты говоришь! Боже мой! *(Хватову)* Это ты, паукъ, опуталъ его своими сѣтями.

Хватовъ. А! такъ вотъ какъ ты поговариваешь! Да што тутъ много толковать! Братцы! поучите-ка этого барина маненько! Пусть онъ знаетъ, каково идти супротивъ насъ!

Надеждинъ *(отступая въ ужасѣ)* Несчастные! образумьтесь! что вы хотите сдѣлать со мной?

Хватовъ. Э, братцы! не робѣй! Я въ отвѣтѣ! Валяй въ мою голову! *(Тимофей Хватовъ, Горюнъ и Парменъ бросаются на Надеждина).*

Надеждинъ *(въ борьбѣ)*. Помогите! Помогите!

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Квартира Надеждина. Деревенская горница. Прямо дверь. Направо отъ зрителей у окна столъ, заложенный множествомъ книгъ. Налѣво комодъ, на которомъ стоятъ склянки съ лекарствами. Вблизи комода кровать, поставленная подъ прямымъ угломъ къ рампѣ. На кровати лежитъ Надеждинъ больной. При поднятіи занавѣса Взоровъ дѣлаетъ Надеждину перевязку головы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Надеждинъ и Взоровъ.

Надеждинъ. Ахъ, пожалуйста, не слишкомъ туго завязывайте!

Взоровъ. Такъ достаточно?

Надеждинъ. Пожалуй еще немножко приослабьте! Вотъ теперь совсѣмъ хорошо *(опускаясь на подушку)*. Удивительно, какъ медленно идетъ заживленіе этой царапины!

Взоровъ. *(Садясь на стулъ у изголовья, слѣва отъ зрителей)* Однако царапина довольно таки солидная.

Надеждинъ. Ну это сравнительно пустяки. А вотъ грудь, признаюсь, меня больше безпокоитъ.

Взоровъ. Знаете что, Николай Павловичъ? Не пригласить-ли вамъ доктора? Онъ какъ разъ скоро пріѣдетъ сюда на пунктъ. Я бы все это устроилъ...

Надеждинъ. Благодарю, дружище! Нѣтъ это совсѣмъ напрасно. Докторъ не скажетъ намъ ничего новаго сверхъ того, что мы съ вами знаемъ въ данномъ случаѣ.

Взоровъ. Разумѣется, какъ вамъ угодно. Но по моему, отчего бы не воспользоваться случаемъ?

Надеждинъ. Говорю вамъ, безполезно. Познакомившись съ моей болѣзнію, докторъ долженъ будетъ посовѣтовать мнѣ лежать и соблюдать извѣстную діэту, а это мы и безъ него знаемъ. И такъ, любезнѣйшій Яковъ Петровичъ, подчинимся необходимости, и будемъ терпѣливо отлеживаться! Досаднѣе всего то, что работать нельзя.

Взоровъ. Конечно безъ дѣла скука, да къ тому же и обществомъ вы, кажется, не можете похвастать.

Надеждинъ. Какое тутъ общество? Тетка съ утра до вечера разглагольствуетъ на тему о варварахъ, яко бы меня искалѣчившихъ, а дядя ее предостерегаетъ, дескать, надо помалчивать, такъ какъ, молъ, Хватовъ-человѣкъ сильный и гнѣвный. Вѣрите ли: иногда насмѣшатъ, а иногда просто надоѣдятъ. Только и радости, когда вы придете...

Взоровъ. Ну, я тоже не очень-то занимательный собесѣдникъ!

Надеждинъ. Смиреніе паче гордости, Яковъ Петровичъ. Льзя ли сравнить васъ съ моими добрыми старичками? Вы меня понимаете... Да, что тутъ распространяться? Разскажите ка лучше, нѣтъ ли у васъ чего нибудь новенькаго?

Взоровъ Да, новость есть Николай Павловичъ: Вѣра Львовна сегодня возвратилась изъ города.

Надеждинъ. Вотъ и прекрасно! стало быть наше общество опять оживится.

Взоровъ. Правда. Но не знаю, на долго-ли?...

Надеждинъ Что вы хотите этимъ сказать?

Взоровъ. А то, что Вѣра Львовна уѣзжаетъ отсюда.

Надеждинъ. Какъ? Опять въ городъ? или гостить куда нибудь?

Взоровъ. Вы меня не такъ поняли. Она покидаетъ школу и уѣзжаетъ отсюда на всегда.

Надеждинъ. *(Удивленно)* Что вы? Ужели это правда?

Взоровъ. Къ сожалѣнію правда, она сама сегодня сообщила мнѣ эту печальную новость.

Надеждинъ. Дѣйствительно, новость печальная. Но скажите, пожалуйста, чѣмъ же Вѣра Львовна мотивируетъ свое желаніе оставить школу? Развѣ у ней дѣло идетъ плохо?

Взоровъ. Напротивъ, дѣло идетъ блестящимъ образомъ...

Надеждинъ. И начальство довольно?

Взоровъ. Какъ нельзя болѣе...

Надеждинъ. И при всемъ этомъ она уходитъ?

Взоровъ. Какъ видите...

Надеждинъ. Удивительно! Нѣтъ, тутъ что нибудь да не такъ. Но неужели вы не знаете причинъ этого загадочнаго бѣгства Вѣры Львовны? Вы съ ней, кажется, довольно близки?

Взоровъ. Правда, мы близки. Но на этотъ разъ я пока не могу сказать вамъ ничего положительнаго. Быть можетъ Вѣра Львовна сама объяснитъ намъ эти причины...

Надеждинъ. Навѣрно. А жаль право, если она такая прекрасная учительница...

Взоровъ. Вы жалѣете ее, какъ хорошую учительницу, а я, кромѣ этого, еще жалѣю ее, какъ человѣка, оказавшаго мнѣ своимъ просвѣтительнымъ вліяніемъ дорогую, незабвенную услугу. Подъ этимъ вліяніемъ я выросъ умственно и нравственно. И это не фраза, Николай Павловичъ! Вотъ почему мнѣ особенно тяжело разстаться съ Вѣрой Львовной.

Надеждинъ Я вамъ вѣрю . вѣрю, что лично вы въ данномъ случаѣ теряете многое. Но подумали ли вы, какая это потеря для всего здѣшняго населенія *(пауза)*. Да! Когда слышишь что лучшіе люди бѣгутъ изъ деревни, какъ то черезчуръ горько становится на душѣ.

Взоровъ. Ваша правда: именно бѣгутъ. И замѣчательно, что нашему захолустью въ этомъ отношеніи особенно не везетъ. Былъ напр. у насъ докторъ, велъ свое дѣло прекрасно. Крестьяне его очень любили и называли человѣкомъ душевнымъ. И что же вы думаете? Этотъ душевный человѣкъ недавно бросилъ насъ и перешелъ на службу въ городъ. А съ чего? это такъ и осталось отъ насъ тайной. *(входитъ Смирнова)* Но вотъ и Вѣра Львовна идетъ навѣстить насъ. *(Надеждинъ приподнимается съ подушки и смотритъ въ сторону пришедшей)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Смирнова.

Смирнова *(подойдя)*. Здравствуйте друзья мои! *(Пожимаетъ руку Надеждину, потомъ Взорову. Къ Надеждину)*. Да вы пожалуйста неподнимайтесь! Навѣрно, это для васъ не такъ легко!

Надеждинъ. *(Шутя)* Ничего, стерпимъ для хорошаго человѣка! Прошу садиться! Извините, что принимаю въ постели!

Смирнова. Николай Павловичъ! и вы можете такъ хладнокровно относиться къ своему положенію! *(беретъ стулъ и садится у кровати въ ногахъ рядомъ со Взоровымъ)*.

Надеждинъ. Что же прикажете дѣлать, почтеннѣйшая Вѣра Львовна? Развѣ хныканьемъ дѣлу поможешь?

Смирнова. Правда! Но мнѣ кажется и для шутокъ у васъ теперь не много резоновъ! Ну, что? какъ вы живете?

Надеждинъ. А живу и спокойно лежу чуть не 24 часа въ сутки. Яковъ Петровичъ няньчится со мной, какъ съ малымъ ребенкомъ. Чего же вамъ еще?

Взоровъ. Эхъ, проку-то мало въ томъ, что я няньчусь съ вами!

Смирнова. Но скажите, какъ вы себя чувствуете? Вообще, въ какомъ состояніи Ваше здоровье и насколько успѣшно идетъ ваше леченіе?

Надеждинъ. Сказать вамъ правду, Вѣра Львовна, здоровье мое въ состояніи очень неутѣшительномъ. Приходится жить почти одной надеждой на всеисцѣляющее время.

Смирнова. Да! это очень печально! Эхъ, Николай Павловичъ! не предостерегала ли я васъ отъ вмѣшательства въ эту проклятую исторію? Но вы тогда не хотѣли меня послушать! И вотъ результаты вашей попытки послужить народу!

Надеждинъ. Что сдѣлано, того не передѣлать, Вѣра Львовна! Впрочемъ я не раскаяваюсь въ своей попыткѣ, а на это несчастное столкновеніе смотрю просто, какъ на печальную случайность.

Смирнова. Однако эту случайность можно было предсказать едвали не навѣрняка. Когда вы принимали участіе въ борьбѣ съ этимъ міроѣдомъ, ужели вамъ не приходила мысль, что вамъ непремѣнно будутъ мстить въ той, или другой формѣ?

Надеждинъ. Можетъ быть и приходила; но признаюсь, я слишкомъ занятъ былъ преслѣдованіемъ своей цѣли, чтобы обращать вниманіе на послѣдствія лично для меня.

Смирнова. Радуйтесь! вы достигли своей цѣли! Но какой цѣли?! Эхъ, Николай Павловичъ! уже ли вы не знаете, что не говоря уже о разныхъ Хватовыхъ, вообще народъ намъ не вѣритъ! Кажется это фактъ общеизвѣстный...

Надеждинъ. Вотъ и надобно добиться того, чтобы онъ намъ вѣрилъ.

Смирнова. Легко сказать, добиться! Гдѣ тутъ добиться, когда вотъ даже несчастные Пармены забываютъ ваше добро, и при первомъ случаѣ мѣняютъ васъ на своихъ доморощенныхъ благодѣтелей?

Надеждинъ. Что же? тѣмъ больше работы для насъ, да и въ народѣ не все такіе Пармены. Но довольно философствовать. Скажите-ка лучше намъ, Вѣра Львовна, правда-ли, что вы оставляете школу и уходите отсюда?

Смирнова. Я еще не рѣшила этого окончательно; но думаю.

Надеждинъ. Что же за причина? Ужъ не соблазнили-ли васъ прелести городской жизни? Благо, вы лишь только вернулись изъ города. Стало быть находитесь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ...

Взоровъ. А можетъ быть это и такъ! По крайней мѣрѣ я помню, что Вѣра Львовна, сбираясь въ городъ, объясняла свою поѣздку желаніемъ стряхнуть здѣшнюю плѣсень, и немножко освѣжиться...

Смирнова. Однако, Яковъ Петровичъ, какая у васъ [illegible] память!

Взоровъ. Развѣ не правда? Я привожу почти дословно ваше тогдашнее выраженіе.

Надеждинъ. Вотъ какъ! Пожалуй мы и правы? И такъ вы бѣжите отъ здѣшней плѣсени?

Смирнова. Не совсѣмъ такъ.

Надеждинъ. Въ такомъ случаѣ мы отказываемся разрѣшить вашу загадку. Ужъ не уходите-ли вы изъ опасенія, чтобы и васъ тоже какъ нибудь здѣсь не поучили? Но это послѣднее предположеніе я могу допустить только какъ шутку.

Смирнова. Нѣтъ, все это не то. Положимъ ваша исторія, которую вы называете печальной случайностію, достаточно таки меня смутила. Но не въ этомъ дѣло Я ухожу отсюда просто потому, что мнѣ здѣсь дѣлать нечего.

Надеждинъ *(удивленно)*. Какъ? вамъ здѣсь дѣлать нечего? а школа?

Смирнова. Ну, за школу бояться нечего! На смѣну мнѣ, безъ сомнѣнія, найдутся желающіе.

Надеждинъ. И вы думаете, что каждый изъ этихъ желающихъ будетъ въ состояніи замѣнить васъ?

Смирнова. Отчего же нѣтъ! Дѣло не особенно трудное...

Надеждинъ. Ну, нѣтъ, какъ хотите, Вѣра Львовна, а вы говорите не то, что думаете. Я слышалъ, что ваша школа идетъ прекрасно, благодаря вашему умѣнію и знанію. Однако, не смотря на это, вы ее бросаете и говорите, что вамъ здѣсь дѣлать нечего. Что-же? ужели васъ не удовлетворяетъ это великое, святое дѣло просвѣщенія?

Смирнова. Но это великое, святое дѣло на практикѣ сводится просто на просто къ обученію грамотѣ.

Надеждинъ А-а! Теперь я васъ понимаю! Но что же мѣшаетъ вамъ расширить вашу программу? Не забывайте при этомъ, что въ знаніи и воспитаніи нуждаются не однѣ только дѣти.

Смирнова. Очевидно, вы говорите вообще о вліяніи на народъ, о его развитіи и воспитаніи. Но скажите пожалуйста, могу ли я сдѣлать что нибудь серьезное въ этомъ направленіи, кромѣ обыденныхъ мелкихъ совѣтовъ и наставленій?

Надеждинъ. А вамъ хотѣлось-бы сразу гору сдвинуть? Мелочи васъ не удовлетворяютъ. Небось вамъ идеалы грезятся? Счастіе всего человѣчества и т. д. Эхъ, Вѣра Львовна! Вѣрно и вы не свободны отъ этой болѣзни праздныхъ мечтателей? Не подумайте, однако, чтобы я позволялъ себѣ глумиться надъ идеалами. Нѣтъ! Пусть отрицаютъ ихъ безумцы или черствые эгоисты!... я не изъ ихъ среды. Но дѣло въ томъ, что нельзя же сидѣть сложа руки, и ждать, ждать когда эти свѣточи человѣчества сами подвинутся къ намъ! Вѣдь счастіе само собой не приходитъ. Его нужно создать. Простите меня! Я говорю вамъ азбучныя истины. Но что-же дѣлать? жизнь такъ слагается, что и эти простыя истины приходится напоминать. Всюду прискорбная рознь между словомъ и дѣломъ! Я не говорю уже о тѣхъ жалкихъ существахъ, для которыхъ народное благо служитъ людской забавой. Нѣтъ, много у насъ завѣдомо честныхъ и добрыхъ людей, особенно въ нашихъ многолюдныхъ центрахъ,—людей, которые, сбираясь подъ вечерокъ, въ пріятельской бесѣдѣ, искренно вздыхаютъ о нуждахъ народныхъ изъ своего прекраснаго далека, и, повздыхавши, съ легкимъ сердцемъ отправляются слушать новую оперу. Вотъ и эти вздыхатели тоже не мирятся съ мелочами. А жизнь между тѣмъ не ждетъ. Эхъ, Вѣра Львовна! до идеаловъ-ли тамъ, гдѣ нужна немедленная помощь? Не смущайтесь мелочами! Сдѣлайте то, что возможно, и, повѣрьте, когда придетъ пора подвести итогъ—изъ вашихъ мелочей получиться громадная сумма добра. *(Декламируетъ съ чувствомъ)*:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное!
Сѣйте! спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!

А гдѣ эти сѣятели? И много ли ихъ на нашей нивѣ—громадѣ? Что же станется съ нивой, когда и эти не многіе сѣятели начнутъ уходить, не исполнивъ своей работы?

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Парменъ Безродный.

(Входитъ медленно съ убитымъ, растеряннымъ видомъ, и ставъ противъ кровати, молча кланяется)

Надеждинъ. *(Шутя)*. А, учитель мой! Послушаемъ, что ты намъ скажешь! *(пауза)* Да что же ты молчишь? Или не знаешь съ чего начать?

Парменъ. *(Тихо)*. Къ тебѣ... покаяться пришелъ.

Надеждинъ. Покаятся! Развѣ ты въ чемъ нибудь согрѣшилъ предо мной?

Парменъ. *(Съ мольбой)* Родимой! не мучь! не спрашивай! Безъ того тошно! Али не знаешь, къ чему моя рѣчь?

Надеждинъ. Конечно, знаю. Но чего же ты хочешь отъ меня?

Парменъ. Чего хочу, говоришь? Нешто я топерь стою чего? Нѣтъ! я пришолъ молить тебя объ одной милости: прости ты меня ради Господа Милосердаго!

Надеждинъ. Можешь быть покоенъ... Я не сержусь... Эхъ, Парменъ! признаюсь, не ожидалъ я отъ тебя этого!

Парменъ. Што же станешь дѣлать, кормилецъ? Ужъ вѣрно, лукавый попуталъ...

Надеждинъ. Ахъ, вы темнота горемычная! Вездѣ-то вамъ лукавый мерещится... Даже и тамъ, гдѣ путаетъ васъ просто какой нибудь Сидоръ Хватовъ.

Смирнова. Не постижимо, какъ ты Парменъ могъ рѣшиться на такое ужасное дѣло?

Парменъ. И не говори, родная! Вспомню, такъ сердце кровью обольется. Что ужъ? извѣстно, не въ себѣ былъ.

Смирнова. Что это значитъ «не въ себѣ?»

Парменъ. Омраченье, значитъ, нашло...

Смирнова. Какое же такое омраченье?

Парменъ. Просто омраченье... Бываетъ со мной... Придетъ, значитъ, не втерпежъ, ну, и дѣйствуешь, будто какъ безъ разума. Вотъ и въ ту пору такія дѣла подошли, што, прямо сказать, ложись

да помирай! Баба больна. Хлѣба нѣтъ. Самъ не свой, пошолъ я къ Хватову мучки попросить Тотъ перво—наперво прижалъ да пригрозилъ, а потомъ вдругъ водки этой проклятой поднесъ. Ну, меня, значитъ, и смутило совсѣмъ... Дивное дѣло! люди пьютъ, такъ веселы бываютъ. А я какъ выпью, злость меня, отчаянность, забираетъ...

Смирнова. Такъ что даже можешь броситься на человѣка, ни въ чемъ не повиннаго?

Парменъ Эхъ, родная! Кабы не Сидоръ въ ту пору! Въ тогдашней обидѣ Сидоръ много причиненъ! Прямо сказать, всему дѣлу заводчикъ.

Надеждинъ. Ужъ не думаешъ ли ты оправдаться, сложивъ всю вину на Хватова? А самъ то ты въ то время развѣ совсѣмъ безъ головы былъ? Вѣдь не тащили же тебя на веревкѣ для этого гадкаго дѣла?

Парменъ. Што ты, родимый! Мнѣ то правиться? Самъ кругомъ виноватъ. Ужъ не даромъ и совѣсть меня измучила...

Надеждинъ. Вотъ видишъ! И выходитъ, что хотя Хватовъ и заводчикъ, какъ ты говоришь, а все же ему безъ васъ не пришлось бы меня поучить.

Парменъ. Я, вишь, къ тому говорю, кормилецъ, што не смути насъ этотъ ворогъ, мы бы вѣкъ тебя не обидѣли...

Надеждинъ. Вотъ какъ! Стало быть, если Хватову вздумается опять смутить васъ и направить на кого нибуль, вы опять предложите ему свои услуги?

Парменъ Избави Господи! Охъ! ловольно ужь и того беззаконія, што съ тобой сочинили. Родимой! не думай, што мы совсѣмъ нехристи безсовѣстные?

Смирнова. Эхъ! совѣсть-то у васъ дремлетъ нерѣдко къ вашему несчастью.

Парменъ. Одно слово, отъ темноты да отъ нужды пропадаемъ... Къ примѣру вотъ, хоть бы мою долю взять.. Бьешься, бьешься, а все не въ прокъ. Ну и нападетъ на тебя отчаянность. Ѣда не мила станетъ... Сонъ отымется... Лежишь иной разъ въ темную

ноченьку, съ боку на бокъ ворочаешься и думаешь; што за жизнь распостылая, што за мука каторжная? Вѣрите-ли добрые люди, до того дойдешь, что даже на Господа Бога, бывало, возропщешь, окаянный! Ходишь, какъ оглашенный какой. И мотаетъ тебя между людей изъ стороны въ сторону, што тростинку вѣтромъ! *(Входитъ Егоровна)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Егоровна.

Егоровна. *(Къ Пармену)*. Ну, что Парменушко? Небось, совѣсть-то мучитъ? Вотъ теперь полюбуйся на свое то рукодѣлье!

Надеждинъ. Ахъ, пожалуйста перестань, тета! Ты не знаешь, ему и безъ того тяжело!

Егоровна. Ну, ужъ ты, извѣстно, ихній заступникъ! Дивлюсь я тебѣ, Николушка! Для тебя все это, словно какъ постороннее.

Надеждинъ. Что же станешь дѣлать, коли ужъ такъ случилось?

Егоровна. *(Съ ироніей)* Вишь ты, случилось! *(Грозясь)* Доведись до меня, я бы имъ, варварамъ, за случай то этотъ! Да они бы у меня и въ Сибири мѣста не нашли!

Надеждинъ. *(Шутя)* Хорошо, хорошо! Знаемъ, что ты ужъ расправилась бы съ ними по свойски. Но теперь то ты успокойся пожалуйста!

Егоровна. Ну, парень! И далъ же тебѣ Господь долготерпѣніе! Прими ужъ кстати и другаго то разбойника што пришелъ сейчасъ!

Надеждинъ. Что такое? Какой тамъ еще разбойникъ?

Егоровна. Развѣ не знаешь лохмотника-то этого, что Герасимомъ зовутъ? Кажись, надо бы помнить. Вѣдь и онъ тоже обработывалъ тебя вмѣстѣ *(указываетъ на Пармена)* съ этимъ молодцемъ.

Надеждинъ *(раздражаясь)*. Знаю! знаю! Но гдѣ же онъ?

Егоровна. А вонъ въ избѣ стоитъ, дожидается. Только вошелъ, первое слово: доложи, говоритъ, Егоровна, твоему барину, что мнѣ нужно видѣть его безотлѣнно. Я, было, сначала его погнала, да вижу, трезвый, и смотритъ такимъ мученикомъ. Ну и жалко стало пропащаго. Дай, ужъ думаю, скажу я Николушкѣ—то.

Надеждинъ. И прекрасно сдѣлала. Пусть онъ войдетъ. Да ты не сомнѣвайся моя милая ворчунья! Теперь онъ совсѣмъ не страшенъ.

Егоровна. Охъ ужъ ты мнѣ, парень! Инъ быть по твоему! Пущу. *(идетъ къ двери и кличетъ)* Эй ты, Христовъ человѣкъ! иди сюда! *(Горюнъ входитъ въ сильномъ смущеніи, и, ставъ рядомъ съ Парменомъ, низко кланяется).* Нате вотъ, полюбуйтесь на сокровище! То-ли не молодецъ! Всѣмъ вышелъ и видомъ, и нарядомъ! *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Горюнъ.

Надеждинъ. *(Ласково).* Ну, скажи, зачѣмъ ты хотѣлъ меня видѣть «безотмѣнно?» *(Горюнъ переминается и молчитъ).*

Парменъ. *(съ мольбой.)* Прости ужъ и его, кормилецъ!

Надеждинъ. А ты что за ходатай? И почему ты знаешь, что онъ желаетъ моего прощенія?

Парменъ. Какъ не знать, родимый! Въ одномъ дѣлѣ согрѣшили, одно и мучитъ обоихъ. Не даромъ ужъ онъ приставалъ ко мнѣ: пойдемъ, да пойдемъ къ барину!... Это къ тебѣ то выходитъ ..

Надеждинъ. Однако, онъ и самъ не безъ языка... Можетъ объяснить, что ему нужно...

Парменъ. Вишь, онъ робокъ тверезый-то, а послѣ эдакого дѣла ужъ и подавно... *(къ Горюну)* Да што же ты, братецъ, молчишь? Не отмолчаться, братъ, коли такой грѣхъ сотворили...

Горюнъ. *(робко)* Точно, баринъ! Это онъ правильно... Пришелъ я къ тебѣ, значитъ, проститься...

Надеждинъ. Что тебѣ вздумалось прощаться со мной? Развѣ ты отправляешься куда нибудь?

Горюнъ. Нѣтъ, баринъ! Ты не въ томъ смыслѣ... Вишь на на случай смерти мнѣ желательно проститься съ тобой...

Надеждинъ. *(удивленно)* На случай смерти! Странно! Но вѣдь я пока еще не умираю, да и ты, вѣроятно, не сбираешься?

Горюнъ. Ой, што ты сердечный! Дай тебѣ Господи добраго здоровья! Нѣтъ! я о себѣ говорю. Сдается, вишь, мнѣ, што я уже

не долго промаюсь. Ну, я желательно, значить, исполнить долгъ христіанскій—покаяться, што мы обидѣли тебя безвиннаго... А то неровенъ часъ, подохнешь, какъ собака, гдѣ ни на есть подъ огородомъ, и проститься съ тобой не успѣешь.

Надеждинъ. Зачѣмъ же такое отчаяніе? Развѣ ужъ ты совсѣмъ безпріютный?

Парменъ. Какъ есть, птица небесная. Потому загодя и хочетъ проститься што на себя не полагается. Прости ужъ его по человѣчеству, ради души! Вѣдь и въ емъ тоже душа есть. Не гляди, што онъ эдакій!

Надеждинъ Какой же «эдакій»?

Парменъ. А пропащій вишь. Охъ грѣхи наши тяжкіе! А вѣдь и онъ когда-то хозяиномъ былъ, не хуже другихъ прочихъ!

Надеждинъ. И сталъ «пропащій»? Но какъ-же это случилось? Разскажи пожалуйста?

Парменъ. Разсказывать не долго. Перво у его хозяйка, значитъ, померла. А за ней скоренько и дѣтки убрались. Моръ, вишь, на робятокъ-то у насъ въ ту пору былъ. Ну, онъ и остался, выходитъ, одинъ, какъ перстъ. А тутъ и еще бѣда подоспѣла. Неурожай! Мужику нашему ужъ совсѣмъ не въ моготу стало. Метнется туда-сюда, ни откуда нѣтъ помощи. Видитъ, дѣло пошло какъ есть на роззоръ. Сдалъ онъ землю, продалъ свои животишки и ушелъ на заработки. Да вѣрно и въ людяхъ не сладко! Схватила его тоска по родной сторонѣ. Не вытерпѣлъ, опять пришелъ сюда. А здѣсь ужъ извѣстно, отъ родняго-то гнѣзда и слѣда не осталось. Вотъ съ тѣхъ поръ, значитъ, его и начало склонять къ кабаку-то. *(Входитъ Егоровна)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Егоровна.

Егоровна *(входя)*. Ну Николушка! Я опять къ тебѣ съ докладомъ...

Надеждинъ. Что тамъ еще такое?

Егоровна. Коли сказать, пожалуй и не повѣришь, голубчикъ!

Надеждинъ. Да говори же скорѣй, тета, что у тебя тамъ за диковинка заморская?

Егоровна. Ужъ подлинно диковинка! Подумай-ка, заглавный-то твой супостатъ, Хватовъ-то, пришолъ сюда съ дитяткомъ!

Надеждинъ. Это зачѣмъ?

Егоровна. Тебя спрашиваетъ... желаетъ видѣть... по самонужнеющему, говоритъ, дѣлу...

Надеждинъ. А-а! Вотъ это, дѣйствительно, интересно! Какое стеченіе обстоятельствъ! Всѣ мои учители сбираются на лицо...

Смирнова. Ахъ, Николай Павловичъ! Не принимайте ихъ пожалуйста! Какъ-бы не разстроилъ васъ этотъ визитъ?

Егоровна. Правда, Вѣра Львовна! Правда, голубушка! Мудреное-ли дѣло разстроиться, увидавши этихъ злодѣевъ!

Надеждинъ. Нѣтъ, ничего! Не безпокойтесь за мои нервы! Тетя, скажи, чтобы они вошли. Я хочу говорить съ ними, благо, такой случай хорошій: сами пришли...

Егоровна *(ворчливо)*. Извѣстно, тебя не осилишь, коли ужъ на чемъ упрешься. А кабы моя воля, я бы этихъ гостей, кажись, лубехонью ухватомъ проводила! *(Уходитъ)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Сидоръ и Тимофей Хватовы.

(Входятъ бойко, не стѣсняясь; Тимофей одѣтъ въ пиджакъ, сапоги бутылками; Сдѣлавъ небрежный поклонъ, принимаетъ молодцоватую позу, руку въ бокъ и отставивъ ногу).

Хватовъ *(кланяясь)* Милости вашей!... желаемъ здравствовать!

Надеждинъ. Здравствуйте! Зачѣмъ пожаловать изволили?

Хватовъ. А желательно-бы, значитъ, переговорить съ твоей милостью, да, кажись, мы не ко времени угодили: вишь, у тебя вонъ гости.

Надеждинъ. Если у васъ не секретъ, — можете говорить. Что касается меня, то я не стѣсняюсь своихъ гостей...

Хватовъ Какой секретъ! Пришли мы къ тебѣ, надо дѣло говорить, за тѣмъ-же што *(указавъ на Пармена и Горюна)* вотъ и эти молодцы...

Надеждинъ. А какъ вы знаете, зачѣмъ здѣсь эти молодцы?

Хватовъ. Э! бариНъ! слухомъ земля полнится! Мы вишь, тоже слѣдимъ, потому, какъ дѣло это и насъ касающее...

Надеждинъ. Вотъ какъ. А я думалъ совсѣмъ не «касающее». Но скажите, чтоже вамъ собственно теперь-то нужно отъ меня?

Хватовъ. Ничего тамъ нетребуется. На этотъ счетъ ужъ будь безъ сумленія. А пришли мы къ тебѣ, стало быть, тоже въ родѣ какъ покаяться *(кланяясь)*. Прости ужъ ты насъ, пожалуйста, забудь што было промежду насъ! А мы къ тебѣ, выходитъ, завсегда съ нашимъ почтеніемъ. Извѣстно, коли ежели бы не этотъ случай, да кабы знатье, што оно такъ выйдетъ...

Надеждинъ. А вы предполагали, что «оно такъ выйдетъ»?

Хватовъ. Нѣтъ, я, вишъ къ тому, што мы въ ту пору, значитъ, полишка налегли-то на тебя, одно слово, сплоховали. Что ты подѣлаешь, коли такой грѣхъ вышелъ. Извѣстно праздничнымъ дѣломъ выпито было... Ну, вотъ мой-то саврасъ и налетѣлъ какъ ястребъ, а за нимъ *(грозя на Пармена и Горюна)* и эти...

Тимофей *(нахально)*. Выходитъ, для тятеньки старались...

Хватовъ *(сыну)*. Молчи же остолопъ, покудова не битъ! *(къ Надеждину)* Такъ прости ужъ насъ, баринъ! Будемъ опять по согласу!... Видитъ Богъ, у меня никакого зла не осталось и я готовъ, значитъ, предоставить тебѣ всяческое уваженіе... *(Вынимаетъ десятирублевую бумажку и развернутою подаетъ Надеждину)* А это вотъ возьми себѣ!

Надеждинъ *(указывая на бумажку)*. Что это такое?

Хватовъ. Это?... красненькая вашей милости, значитъ, за безчестье! А коли маловато и прикинуть можно...

Надеждинъ *(съ выраж. нравственной муки)* Красненькая! за безчестье! *(Секундная пауза)*. О! *(падаетъ на подушку)*.

Смирнова *(вскакивая)*. Боже мой! *(Хватову)*. Что вы надѣлали! Да уберите вы свои проклятыя деньги!

Хватовъ. Чудное дѣло? думалъ сдѣлать добро, анъ вышло зло *(прячетъ деньги)*.

Смирнова. Яковъ Петровичъ! Есть ли у васъ спиртъ?

Взоровъ *(взявъ съ комода склянку и передавая Смирновой)*. Вотъ онъ! *(Смирнова подноситъ Надеждину спиртъ)*

Надеждинъ *(очнувшись)*. Благодарю васъ! Ничего, не без-

покойтесь! Это маленькій обморокъ... нервы дрянные... *(поднявшись на подушкѣ и опершись на локоть)*. Вотъ теперь я опять могу говорить... *(Смирнова относитъ склянку на комодъ и становится скрестивши руки на груди, въ ногахъ у кровати. Взоровъ стоитъ у изголовья)*.

Надеждинъ *(болѣзненно-грустнымъ тономъ Хватову)* И такъ ты хотѣлъ заплатить красненькую за безчестье. Но всѣ вы видѣли: я не протянулъ руки къ этой красненькой. И вы, безъ сомнѣнія, недоумѣваете, что это значитъ? Если-бы вы могли постигнуть, какую жгучую боль причинила мнѣ эта красненькая... боль сильнѣе, чѣмъ ваше безобразное ученье! Но этого вамъ не понять, да и дѣло не въ этомъ. Я хочу говорить съ вами не о себѣ, а о васъ и для васъ. Осмотритесь кругомъ, взгляните на вашу темную жизнь — нескладицу! Что вы увидите! Вмѣсто мира и братства — ссоры и вражда. Сильный тѣснитъ слабаго. Нищій оставленъ на произволъ судьбы... Гдѣ правда! гдѣ согласіе! гдѣ помощь въ нуждѣ? Всѣ врозь... *(Хватову)* тебя мучитъ забота о кабакѣ, а онъ *(указывая на Пармена)* изсохъ отъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ. *(мѣняя тонъ)* И вотъ я хотѣлъ растолковать вамъ, что это не жизнь, а какая-то тьма безпросвѣтная. Но что-же вы сдѣлали со мной?... Вы гнали меня прочь, какъ злого, заклятаго врага! Вы даже побили меня... Не думайте, однако, что я говорю вамъ объ этомъ ради укора. Нѣтъ, я давно простилъ васъ. И теперь, когда вы принесли мнѣ свое искреннее раскаяніе, я быть можетъ, отъ имени умирающаго, прошу васъ только объ одномъ... Если придетъ къ вамъ человѣкъ, въ родѣ меня, съ добрыми намѣреніями, съ готовностью послужить для вашего счастія, вѣрьте ему! Это — вашъ другъ, и не учите его такъ, какъ поучили меня! *(Тихо опускается на подушку. Парменъ и Горюнъ бросаются на колѣни передъ кроватью)*.

Парменъ. *(съ мольбой)*. Николай Павловичъ! родимый! Прости ты насъ темныхъ Христа ради! *(оба кланяются въ землю. Картина)*.

(Занавѣсъ)

К. А. Четверухинъ.

31 Октября 1884 г.

* * *

Я мечталъ, я съ мечтою послушной своей
Шелъ цвѣтущею лѣтнею нивой;
Слышалъ ропотъ волны у безбрежныхъ морей,
Видѣлъ чаекъ полетъ торопливый.

Я по знойной пустынѣ съ верблюдомъ шагалъ,
Караваны купцовъ провожая;
Лунной ночью въ Египтѣ у сфинксовъ стоялъ,
У причудливыхъ пагодъ Китая.

И на сѣверѣ дальнемъ, гдѣ въ тайгахъ глухихъ
Солнца лучъ никогда не бываетъ,
Гдѣ угрюмыя скалы стоятъ и на нихъ
Мохъ зеленый одинъ выростаетъ

И на югѣ, гдѣ синее небо всегда
Отражается быстрой рѣкою
На Альпійскихъ горахъ, гдѣ пасутся стада,
Я бывалъ съ легкокрылой мечтою.

Но, когда я хотѣлъ записать свои сны,
Чтобъ порою другимъ они снились,
Показались мнѣ блѣдны и слабы они,
Словно сѣрымъ туманомъ покрылись.

Легкотканы, какъ тучекъ волнистыхъ гряда
И какъ тучки небесныя быстры,
Загораясь внезапно, мечтанья всегда
Гаснутъ также внезапно, какъ искры.

Говорятъ, что созданія ярче цвѣтовъ
И нѣжнѣе сѣтей паутины,
Были кованы молотомъ много часовъ
И омыты слезами кручины.

М. Швецовъ.

Обозрѣніе событій,

относящихся къ исторіи Вологодской губерніи (до XVI вѣка).

До XII вѣка на пространствѣ нынѣшней Вологодской губерніи русскихъ было очень мало. Она издревле была заселена различными угрофинскими племенами, остатки которыхъ представляютъ нынѣ въ нашей губерніи зыряне. Пока русскіе неразличали отдѣльныхъ финнскихъ племенъ, то называли ихъ общимъ именемъ Чудь и только по мѣрѣ большаго ознакомленія съ ними стали употреблять особыя племенныя названія, оставляя имя Чудь для болѣе отдаленныхъ краевъ. Начальная русская лѣтопись въ IX, X и XI вѣкахъ различаетъ Чудское племя Весь на Бѣлоозерѣ и къ востоку и юго—востоку отъ него племя Мерю. Опредѣляя границы мѣстожительства этихъ двухъ племенъ, по названіямъ различныхъ урочищъ и селеній, напоминающихъ своимъ созвучіемъ Весь или Мерю, финнологи находятъ, что поселенія Мери и Веси захватывали и южную полосу Вологодской губерніи до рѣкъ Сухоны и Юга Вологодскій уѣздъ былъ мѣстомъ сліянія этихъ двухъ племенъ. Селенія Веси простирались въ Вологодскомъ уѣздѣ до впаденія Вологды въ Сухону, а селенія Мери заходили въ область племени Веси до южной оконечности Кубенскаго озера и, можетъ быть, до рѣки Шексны. Къ

сѣверу отъ Кубенскаго озера и Сухоны предполагаютъ мѣстожительство третьяго чудскаго племени — Ели. За Двиной и Югомъ начинались селенія племени Пермскаго; имя Перми долго употреблялось русскими для обозначенія зырянъ, вогуловъ и остяковъ.

Такое распредѣленіе угро-финнскихъ племенъ по Вологодской губерніи при началѣ знакомства русскихъ съ этимъ краемъ было уже слѣдствіемъ передвиженія финновъ съ запада на востокъ, когда русскіе отъ верховьевъ Днѣпра и Волги стали ихъ тѣснить. Что это такъ, видно по различнымъ признакамъ; про вогуловъ извѣстно, что они обитали въ XV вѣкѣ еще по сю сторону Уральскихъ горъ; также вогульско-остяцкимъ языкомъ только и могутъ быть объяснены названія Вологды, Вычегды и другія. (*) Слѣдовательно эти названія даны были рѣкамъ и урочищамъ гораздо ранѣе, чѣмъ остяки поселились въ Сибири. Финнологъ Европеусъ утверждаетъ, что вся западная часть Вологодской губерніи и небольшая часть ея за Сѣверною Двиною образуютъ ту страну на сѣверѣ Россіи, въ которой встрѣчается наибольшее число остяцкихъ наименованій мѣстностей и при томъ почти безъ примѣси названій изъ другихъ инородческихъ языковъ, а въ окрестностяхъ рѣки Юга встрѣчается не обыкновенное множество названій мѣстностей чисто угорскаго (древне—венгерскаго) происхожденія, которыя явно свидѣтельствуютъ о бывшемъ тамъ нѣкогда очень многочисленномъ угорскомъ (или югорскомъ) населеніи; отъ этой рѣки Юга Европеусъ выводитъ выводитъ Венгровъ а жилища Зырянъ, по его предположенію, простирались на западъ до Бѣлоозера, прежде чѣмъ тутъ поселилась Весь.**)

Трудно сказать что нибудь о степени матеріальной культуры этихъ племенъ, такъ какъ правильнаго изслѣдованія кургановъ, въ

*) Любители курьезовъ, конечно, вспомнятъ старинное производство названья Вологды отъ волоти (влаги) или отъ баснословныхъ Волотовъ, также какъ названье рѣки Печоры отъ пещеръ.

**) См. Ж. М. Н. П, 1868 г., кн. 7, также соч. Шегрена и др. Европеусъ въ своихъ статьяхъ объясняетъ нѣкоторыя названія мѣстностей Сѣверной Россіи изъ остяцкаго языка (напр. Вычегда, Печенга, Вологда).

которыхъ могли бы быть найдены различныя вещи житейскаго обихода, подобныя найденнымъ Гр. Уваровымъ въ Мерянскихъ курганахъ Московской губерніи, не было здѣсь до сихъ поръ производимо. Дѣло это требуетъ большихъ средствъ, искусства и знаній въ области финской и славянской археологіи. О вліяніи же финскихъ вѣрованій на возникновеніе русскихъ суевѣрій и предразсудковъ нѣтъ опредѣленныхъ выводовъ.

Смѣшеніе угро-финскихъ племенъ съ русскимъ населеніемъ, конечно, отразилось на внѣшнемъ обликѣ русскихъ и въ русскомъ говорѣ, но вопросъ о степени вліянія финской фонетики на русскіе областные говоры и о физическихъ типахъ жителей еще едва затронуты. И вообще всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія о разселеніи финскихъ племенъ требуютъ новой провѣрки данными антропологическими, этнографическими и филологическими.

Первое извѣстіе, которое пріурочиваютъ къ Вологодской губерніи, только въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ встрѣчается подъ 1032 годомъ. Вотъ оно: „1032 года. Улѣбъ (или Улебъ) иде на Желѣзныя Врата изъ Новгорода и вспять мало ихъ возвратишася, но мнози тамо погибоша.“ Нынѣ почти всѣми учеными принято предложенное Шегреномъ объясненіе, что подъ Желѣзными вратами надо понимать мѣстность къ югу отъ Устьсысольска въ 80 верстахъ на р. Сысолѣ, близь Богородской Вотчинской церкви. Жители этого края, при посѣщеніи его Шегреномъ въ 1827 году, называли этотъ пунктъ именно Желѣзными воротами, не зная причины такого названія. Шегренъ описалъ его такъ: «между полями значительный холмъ представлялъ неправильный четыреугольникъ, длиннѣйшая сторона котораго (почти 46 саженъ) на сѣверъ вогнута; вся окружность равна почти 104 саженямъ; на югъ крутой обрывъ къ долинѣ, къ западу тоже въ Сысолу; на дорогѣ туда отъ церкви ключъ, по близости котораго въ долинѣ находили прежде разныя военныя принадлежности.» Наводя справки въ собранныхъ документахъ Шегренъ встрѣтилъ отъ начала XVII вѣка разныя извѣстія объ этой мѣстности, показывающія, что она имѣла прежде большое значеніе въ краю.

Относительно личности Улеба также принято мнѣніе Шегрена, *) что Улебъ есть Ульфъ, сынъ вельможи Рагнвальда, который пріѣхалъ въ Русь со своею родственницею, невѣстою князя Ярослава Мудраго, Ингегердою и былъ у Ярослава въ Новгородѣ важнымъ лицомъ, въ родѣ маркграфовъ у Германскихъ императоровъ. О цѣли похода можно только предполагать, что или Улебъ и его боевые товарищи дѣлали походъ для добычи въ духѣ тогдашнихъ норманновъ; можетъ быть и общество ихъ состояло изъ проживавшихъ въ Новгородѣ варяговъ, къ которымъ могли примкнуть и нѣкоторые Новгородскіе славяне;—или, можетъ быть, русскіе сдѣлали попытку привести въ подданство предковъ нынѣшнихъ зырянъ.

Второе по времени извѣстіе, касающееся отчасти Вологодской губерніи, относится къ 1078 году. Лѣтописи сообщаютъ, что въ этомъ году князь Глѣбъ Святославичъ изъ Новгорода (по нѣкоторымъ извѣстіямъ, изгнанный Новгородцами) ходилъ въ Заволочье и былъ тамъ убитъ Чудью (по инымъ извѣстіямъ Емью). **) Племя Емь, по общепринятому мнѣнію, занимало нѣкогда большое пространство отъ Ладоги до рѣкъ Вычегды и Вина; при движеніи русскихъ на финскій сѣверъ оно было раздѣлено; одна часть отодвинулась къ Финскому заливу (оттуда—Ямбургъ, Финляндская Емь), а другая часть—къ сѣверо-востоку (Емца—притокъ Сѣверной Двины и Гамскій округъ—въ Яренскомъ уѣздѣ). Упомянутый походъ князя Глѣба Святославича былъ направленъ, какъ предполагаютъ изслѣдователи къ сѣверо-западнымъ предѣламъ Вологодской губерніи, т. е. къ границамъ Вельскаго уѣзда и Шенкурскаго уѣзда (Архангельской губерніи).

Какъ видно, Новгородцы въ XI вѣкѣ еще только завоевывали здѣшній край, обращая туземцевъ въ своихъ данниковъ. Спустя

*) См. Gesammelte Schriften Sjögren's I, стран. 531 и слѣд., 579, 580 и слѣд.

**) Интересно, что въ Печерскомъ Патерикѣ (изд. 1863 года листъ 143) въ сказаніи о затворникѣ Никитѣ, котораго прельстилъ бѣсъ, приписано бѣсовскому навожденію предъузнаніе этимъ затворникомъ въ Кіевѣ смерти Глѣба Святославича. Ср. Исторію р. церкви Голубинскаго, т. I. ч. I.

50 лѣтъ послѣ Глѣба Святославича, на огромномъ пространствѣ отъ Онежскаго озера до рѣкъ Пинеги и Сухоны было только 26 мѣстностей, гдѣ тогда успѣли утвердиться Новгородцы. Это показываетъ «Уставъ о церковной дани» временъ Новгородскаго князя Святослава Ольговича, троюроднаго брата Юрія Долгорукаго, 1137—8 года. Князь Святославъ этимъ уставомъ замѣняетъ прежній выдѣлъ десятины изъ княжескихъ доходовъ въ пользу епископа — опредѣленною ежегодною суммою во 100 гривенъ; въ уставѣ также обозначено, сколько въ какой волости епископы должны собирать себѣ десятой части; нѣкоторыя изъ указанныхъ волостей находятся въ предѣлахъ Вологодской губерніи, именно Вель (десятины—два сорочка *), Векшенга (десятины—столько же), Тотьма (десятины—сорочекъ) и Тойма (тоже). Кромѣ этихъ, еще нѣсколько мѣстностей могутъ быть отыскиваемы въ нашей губерніи, о чемъ можно подробно читать въ сочиненіи Н. П. Барсова, покойнаго проф. Варшавскаго Университета: «Очерки русской исторической географіи.»

Такимъ образомъ, сѣверная полоса Вологодской губерніи была заселяема русскими выходцами изъ Новгорода, и возникновеніе поселеній на мѣстахъ нынѣшнихъ городовъ Вельска и, можетъ быть, Тотьмы **) относится къ началу XII вѣка. Къ этому же времени можно отнести и возникновеніе Вологды, новгородской колоніи на Ростовской территоріи.

Конечно, эта новгородская колонизація была по преимуществу торгово-промышленная. Однако позволительно предполагать, по уставу Князя Святослава, что въ началѣ XII вѣка могли христіанскіе поселенцы изъ Новгорода имѣть вліяніе на туземныхъ язычниковъ въ смыслѣ распространенія христіанской вѣры въ Вельскомъ, частью въ Тотемскомъ и Устюгскомъ уѣздахъ. Но распространялась-ли въ

*) Шкурки убитыхъ звѣрковъ, особенно соболей, связываютъ вмѣстѣ по двадцати, и двѣ связки составляютъ сорочокъ. Это слово употребляется въ оптовой торговлѣ соболями.

**) Положительно говорить о Тотьмѣ нѣтъ возможности, ибо въ печатныхъ изданіяхъ Устава читается различно: „у Тошьмѣ“ и „у Тотьмѣ.“ Можетъ быть тутъ Толшма или Тозьма?

тоже время христіанская вѣра въ остальной части нашей губерніи, объ этомъ можно только предполагать изъ сказанія о преподобномъ Герасимѣ Вологодскомъ, которое сохранилось въ записи о его чудесахъ половины XVII вѣка. Тутъ сказано, что въ 1147 году, Августа 19, преподобный Герасимъ, постриженикъ Глушенскаго монастыря*) близъ Кіева, пришелъ къ Вологдѣ, на великій лѣсъ, на средній посадъ Воскресенія Христова Лѣниныя площадки малаго торжку, и, устроивъ по близости Троицкій монастырь, жилъ тутъ безъ малаго 31 годъ (скончался Марта 4-го 1178 года). Если слова: «на средній посадъ Воскресенія Христова Лѣнивыя площадки малаго торжку» — не вставлены для яснѣйшаго опредѣленія мѣста поселенія преподобнаго списателемъ XVII вѣка, то ясно, что Вологда тогда была маленькимъ мѣстечкомъ, гдѣ выстроена была церковь, можетъ быть одними жившими тутъ Новгородцами и Бѣлозерцами, а можетъ быть при участіи новообращенныхъ христіанъ изъ Чуди**).

Чудь, жившая около Кубенскаго озера, медленно поддавалась вліянію христіанскихъ проповѣдниковъ. Черезъ сто лѣтъ слишкомъ послѣ преподобнаго Герасима по рѣкѣ Кубенѣ и прибрежью Кубенскаго озера жило множество язычниковъ, какъ это видно изъ слѣдующей записи старца Паисія Ярославова (конца XV вѣка). Бѣлозерскій князь Глѣбъ Васильковичъ, плывя изъ Бѣлоозера около 1260 года въ свою Устюгскую вотчину черезъ Порозовицу, Кубенское озеро къ р. Сухонѣ, былъ на озерѣ застигнутъ сильною бурею; прибитый въ 6-й день Августа къ каменному острову, онъ встрѣтилъ тамъ 23 монаховъ, которые занимались проповѣдываніемъ Христовой вѣры жителямъ береговъ озера изъ чудскихъ племенъ; эти монахи не смѣли

*) Въ числѣ мѣстностей, принадлежащихъ Кіево-Гнилецкому монастырю, была одна съ именемъ «Глушецъ», верстъ 7—8 отъ Кіева. См. труды Кіевск. Духов. Акад. 1891 года № 5. Тутъ у озера былъ Богородицкій монастырь.

**) Основательный разборъ этой записи о преподобн. Герасимѣ находится въ примѣч. 5 къ «слову Преосв. Павла Еписк. Вологодск., въ первый день празднованія 300-лѣтія Волог. Каѳедральн. Собора». См. Вологод. Епарх. Вѣд. 1868 г. №№ 17—18.

еще построить церкви, такъ какъ видѣли угрозы со стороны язычниковъ и тайно собирались въ часовню, устроенную на этомъ маленькомъ островѣ.

Съ 1166—1169 года начинается въ предѣлахъ Вологодской губерніи борьба Новгородцевъ съ великими князьями Владимірскими за богатое заволочье. Заволочьемъ называлось тогда все пространство отъ Бѣлоозера до Печоры. Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, раздраженный сношеніями Новгородцевъ съ южно-русскими князьями, высылалъ свои отряды въ Заволочье для захвата дани, собиравшейся Новгородскими даньщиками съ Двинскихъ и Волжскихъ областей. Стѣснивши съ этой стороны торговлю Новгородцевъ, князь Андрей Юрьевичъ разсчитывалъ заставить ихъ повиноваться себѣ. Новгородская лѣтопись разсказываетъ, что въ 1169 г., когда нѣкто Даньславъ Лазутиничъ пошелъ изъ Новгорода съ дружиною за волокъ собирать дань, то Андрей прислалъ на него свой полкъ. Не смотря на то, что новгородцевъ было 400, а суздальцевъ 7000, новгородцы одержали верхъ и ихъ пало только 15 чел., а суздальцевъ—1300. Новгородцы было отступали, но потомъ вернулись и взяли всю дань, а «на Суждальскихъ смердѣхъ другую» и придоша вси здорови. Иные (напр. Шегренъ) предполагаютъ, что это столкновеніе произошло гдѣ то между Бѣлоозеромъ и Вологдою. Упоминаніе о Суздальскихъ «смердахъ» указываетъ, что въ этой мѣстности тогда были и суздальскіе поселенцы—землевладѣльцы.

Послѣ Андрея Боголюбскаго братъ его в. князь Всеволодъ III воспользовался затруднительнымъ положеніемъ Новгородцевъ во время борьбы ихъ съ Югрою (племенемъ, жившимъ до XIV вѣка на западныхъ склонахъ Уральскаго хребта у рѣки Печоры) и въ 1197 г. захватилъ въ Заволочьѣ многихъ Новгородцевъ, конечно съ данью, и привелъ ихъ во Владиміръ, держа ихъ тутъ на волѣ, но не дозволяя выѣзжать въ Новгородъ.

Къ этому времени борьбы Андрея Боголюбскаго и Всеволода III съ Новгородцами надо относить основаніе Устюга. Мѣстность, гдѣ стоитъ Устюгъ, очень удачно была выбрана Владиміро-Суздальскими

князьями для наблюденія за Новгородцами. Владѣя этимъ пунктомъ, князья могли, притѣсняя данщиковъ Новгородскихъ, заставлять Новгородцевъ слушаться себя.

Мѣстная Устюгская лѣтописная запись подъ 1212 г. говоритъ объ Устюгѣ, какъ о порядочномъ селеніи, или городкѣ, и о значительномъ количествѣ въ немъ христіанъ. Нѣкій монахъ Кипріанъ изъ уроженцевъ этого края, началъ 1212 г. «по желанію жителей Устюга» устраивать обитель иноческую и въ 1216 году окончилъ постройку главной церкви въ честь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы и Св. Архистратига Михаила; послѣ этого 60 лѣтъ онъ управлялъ монастыремъ († 1276 г. 29 Сентября).*) Можно предполагать, что городокъ существовалъ и до 1212 г. не малое время.

Ранѣе Устюга, тутъ же не далеко къ юго—востоку, верстахъ въ 3 4-хъ отъ нынѣшняго Устюга, на р. Югѣ, стоялъ городокъ Гледенъ. Можетъ быть, Владимірскіе князья, желая утвердиться въ этой мѣстности и замѣтивъ, что гору Гледенъ обрываетъ теченіемъ, устроили небольшое укрѣпленіе близь Гледена на болѣе удобномъ мѣстѣ, а жители Гледена добровольно стали сюда переселяться подъ защиту Владимірскихъ князей и потому, что мѣстоположеніе Устюга казалось безопаснѣе отъ рѣчныхъ разливовъ. Гледенъ запустѣлъ и его имя сохранилось только въ названіи Троицкаго Гледенскаго монастыря, въ которомъ, по преданію, постриженъ былъ преподобный Кипріанъ.

Всеволодъ III отдалъ Ростовъ съ Устюгомъ въ числѣ пяти городовъ своему старшему сыну Константину; послѣ него Устюгъ перешелъ къ сыну Константина—Васильку; потомъ къ Глѣбу Васильковичу, потомъ къ двоюроднымъ его племянникамъ Димитрію, а за нимъ Константину Борисовичамъ.

*) Проф. Моск. Дух. Академіи Е. Голубинскій въ своей исторіи Русской церкви въ до-монгольскій періодъ (М. 1881 г. т. I. Вторая половина, стран. 638, 652 и 653),— выходя изъ предвзятаго мнѣнія, необоснованнаго на фактахъ, сомнѣвается въ вѣрности хронологическихъ указаній мѣстныхъ лѣтописей о преп. Герасимѣ, о преп. Кипріанѣ и о Троицкомъ Гледенскомъ монастырѣ.

Сыновья Всеволода III продолжали отцовскую политику въ отношеніи Новгорода, стѣсняя торговлю его. Напр., когда въ 1219 году Новгородецъ Семьюнъ Еминъ пошелъ въ „четырех - стѣхъ" на Тоймокары, то Юрій и Ярославъ Всеволодовичи непустили его сквозь свою землю. *) Конечно, здѣсь рѣчь идетъ объ области двухъ рѣкъ Тоймъ, Верхней и Нижней, на границѣ Вологодской и Архангельской губерній. Въ этой мѣстности много было прежде чудскихъ городищъ; особенно былъ замѣчателенъ городокъ на р. Тонсѣ, въ Архангельской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ Троицкаго погоста. Можетъ быть сюда и намѣревался отправиться въ 1219 году новгородецъ Семьюнъ Еминъ.

Изъ этихъ очень отрывочныхъ извѣстій видно, что русскіе въ началѣ XIII столѣтія утвердились и въ Устюгскомъ краѣ и могли сдѣлаться господами по верхней Двинѣ и, вѣроятно, по впадающей въ нее Вычегдѣ. Послѣднее предположеніе о Вычегдѣ нѣкоторые основываютъ на словахъ лѣтописи о томъ, что Юрій Всеволодовичъ „постави грады многи," въ числѣ этихъ „градовъ многихъ" ставятъ и Черниговъ на Вычегдѣ, время основанія котораго точно неизвѣстно и вблизи котораго впослѣдствіи былъ построенъ Сольвычегодскъ, какъ вблизи Гледена — Устюгъ.

Съ утвержденіемъ руcскихъ на Верхней Двинѣ, торговый путь, шедшій съ юга по Камѣ и отъ Камы на Сѣверную Двину къ Бѣлому морю, попалъ въ руки русскихъ. Камскіе Болгары, которые до IX вѣка вели мирную торговлю съ жителями Заволочья и съ Норманнами, увидали опасность, угрожавшую ихъ интересамъ, и сдѣлали попытку устранить ее. Въ 1219 г. они напали на Устюгъ и „взяша его лестію" и потомъ „идоша по Унжи и Унжане отбишася отъ нихъ." Но на другой же годъ Болгары должны были оставить свои завоеванія. Великій князь Юрій II Всеволодовичъ въ 1220 году устроилъ большой походъ на „безбожныхъ" Болгаръ; его братъ Святославъ Всеволодовичъ посланъ былъ съ великокняжескими полками внизъ по Волгѣ; въ помощь ему, по приказанію

*) См. первую Новгородскую лѣтопись, ст. 209. Изд. 1888 г. С.п.б.

великаго князя,—ростовскій князь Василько Константиновичъ отправилъ два полка: одинъ изъ Ростова, а другой — на верховье Камы изъ Устюга. Устюжане дѣйствовали очень удачно; идя внизъ по Камѣ, они взяли по ней много городовъ и нѣсколько селъ, все жгли и убивали людей; иныхъ брали въ плѣнъ; съ множествомъ полона и съ великою корыстію они соединились у устья р. Камы съ главнымъ русскимъ войскомъ, шедшимъ также съ большою добычею. Въ Городцѣ на Волгѣ великій князь согласился на просьбы Болгаръ о мирѣ и миръ былъ заключенъ по прежнему, какъ было при Всеволодѣ III и при Юріѣ Долгорукомъ.

Въ половинѣ XIII вѣка, черезъ 20 лѣтъ послѣ разсказаннаго, вся Русь была покорена татарами и по русскимъ городамъ посажены были татарскіе посланцы — собирать на хана дань. Изъ нашихъ Вологодскихъ городовъ извѣстно только про одинъ Устюгъ, что тамъ какой-то татаринъ Буга (или Багу) чинилъ насилія жителямъ. Въ 1262 году, когда въ Устюгѣ узнали объ умерщвленіи татарскихъ сборщиковъ по многимъ русскимъ городамъ, этотъ Буга ожидая себѣ смерти отъ недовольныхъ Устюжанъ, принялъ христіанскую вѣру съ именемъ Іоанна и вскорѣ построилъ въ Устюгѣ церковь во имя Іоанна Предтечи. Впослѣдствіи своею добротою Іоаннъ со своею супругою Маріею заслужилъ общую любовь горожанъ.

Отъ татаръ Устюгъ едва ли много пострадалъ, потому что братъ Ростовскаго князя Бориса, князь Глѣбъ Васильковичъ Бѣлозерскій, тотъ самый, о которомъ было упомянуто выше и которому по смерти Бориса принадлежалъ вмѣстѣ съ Бѣлоозеромъ и Устюгъ, могъ быть хорошимъ его защитникомъ. Въ лѣтописяхъ объ немъ сказано, что онъ съ юности служилъ у татаръ и многихъ христіанъ избавилъ. О дѣятельности кн. Глѣба Васильевича въ здѣшнемъ краю извѣстны два факта: во 1-хъ, около 1260 г. (а можетъ быть и позже) онъ положилъ основы монастырю Спасо-Преображенскому на каменномъ островѣ Кубенскаго озера; во 2-хъ, онъ распорядился выпрямить теченіе рѣки Сухоны въ ея верховьяхъ: были сдѣланы два перекопа, одинъ — у кривой Луки, а другой немного ниже по теченію.

Размножившіеся потомки кн. Глѣба Васильковича (ум. 13 Дек. 1278 г.) и его брата Бориса понемногу завладѣли землями къ югу и къ сѣверу отъ Кубенскаго озера и стали проникать въ область рѣкъ Вели и Ваги.*) Своею междоусобною борьбою за Угличъ, Ростовъ и Бѣлоозеро и дробленіемъ своихъ владѣній**) они ослабляли свои силы и легко подчинены были вскорѣ Московскими князьями. Болѣе ловкимъ въ борьбѣ изъ родственниковъ оказался кн. Димитрій Борисовичъ: онъ около 1287 года завладѣлъ Ростовомъ и Устюгомъ. Въ 1290 году при немъ въ Устюгѣ была освящена Ростовскимъ Епископомъ Тарасіемъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы (нынѣ Успенскій Соборъ), изъ Ростова для этой церкви прислалъ князь икону Пресвятыя Богородицы «Одигитріи» и колоколъ «Тюрикъ». Когда же по смерти (1294 г.) Димитрія Борисовича его братъ кн. Константинъ сѣлъ въ Ростовѣ, то Епископъ Тарасій по какому-то несогласію съ новымъ княземъ уѣхалъ (1295 г.) въ Устюгъ, но князь «ѣде по немъ въ Устюгъ и ять владыку и люди около него поима»***) (въ иныхъ лѣтописяхъ: пограби). Современниками почти всѣхъ разсказанныхъ объ Устюгѣ событій и собесѣдникомъ преподобнаго Кипріана и праведныхъ Іоанна и жены его Маріи былъ праведный Прокопій, скончавшійся 8 Іюля 1303 г. Его молитвамъ приписали Устюжане чудо Божіе избавленія Устюга отъ истребленія каменнымъ дождемъ; это чудо совершилось именно въ тотъ годъ, когда по лѣтописному указанію, Епископъ Тарасій Ростовскій освящалъ Успенскую церковь въ городѣ. Въ житіи праведнаго Прокопія указано и число мѣсяца (25 Іюня 1290 г.), въ которое совершилось чудо. Онъ же предсказалъ рожденіе въ Устюгѣ епископа и учителя народа пермскаго, великаго Стефана, лѣтъ за 30 и болѣе до самого рожденія.

*) Далеко-ли на сѣверъ отъ Кубенскаго озера простирались земляныя владѣнія Ростовскихъ князей и гдѣ были «Ростовскія межи», невозможно опредѣлить съ приблизительною точностію; указанія документа подъ № 257, I и еще другаго подъ № 260, I въ Актахъ юридич. С.п.б. 1838 года—относятся къ Шенкурскому уѣзду и къ среднему теченію р. Кокшеньги въ Вельскомъ уѣздѣ.

**) На пространствѣ не болѣе 400 кв. миль образовалось нѣсколько мелкихъ княжествъ, таковы: Авненское, Вадбольское, Кубенское, Заозерское, Бохтюжское, Новленское, Ухтомское, Шелешпанское и др.

***) Смотр. въ Лаврентьевской лѣтописи. Издан. Археографичес. Коммиссіи. 1872 г. стр. 500.

Покровительствуемые и поддерживаемые Ростовскими князьями, Устюжане настолько чувствовали себя сильными, что не разъ смѣло вступали въ борьбу съ Новгородомъ. Въ лѣтописяхъ упоминается о двухъ случаяхъ этого рода въ началѣ XIV вѣка. Въ 1323 г. Устюжане ограбили Новгородцевъ, которые шли на Югру. На слѣдующій годъ Новгородцы вмѣстѣ съ Московскимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ отправились въ Заволочье и взяли Устюгъ «на щитъ» и пошли дальше къ Двинѣ, «и ту присла͏ша послы князи Устьюжьскыи къ князю и къ Новгородцемъ и докончаша миръ по старой пошлинѣ; и придоша Новгородци вси здорови, а князь Юрьи поиде въ орду изъ Заволочья по Камѣ рѣцѣ.» Не смотря на эту неудачу, черезъ пять лѣтъ въ 1329 году Устюгскіе князья (т. е. вѣроятно, намѣстники Ростовскихъ князей) осмѣлились не только ограбить Новгородцевъ, которые пошли на Югру, но и убили ихъ.*)

О Вологдѣ съ 1147 года до 1260 годовъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Имя Вологды, какъ Новгородской волости, упоминается въ договорной грамотѣ (1264 г.) великаго князя Ярослава Ярославича Тверскаго, брата и преемника Св. Александра Невскаго, съ Новгородцами. Эта грамота установляла предѣлы власти великаго князя по отношенію къ новгородскимъ волостямъ и торговыя льготы Новгородскихъ купцовъ по Суздальской и Тверской землямъ. Въ этой грамотѣ, между прочими условіями, сказано, что Вологда, какъ одна изъ Новгородскихъ волостей, должна вѣдаться Новгородскими мужами. Лѣтъ черезъ 5 эти условія были подтверждены новою грамотою, по недовѣрію новгородцевъ къ великому князю.**) Изъ другихъ договорныхъ грамотъ Тверскихъ князей съ Новгородцами видно, что эти князья не однажды пытались овладѣть Вологдой; въ 1273 году Вологда была раззорена во время нападенія на нее Тверскаго князя

*) См. первую новгородскую лѣтопись. Спб. 1888 г. стр. 320, 321 и 324.

**) На этотъ разъ Новгородцы прибавили еще условіе о томъ, что князю—брать куны на Имоволовьскомъ погостѣ и на Важаньскомъ. Не разумѣется-ли тутъ подъ послѣднимъ названіемъ центральн. пунктъ управленія Важескимъ краемъ. Смотр. Собр. Госуд. Грам. и Договор. I №№ 1—4.

Святослава Ярославича, а около 1308 года въ Вологдѣ Тверской князь Михаилъ Ярославичъ пытался держать отъ себя тіуна, и Новгородцы, заключая съ нимъ договоръ, требовали, чтобы онъ вывелъ своего тіуна изъ Вологды.

Послѣ этого есть извѣстіе, что въ 1335 г. городъ Вологда сгорѣлъ, но, не смотря на это, въ житіи Св. Димитрія Прилуцкаго писанномъ во второй половинѣ XV вѣка, читаемъ о Вологдѣ, что во время пришествія этого святаго въ Вологду, городъ былъ уже украшенъ многими храмами, а Св. Димитрій пришелъ въ Вологду около 1378 года.

Вотъ и все, что извѣстно о Вологдѣ и объ Устюгѣ до княженія Димитрія Ивановича Донскаго.

Въ самомъ началѣ княженія Димитрія Ивановича, встрѣчаемъ въ Устюгѣ Ростовскаго князя Константина Васильевича (1363 г.) Извѣстно, что въ этомъ году великій князь заставилъ Ростовскихъ князей подчиниться своей власти и всего вѣроятнѣе, что князь Константинъ Васильевичъ отъѣхалъ въ Устюгъ изъ нежеланія служить Московскому князю, разсчитывая, но безуспѣшно, здѣсь въ отдаленной волости сохранить какую нибудь тѣнь самостоятельности. Послѣ этого Московскіе князья распоряжаются Устюгомъ совсѣмъ неограничено и начинаютъ принимать разныя мѣры для пріобрѣтенія владѣній на востокъ отъ Устюга и для ихъ благоустройства и упроченія за Москвою.

Вологда же въ теченіи полустолѣтія, при Донскомъ и послѣ него, была, или, вѣрнѣе, числилась, въ нѣкоторой зависимости отъ Новгорода; большинство, если не всѣ историки, признаютъ Вологду въ совмѣстномъ владѣніи Новгородцевъ и великихъ князей Московскихъ, т. е. для управленія Вологдою назначались должностныя лица и изъ Новгорода и изъ Москвы и чинили судъ и расправу совмѣстно. Димитрій Ивановичъ, иногда нуждаясь въ содѣйствіи Новгородцевъ, не захватывалъ Вологды совсѣмъ; однако въ 1386 г. раздраженный частыми разбоями Новгородскихъ ушкуйниковъ на Волгѣ,*) спорами

*) Подъ 1375 г. въ Архангелогородск. лѣтописцѣ (М. 1781 г.) стран. 92, отмѣчено, что черезъ Устюгъ мирно проходилъ какой-то

вѣча съ митрополитомъ и др. обстоятельствами, предпринимая походъ на Новгородъ, заставилъ участвовать съ собою въ этомъ походѣ и Вологодскіе отряды, наравнѣ съ Бѣлозерскими и Устюгскими. Ранѣе же этого, за двадцать лѣтъ, когда въ 1366 году ушкуйники также ограбили не мало жителей по Волгѣ «безъ Новгородскаго слова», т. е. безъ вѣдома городскихъ властей,—великій князь ограничился только тѣмъ, что велѣлъ наступившею зимою схватить на Вологдѣ какого-то Новгородскаго боярина Василья Даниловича съ сыномъ, ѣхавшаго съ Двины безъ предосторожностей и не подозрѣвавшаго тутъ никакой опасности, но на слѣдующій годъ (1367) освободилъ ихъ, согласившись на просьбы Новгородцевъ о мирѣ.

Кажется, подъ именемъ «волости» Вологодской, зависѣвшей отъ Новгородцевъ, надо разумѣть только городъ Вологду и очень немного пригородныхъ селъ или деревень. Изъ сохранившихся документовъ историческихъ видно, что большая часть Вологодскаго и Грязовецкаго уѣздовъ, а также и Кадниковскаго—зависѣла уже вполнѣ отъ великаго князя Московскаго. Въ своей духовной Димитрій Донской такъ распоряжается своими Вологодскими землями: своему сыну Петру Димитріевичу назначаетъ въ нашемъ краю Тошну и Сяму; своей супругѣ Евдокіи Димитріевнѣ—Иледамъ съ Комелою, да изъ Петровой доли—Сяму; первыя двѣ волости—Тошна и Сяма въ Вологодскомъ уѣздѣ, а Комела и Иледамъ—въ Грязовецкомъ уѣздѣ Вологодской губерніи и Любимскомъ—Ярославской. Вѣроятно, Сяма и Тошна входили въ составъ Кубенскаго княжества, а Иледамъ съ Комелою въ составъ Авнежскаго, и вмѣстѣ съ Ростовскими вотчинами были пріобрѣтены Московскими князьями.

Со времени княженія Димитрія Донскаго въ нашемъ краю появляется много монастырей и число ихъ все увеличивается въ XV и XVI столѣтіяхъ. Жажда духовныхъ подвиговъ и безпокойства, испытываемыя въ Московскихъ краяхъ, а можетъ быть и другія обстоятельства, заставляли иноковъ бѣжать въ глухія, лѣсистыя и

Новгородскій бояринъ Прокопій, вскорѣ пограбившій Нижній-Новгородъ, Ярославль и Кострому съ шайкою изъ семидесяти насадовъ (лодокъ).

болотистыя мѣстности нашей губерніи. Св. Стефанъ Махрищскій съ ученикомъ Григоріемъ удаляется отъ непріятностей въ Авнегу въ 1370 годахъ и устраиваетъ Троицкій монастырь (нынѣ приходская церковь въ Тотемскомъ уѣздѣ). Преп. Димитрій († 1392 г.) изъ Переяславля уходитъ отъ безпокойствъ, испытываемыхъ вслѣдствіе Татарскихъ и Литовскихъ нападеній на этотъ городъ, и поселяется сначала на р. Лежѣ, близко къ Авнегѣ, но и здѣсь не найдя покоя, переходитъ къ Вологдѣ и, кажется, въ 1378 году устраиваетъ подъ городомъ Спасскій монастырь. Приблизительно въ эти же годы поселился на р. Нуромѣ препод. Сергій († 1412 г.) и тогда же основанъ былъ неизвѣстно кѣмъ монастырь при истокѣ р Сухоны изъ Кубенскаго озера на «лукѣ» (т. е. излучинѣ), которая послѣ построенія монастыря стала называться святою Лукою и досель удерживаетъ это имя. Въ 1380 годахъ поселяется въ Комельскомъ лѣсу на р. Обнорѣ Преп. Павелъ († 1429 г.) прозванный Обнорскимъ.

Почти одновременность всѣхъ этихъ переселеній наводитъ на мысль, не были ли они слѣдствіемъ какихъ либо правительственныхъ соображеній и распоряженій духовной и свѣтской власти? Въ эти годы въ Ростовѣ жилъ Св. Стефанъ, занимаясь своимъ образованіемъ (съ 1365—1378 г.); Ростовъ въ то время былъ сравнительно съ другими городами средоточіемъ образованія. Имѣя совѣтниками такихъ людей, какъ Св. Митрополитъ Алексѣй и Преподоб. Сергій Радонежскій,— великій князь Димитрій Ивановичъ, „зѣло зная и любя“ Св. Стефана, изъ бесѣдъ съ послѣднимъ могъ знать о духовномъ мракѣ жителей заволжскаго края, а Св. Стефанъ, задумывая свой миссіонерскій планъ, въ бесѣдахъ съ преп. Сергіемъ, который зналъ и преп. Димитрія Прилуцкаго, могъ не мало сообщить имъ о необходимости просвѣщенія жителей сѣвера. Не безъ совѣщаній съ вышеозначенными лицами великій князь Димитрій Ивановичъ пожелалъ назначить игуменомъ въ Спасо-Преображенскій монастырь па Кубенскомъ озерѣ—образованнаго Діонисія, пришельца со Св. горы Аѳонской. Этотъ игуменъ сдѣлалъ Спасо-каменскій монастырь училищемъ иночества, ввелъ въ монастырѣ строгій аѳонскій уставъ, обогатилъ монастырь книгами, такъ что монастырь сталъ вскорѣ

извѣстнымъ на всемъ сѣверѣ. (Послѣ 1260 года это—второе по времени извѣстіе о Спасо-каменномъ монастырѣ).*)

Замѣчательнымъ, особенно для нашего края, событіемъ княженія Димитрія Донскаго было просвѣщеніе Перми Св. Стефаномъ и учрежденіе Пермской епархіи. Пермью, которую просвѣщалъ Св. Стефанъ, называлась въ то время страна по теченію рѣкъ Вычегды, Выма и Сысолы.**) Устюжанинъ по рожденію (род. ок. 1335—1340 г.г.), ростовецъ по образованію, москвитянинъ по духу дѣятельности въ собираніи Руси, Св. Стефанъ былъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и образованныхъ русскихъ проповѣдниковъ ученія Христова въ средѣ инородцевъ-язычниковъ. Почти четыре года (съ конца 1379 г.) странствовалъ Св. Стефанъ по Перми, проповѣдуя вѣру во Христа. Въ концѣ 1383 года онъ былъ поставленъ во епископа Пермскаго. Мѣстопребываніемъ для епископа Св. Стефанъ избралъ торговое мѣстечко при впаденіи р. Выма въ Вычегду, но мало приходилось ему и тремъ его преемникамъ жить спокойно на одномъ мѣстѣ. Въ 1386 году Вогулы съ востока, а Новгородскіе ушкуйники съ запада нападали на Пермскій край; святитель однимъ своимъ приближеніемъ навелъ ужасъ на язычниковъ, и они, побросавъ награбленное, ушли; а противъ ушкуйниковъ Св. Стефанъ обращался къ Новгородскому вѣчу и для этого ѣздилъ въ Новгородъ; съ того времени ушкуйники не трогали Перми.***) На слѣдующій годъ Пермскій край былъ постигнутъ голодомъ и Св. Стефану пришлось заботиться о снабженіи хлѣбомъ изъ Вологды и Устюга несчастныхъ жителей Перми. Въ 1391 году уже при вел. князѣ Василіѣ Димитріевичѣ селенія Пермичей подверглись нападеніямъ тѣснимыхъ Татарами

*) Сказаніе Паисія Ярославова о Каменномъ монастырѣ напечатано въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1861 г., ч. I, стр. 197—216.

**) Слѣдуетъ различать просто Пермь и «великую» Пермь. Жители Перми съ 1570 годовъ стали извѣстны подъ именемъ зырянъ. Епископы Пермскіе, преемники Св. Стефана, до 1572 г. не назывались «велико-Пермскими», а просто Пермскими. См. Г. Лыткина: «Зырянскій край при Епископахъ Пермскихъ» Спб. 1889 г.

***) Можетъ быть, это путешествіе Св. Стефана въ Новгородъ было послѣ заключенія мира у велик. князя съ Новгородомъ прекратившаго войну 1386 г. См. выше.

Вятчанъ;*) Св. Стефанъ своими рѣчами убѣдилъ ихъ оставить набѣги. Въ 1390 году вызванный митрополитомъ для участія въ обсужденіи дѣла Тверскаго епископа Евфимія, Св. Стефанъ ѣздилъ въ Тверь на соборъ (въ Іюлѣ или Августѣ). 1393 годъ былъ онечаленъ тяжелымъ, особенно для Св. Стефана, событіемъ. Родина его — городъ Устюгъ — былъ взятъ Новгородцами и раззоренъ. Это произошло такимъ образомъ. Новгородцы не хотѣли соблюдать условіе о черномъ борѣ, заключенное съ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ, не хотѣли также ходить въ Москву на судъ Митрополичій. Они могли быть недовольны, что въ ихъ волости, Пермской, Московскій митрополитъ учредилъ епископію. При такомъ положеніи дѣла.— великій князь взялъ у Новгорода пригородъ Торжекъ съ волостьми и Волокъ Ламскій и Вологду, и много волостей повоевалъ. Тогда Новгородское войско водою на многихъ насадахъ и ушкуяхъ пришло съ Двины, изъ Заволочья, ратью и взяло Устюгъ весь и огнемъ пожгло; «и церковь чюдную съборную разграбиша, и множество злата и сребра, еже есть въ ней, кузнь иконы Св. Богородицы, то все одраша и стояша мѣсяцъ въ одномъ мѣстѣ на Устюзѣ и Юзѣ; воююще и люди изъ лѣсовъ выводяще мучаху, и вся имѣнія ихъ, кто гдѣ ни похоронилъ, поимаша и вся волости и села пусты сотвориша, люди же и скотъ и все зажитіе попроводиша на низъ по Двинѣ. Такожде тогда и Бѣлоозеро градъ и села и волости повоеваша и сотворища ему, яко и Устюгу».

Между тѣмъ, только за годъ до этого, въ 1392 г. Новгородцы иначе относились къ Устюжанамъ; они дружно въ насадахъ и ушкуяхъ дѣлали походъ (можетъ быть, не безъ вѣдома Св. Стефана) на Татаръ, овладѣвшихъ Вяткою въ 1391 году, и взяли у Татаръ Жукотинъ и Казань, выйдя на Волгу они ограбили всѣхъ гостей (т. е. купцовъ) и возвратились. Такъ быстро потомъ измѣнились отношенія.—Столкновеніе 1393 года окончилось подтвержденіемъ стараго обязательства Новгородцевъ платить великому князю,

*) Къ этому времени относится раззореніе Вятчанами и Татарами, преслѣдовавшими первыхъ, Троицкаго Авнежскаго монастыря, который послѣ этого болѣе ста лѣтъ былъ въ запустѣніи.

какъ и при Димитріѣ Ивановичѣ, черный боръ со всѣхъ волостей и митрополитъ опять признанъ въ прежнихъ правахъ и одаренъ 350 рублями.

Черезъ три года послѣ этого Св. Стефанъ отправившись по дѣламъ въ столицу, скончался въ ней 26 Апрѣля 1396 года.

Предѣлами епархіи Стефана Пермскаго полагаютъ на востокѣ Ульяновскую пустыню, основаніе которой преданіе ему и приписываетъ, на югѣ—Вотчу (на Вотчѣ, по преданію, основана Св. Стефаномъ Афанасьевская пустыня),—на сѣверѣ по р. Выму и внизъ по р. Двинѣ—неопредѣленное пространство; на западѣ Пермская епархія близко подходила къ Устюгу. Относительно послѣдняго путешествія Св. Стефана записано Шегреномъ въ 1827 году преданіе, будто Св. Стефанъ ѣхалъ въ Москву вверхъ по Сысолѣ, отдыхалъ въ деревнѣ Гривѣ, а въ деревнѣ Мирпонаибъ, въ 6 верстахъ отъ Ужгинской церкви, обѣдалъ. Въ память этой остановки святителя была поставлена въ послѣдней деревнѣ часовня; при проѣздѣ Шегрена также стояла тутъ часовня. Послѣ обѣда Св. Стефанъ продолжалъ свой путь къ Москвѣ черезъ Кажимскіе лѣса и дебри на Каму, по которой и плылъ въ Волгу. Далѣе преданіе прибавляетъ, что одной больной дѣвочкѣ Ужгинскаго прихода было нѣкогда откровеніе; она передавала приходскому священнику, будто Св. Стефанъ выражалъ желаніе; чтобы тутъ былъ построенъ монастырь, за что онъ сдѣлаетъ узкую и мелкую Сысолу большою судоходною рѣкою и благосостояніе жителей поднимется; но такъ какъ никто не внялъ этимъ рѣчамъ дѣвочки, то все осталось по старому и жители имѣютъ скудный заработокъ.

Послѣ Свят. Стефана болѣе полутора года пермская каѳедра оставалась не замѣщенною, 20 Января 1398 года поставленъ былъ митрополитомъ Кипріаномъ во Епископа Пермскаго—Исаакій.*) Въ этомъ году (1398) въ западной и сѣверо-западной частяхъ

*) Объ этомъ епископѣ только и извѣстно, что онъ въ Мартѣ 1416 года присутствовалъ въ Москвѣ на соборѣ при рукоположеніи въ Новгородъ архіепископа Симона.

нашей губерніи происходили большія военныя дѣйствія. Новгородцы не исполняли договора 1393 года; великій князь сталъ ихъ тѣснить и приказалъ своимъ воеводамъ Андрею Албердову и другимъ, занять Заволоцкую, Двинскую землю и Вагу, потомъ отнялъ у Новгородцевъ Волоколамскъ, Вологду и Бѣжецкъ. Слѣдствіемъ этого былъ походъ 1398 года Новгородцевъ на Двину, Вагу, Кубену и Вологду.

Въ лѣтописной записи объ этомъ походѣ сказано, что бояринъ великаго князя Андрей Албердовъ съ Двинскимъ воеводою Иваномъ Никитинымъ (можетъ быть Двинскимъ посадникомъ), наѣхалъ на волость Св. Софіи, на Ведь, въ самую Пасху (въ 1397 г. Пасха была 22 Апрѣля), повоевали ее, а «на головахъ окупъ взяли», отъ великаго князя пріѣхалъ на Двину на заставу князь Ѳедоръ Ростовскій блюсти городокъ и судить и пошлины имати съ Новгородскихъ волостей, а Двинскіе воеводы Иванъ, Кононъ и другіе, которые передались великому князю раздѣлили между собою Новгородскія волости.

О дѣйствіяхъ великокняжескихъ войскъ узнали въ Новгородѣ и послѣ Пасхи 1398 года (7 Апрѣля) двинулось изъ Новгорода войско за Волокъ на Двину къ городу Орлецу (постр. въ 1342 г.) Гдѣ то на дорогѣ тутъ встрѣтилъ ихъ владычный Новгородскій волостель Исаія съ Вели и разсказалъ все вышеизложенное объ отпаденіи Двинской земли отъ Новгорода. Тогда Новгородскіе воеводы повернули на Бѣлоозеро, потомъ воевали Кубенскія волости и около Вологды, и Устюгъ городъ повоевали и пожгли, а города Гледена не могли взять и стояли тутъ три или четыре недѣли; одинъ отрядъ Новгородскій воевалъ великокняжескія волости около Галича. Новгородцы просили у Устюжанъ съ города и съ церквей «копейщины», но тѣ имъ не дали; тогда они разграбили соборную церковь на Устюгѣ и зажгли ее.*) Отъ Устюга пришли къ Орлецу и, овладѣвши имъ, уничтожили укрѣпленія. Заволоцкіе воеводы Иванъ,

*) Въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ (стр. 117) разсказано при этомъ о чудѣ, бывшемъ отъ Устюгской иконы Богородицы. Въ Устюгскомъ лѣтописцѣ является уже въ изданіи А. Титова, 1889 г., распространенная повѣсть объ этомъ чудѣ, ошибочно поставленная подъ 1299 годомъ.

братъ его Айфалъ (или Анфалъ), Кононъ и др. были взяти въ плѣнъ; у князя Ѳедора Ростовскаго взяли присудъ и пошлины, который онъ набралъ себѣ; у великокняжескихъ купцовъ (гостей) взяли выкупа— 300 рублей, а съ Двинянъ—2000 рублей и 3000 коней. Когда плѣнныхъ вели въ Новгородъ, Анфалу удалось съ дороги убѣжать; за нимъ погнался Яковъ Прокопьевъ съ 700 чел. и загналъ его къ Устюгу, гдѣ былъ тогда князь Юрій Андреевичъ и Ростовскій Архіепископъ Григорій. Яковъ спросилъ владыку Григорія, князя Юрія и Устюжанъ: «стоите-ли за бѣглеца Новгородскаго Анфала»? Тѣ отвѣтили. что не стоятъ; тогда Яковъ пошелъ дальше за Анфаломъ и настигъ его за Медвѣжьею Горою (верстъ семъ внизъ по р. Югу отъ впаденія въ Югъ р. Пушмы), гдѣ бѣглецъ съ товарищами своими устроилъ острогъ и бился изъ-за него съ Новгородцами, Устюжане обманули Якова и въ числѣ 2000 человѣкъ пришли на помощь къ Анфалу и бились съ Новгородцами крѣпко на р. Сухонѣ у порога Стрѣльнаго. Яковъ побѣдилъ, убилъ 400 чел. Устюжанъ и дружины Анфаловой, многихъ перетопилъ въ Сухонѣ. Но самъ Анфалъ убѣжалъ въ Устюгъ.*) Эта борьба Якова съ Анфаломъ была уже въ 1399 году, но еще осенью 1398 г. изъ Новгорода ѣздили послы въ Москву и заключили съ в. княземъ миръ по старинѣ.

Попытка великаго князя отнять у Новгородцевъ силою Вель, Вагу и Двину была неудачна, также неудачно было нападеніе великокняжескихъ войскъ на Двинскую землю и въ 1401 году; Московское войско, подъ начальствомъ вышеупомянутаго бѣглеца Анфала и еще другаго воеводы, «на миру, на крестномъ цѣлованіи, безвѣстно», (т. е. неожиданно), выступило съ Устюжанами и взяло всю Двинскую землю «на щитъ» въ самый Петровъ день (29 Іюня), но съ Ваги собрался Новгородскій отрядъ, прогналъ Анфала и прочихъ и у Колмогоръ отбилъ всѣхъ плѣнныхъ.

Подъ 1417 годомъ въ лѣтописяхъ отмѣченъ случай разбоя по рѣкѣ Сѣверной Двинѣ, въ который втянуты были и Устюжане. Именно — одинъ изъ бояръ князя Юрія Галичскаго, брата великаго князя, Глѣбъ Семеновичъ съ Новгородскими бѣглецами Симеономъ

*) См. Ист. Росс. Соловьева, т. IV, ст. II—Анфалъ умеръ въ 1409 г.

Жадовскимъ и Михаиломъ Рассохинымъ, собрали шайку изъ Вятчанъ убѣдили Устюжанъ, можетъ быть обманно, сказавъ, что они дѣйствуютъ по желанію великаго князя,—принять участіе въ дѣлѣ и спустились внизъ по Двинѣ въ Заволочье; пограбили Борокъ*), принадлежавшій дѣтямъ Новгородца Ивана Васильевича, Емцу и Колмогоры, взяли знатныхъ плѣнниковъ изъ Новгородскихъ бояръ, но на рѣкѣ Емцѣ ихъ нагналъ отрядъ Двинскихъ жителей и не только отбилъ плѣнныхъ и всю добычу, но преслѣдовалъ ихъ до Устюга и ограбилъ Устюгъ.

Въ послѣдній годъ (1425) княженія Василія Дмитріевича повторилось почти тоже. Устюжане сдѣлали походъ въ Заволочье; Новгородцы заставили ихъ не только оставить Заволочье, но взяли съ нихъ окупъ нѣсколько сотъ шкуръ соболей и бѣлокъ**) Только 60 верстъ не дошло на этотъ разъ Новгородское войско до Устюга, примиреніе произошло въ Вондокурьѣ.

Въ Никольскомъ уѣздѣ въ недавнее время въ народѣ хранилось преданіе о вышеупомянутомъ Анфалѣ, что черезъ Устюгъ по р. Югу направлялся онъ со своей шайкой къ Камѣ, но встрѣтился дорогою съ Вятчанами, а Вятчане въ то время были враги Устюжанъ. Вятчане заняли мѣста по рѣкамъ Вохмѣ, Вочѣ и Моломѣ, притокамъ р. Камы. Анфалъ остановился при впаденіи въ Югъ рѣчки Анданги и жилъ нѣкоторое время въ какой-то ямѣ (у мѣстныхъ жителей—«Анфалова яма»); тутъ и умеръ. А его спутники выстроили тутъ же селеніе, получившее названіе «Андангскихъ починковъ», которое и до сихъ поръ удерживается. Нѣкоторые изъ жителей долго носили (а можетъ быть и нынѣ носятъ) фамилію Новгородцевыхъ.***)

Такимъ образомъ, обозрѣвши по возможности подробно событія касающіяся нашего края, за время княженія Василія Димитріевича,

*) Это—Борецкій приходъ, первый приходъ въ Архангельской губерніи отъ границы Вологодской губерніи.

**) По свидѣтельству Герберштейна (начало XVI вѣка), соболи, хотя и весьма рѣдко и не изъ отличныхъ попадались однако и къ Западу отъ Устюга и въ Двинской области.

***) См. Памятная книжка Вологодской губерніи 1861 г. статья В. Попова, стр. 113.

мы видимъ, что, за исключеніемъ Вельскаго уѣзда и нѣкоторыхъ Ростовскихъ волостей около Кубенскаго озера, остальное пространство Вологодской губерніи уже было подвластно Московскому великому князю. Хотя Новгородцы и при Василіѣ Темномъ считали, даже до 1471 г., Вологду своею волостью, но фактически власть надъ Вологдой была въ рукахъ великаго князя. Новгородцы оказывались въ силахъ только раззорять окрестности Вологды и Кубенскія волости. Изъ Двинской грамоты 1398 г., извѣстно, что въ Устюгѣ и Вологдѣ были великокняжескіе намѣстники.*) Двинская земля начиналась отъ впаденія рѣки Нижней Тоймы въ Сѣверную Двину и тянулась но теченію ея внизъ. Вѣроятно, если-бы были менѣе серьезны Татарскія, Литовскія и Ливонскія дѣла то борьба на сѣверѣ Россіи въ Новгородскихъ волостяхъ продолжалась-бы и во 2-ю половину княженія Василія I и кончилась бы совершеннымъ присоединеніемъ этихъ волостей къ Московскому княжеству.

О Печерской волости извѣстно очень мало; а то, что извѣстно, показывается, что со временъ Іоанна Калиты она была въ зависимости довольно значительной, если не полной, отъ великаго князя. Печорскій край давно былъ извѣстенъ соколами и кречетами. Великій князь Иванъ Калита пожаловалъ сокольниковъ печорскихъ, ходившихъ въ Печору, не велѣлъ брать съ нихъ даней, «кормовъ» и подводъ, «занеже», какъ говорится въ грамотѣ, «люди ти надобны». Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ Печора была пожалована нѣкоему Андрею Фрязину (т. е. по всей вѣроятности Генуэзцу) и тѣхъ же условіяхъ, какъ ранѣе дядѣ его Матвѣю Фрязину; въ Перми (см. выше, что называлось Пермью) предоставлено ему право брать подводы, какъ было и прежде со временъ дѣда Донскаго,—Калиты**)

*) Въ грамотѣ сказано, что Двинскіе гости (т. е. купцы) даютъ на Устюгѣ намѣстнику съ лодьи—два пуза соли, а съ воза товара—двѣ бѣлки, а на Вологдѣ—съ лодьи—два пуза соли, а съ воза—бѣлку; а болѣе того намѣстники Устюгскіе и Вологодскіе съ нихъ ничего не берутъ и не судятъ ихъ, ни на поруки не даютъ ни въ чемъ. Сравни торговыя пошлины съ Новгородскихъ купцовъ въ Суздальской землѣ 1265 г. С. Г, Г. и Д., I, №№ 1—4.

**) См. «Герберштейнъ» Е. Замысловскаго. Спб. 1884 г. стр. 282.— Ср. о кречетахъ, привозимыхъ въ Вологду. С. Г. Г. и Д. т. I № 14.

Въ церковно-административномъ отношеніи удерживалось прежнее главное дѣленіе нашей территоріи: Вологда и Вель зависѣли отъ Новгородскаго Архіепископа, а Устюгъ — отъ Ростовскаго. Пермская епархія послѣ Св. Стефана расширяется до р. Печоры включительно. Преемнику Св. Стефана епископу Исаакію преданіе приписываетъ основаніе монастыря-пустыни на мѣстѣ нынѣшней Печорской Троицкой церкви. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ тѣ времена въ раздѣленіи территоріи нашей губерніи въ церковно-административномъ отношеніи допускалась и терпима была запутанная черезполосица, какъ это видно изъ разныхъ извѣстій. Преподобный Діонисій строитъ (1402—1420 г.г.) храмъ на Глушицѣ (къ сѣверу отъ Вологды въ Кадниковскомъ уѣздѣ) по благословенію Ростовскаго Архіепископа, также и Преподобный Григорій Лопотовъ на рѣкѣ Пельшмѣ; а Преп. Павелъ — на Обнорѣ — по благословенію Митрополита Всероссійскаго, такъ что Вологда въ отношеніи церковнаго управленія являлась островомъ Новгородскаго Архіепископа среди Ростовскихъ и митрополичьихъ областей.

Въ подписанномъ Митрополитомъ Фотіемъ завѣщаніи великаго князя Василія Димитріевича 1423 года, отдано было имъ много волостей, находящихся нынѣ въ Вологодской губерніи, его супругѣ, великой княгинѣ Софьѣ Витофтовнѣ. Великій князь отдалъ ей на Вологдѣ свою куплю Ухтюжку, да Брюховскую слободку, и села знаменитаго боярина Ѳедора Свибла въ Отводномъ и на Сямѣ, и свой примыслъ и прикупъ на Вологдѣ и на Тошнѣ; за ней утвердился и ея примыслъ и прикупъ. Нѣкоторыя мѣстности на Тошнѣ были во владѣніи ея троюродныхъ племянниковъ, сыновей князя Владиміра Андреевича. На Устюгѣ великій князь назначалъ своей супругѣ также деревни Ѳедора Свибла да деревни Ивана Головина, да Тутолминское, что прикупилъ посельскій великаго князя Григорій Горбищевъ, а изъ Костромы также, какъ и прежде, великой княгинѣ выдѣлялись Иледамъ и съ Обнорою, и съ Комелою и съ Волочкомъ. Всѣ эти свѣдѣнія имѣютъ не малое значеніе для исторіи землевладѣнія въ нашемъ краю. Великая княгиня во всѣхъ своихъ владѣніяхъ была полною властительницею; назначенные ею «волостели» судили въ

ея волостяхъ на тѣхъ же правахъ, какъ волостели великаго князя въ его волостяхъ; она сама разбирала жалобы крестьянъ на ея волостелей.

Въ самомъ началѣ княженія Василія Васильевича, прозваннаго Темнымъ, возникаетъ въ глуши, среди болотъ, на Пельшмѣ, близь нынѣшняго уѣзднаго города Кадникова, монастырь препод. Григорія «Лопота» уроженца гор. Галича (Костромскаго). Когда съ 1433 г. началась двадцатилѣтняя (съ перемежками) борьба у великаго князя съ его дядею Юріемъ, а потомъ съ сыновьями Юрія — Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякою, за великокняжескую власть, то этотъ преподобный дважды выступалъ изъ своего монастыря примирителемъ князей, являясь къ Юрію въ Москву и къ сыну его Димитрію Шемякѣ*) и убѣждая ихъ не нарушать утверждающагося порядка престолонаслѣдія.

Эта борьба двоюродныхъ братьевъ дорого обошлась Вологодскому и Устюгскому краю: въ 1434 году кн. Василій Юрьевичъ Косой, изгнанный изъ Москвы и разбитый подъ Ярославлемъ, убѣжалъ въ Кашинъ и тамъ собравъ кое-какіе отряды, изгономъ (т. е. внезапно) напалъ на Вологду и захватилъ здѣсь четырехъ великокняжескихъ воеводъ.**) Послѣ этого онъ помирился съ великимъ княземъ, получивъ отъ него Дмитровъ, но не надолго; черезъ годъ 14 Ноября 1435 года онъ выступилъ изъ Костромы къ Устюгу, достигъ 6 Декабря Кичменги, а 1 Января напалъ на Устюгъ, гдѣ былъ отъ великаго князя воеводою кн. Глѣбъ Ивановичъ Оболенскій. Косой девять недѣль стоялъ подъ городомъ; опустошивъ его окрестности, онъ взялъ потомъ и городъ Гледенъ «на цѣлованье»; князя Глѣба убилъ;***) повѣсилъ владычнаго десятильника Іева Булатова и

*) Или вѣрнѣе, по соображеніямъ Ключевскаго, къ брату Шемяки — Василію Косому, въ 1435 г. См. его «древне-русскія житія Святыхъ» М. 1871 г. О событіяхъ нижеизложенныхъ 1446—1452 г.г. см. еще «Изслѣдованіе В. В. Вельяминова-Зернова о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ». Ч. І-я, Спб. 1863 г., стр. 15—26.

**) Өедора Михаил. Челядню, Андрея Өедор. Голтяева, Владиміра Андреев. Зворыкина и Михаила Печкина (или Чепечкина).

***) Кн. Глѣбъ былъ похороненъ въ Устюгской соборной церкви.

казнилъ многихъ Устюжанъ. Отъ Устюга онъ пошелъ опять на Вологду и отсюда вернулся въ Кострому. Въ 1438 году Вятчане, бывшіе въ союзѣ съ Галицкими князьями, напали наканунѣ Троицына дня на Устюгъ и сожгли остатки сосѣдняго древняго города Гледена. Потомъ явились враги съ сѣвера: Двиняне въ 1441 году приходили къ Устюгу ратью, но онъ былъ уже укрѣпленъ въ 1439 г. и враги простоявъ одинъ день, ушли прочь; съ юга подходили Казанскіе татары къ Устюгу (въ 1446 г.), въ самую Пасху сдѣлали приступъ, но были отбиты; тогда они подожгли деревянныя городскія укрѣпленія и жители дали имъ окупа «копейщину» болѣе 11 тысячъ. Татары приходили черезъ Кичменгу по рѣкѣ Югу; они не могли увести никого въ плѣнъ, потому что жители получили вѣсть объ ихъ движеніи и укрѣпились по городкамъ

Въ 1446 году князь Димитрій Шемяка, захвативши великокняжескую власть, назначилъ Вологду въ удѣлъ Василію II Васильевичу, и въ концѣ Сентября мѣсяца послѣдній пріѣхалъ въ Вологду изъ Углича. Немного поживъ здѣсь Василій Васильевичъ поѣхалъ въ Спасо-каменный, потомъ въ Кирилловъ монастырь; тамошній игуменъ Трифонъ благословилъ его на борьбу съ Шемякою, и слѣдствіемъ этой борьбы было бѣгство Шемяки изъ Москвы въ самый день Рождества Христова. Февраля 17, 1447 г. Василій Васильевичъ вернулся въ Москву. Потомъ Шемяка, разбитый подъ Галичемъ, бѣжалъ въ Новгородъ, оттуда на Двину, потомъ на Устюгъ и занялъ Устюгъ 29 Іюня 1450 года. «А Устюжане противъ его щита не держали»; поэтому Шемяка земли не воевалъ и привелъ къ цѣлованію нѣкоторыхъ людей, но тѣхъ, которые не хотѣли измѣнить великому князю и не цѣловали крестъ Шемякѣ, онъ казнилъ, велѣвъ бросить ихъ въ р. Сухону съ большими камнями на шеѣ. Въ этомъ же году онъ ходилъ войною на Вологду;*) вернувшись

*) Вѣроятно, къ 1450 году относится преданіе о Бѣлоризцахъ, совершенно неправильно иными относимое къ XVII вѣку. См. о немъ въ книгѣ Степановскаго «Вологодская Старина» стр. 282. Въ Вологодскомъ лѣтописцѣ, сост. въ 1780 г. А. Засѣцкимъ и переизданномъ съ пополненіями Н. Суворовымъ въ 1873 г,, событія XIV и XV вѣковъ чрезвычайно перепутаны и необходимо должны были быть провѣрены по Воскресенской, Новгородской и др. лѣтописямъ.

въ Устюгъ, онъ жилъ въ нѣмъ неполныхъ два года, пока великій князь Василій Темный былъ занятъ татарскими дѣлами.

Въ концѣ 1452 года, проведя праздникъ Рождества Христова въ Москвѣ. великій князь отправился на Шемяку. Самъ остановившись у Костромы, онъ отпустилъ своего сына Іоанна съ воеводами (кн. Семен. Иван. Оболенскимъ, Ѳедор. Басенкомъ и друг.) къ Устюгу и на Кокшенгу. Шемяка, услышавъ о движеніи великокняжескихъ войскъ, убѣжалъ на Двину, оставивъ на Устюгѣ своего намѣстника Ивана Киселева, а сынъ великаго князя, узнавъ о бѣгствѣ Шемяки изъ Устюга, неходя къ этому городу, отъ Городищны повернулъ на Кокшенгу, взялъ много городковъ на Кокшенгѣ*) избивъ множество Кокшаровъ; оттуда дошелъ до Усть ваги, до «Осинова-Поля», опустошая все на пути, такъ какъ это были Новгородскія волости, а Новгородцы поддерживали Шемяку. Въ слѣдующемъ году Шемяка умеръ и борьба въ семьѣ Московскихъ князей кончилась. Вскорѣ великій князь. заподозрѣвъ почему-то въ опасныхъ замыслахъ брата своей жены, великой княгини, князя Василія Ярославича, участвовавшаго въ походѣ на Шемяку заточилъ его въ Угличѣ, откуда впослѣдствіи Іоанномъ III онъ былъ переведенъ въ Вологду и тутъ умеръ въ 1483 г, «въ железѣхъ».

Вятчане въ этихъ междоусобицахъ были на сторонѣ враговъ великаго князя Василія II; поэтому въ 1458 и 1459 годахъ на нихъ были посылаемы вел. княземъ войска; въ походѣ 1459 года участвовали и Устюжане. Вятчане добили челомъ великому князю. Отдаленная Пермь въ это время много страдала отъ нападеній дикихъ язычниковъ Вогуловъ. Двумъ Пермскимъ епископамъ Герасиму и его преемнику Питириму, пришлось кончить жизнь мученически отъ этихъ дикарей. Первый былъ удавленъ омофоромъ отъ одного вогула, взятаго епископомъ въ слуги и не отрѣшившагося отъ языческихъ нравовъ. (24 Января неизвѣстнаго года). Второй былъ убитъ (19 Августа) вогульскимъ княземъ Асыкою, когда этотъ князь со своимъ сыномъ

*) Въ А. Юр. № 260, I упоминается, что на Кокшенгѣ въ XV в. была пустынь Св. Ѳеодора, гдѣ-то повидимому ниже рѣчекъ Почи и Омелфы, впадающихъ въ Кокшеньгу.

Югшаномъ въ 1455 г. напалъ на Устьвымъ. Оба эти епископа извѣстны участіемъ въ церковныхъ соборахъ, первый—въ 1438 и 1441 г., второй въ 1447 и 1448 г.г. Епископъ Питиримъ въ 1440 году бывшій въ Чудовомъ монастырѣ Архимандритомъ, въ 1447—8 г.г. написалъ, въ бытность свою въ Москвѣ, службу на праздникъ обрѣтенія мощей Св. Алексія митрополита всероссійскаго и краткое житіе этого святителя.*)

Самымъ спокойнымъ уголкомъ Вологодскаго края въ тревожное княженіе Василія Темнаго было Заозерское княжество, на сѣверъ отъ Кубенскаго озера по обѣ стороны р Кубены. Тогда еще не пролегала большая дорога изъ Вологды на Вельскъ черезъ нынѣшній Кадниковскій уѣздъ; большаго движенія въ этомъ краю не было и край могъ медленно, постепенно развиваться. Въ началѣ княженія Василія Темнаго владѣтельнымъ княземъ Заозерскимъ былъ Димитрій Васильевичъ.**) Онъ со своимъ племянникомъ княземъ Юріемъ Бохтюжскимъ покровительствовалъ преп. Діонисію, когда послѣдній устраивалъ монастырь на р. Глушицѣ и преп. Александру, основавшему монастырь на р. Куштѣ (въ 1420 г.г.). Князь Димитрій Заозерскій около 1435 года породнился съ княземъ Димитріемъ Шемякою, выдавъ за него свою дочь Софью. Изъ-за этого родства князья Заозерскіе въ 1447 году великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ были лишены своихъ вотчинъ; ихъ владѣнія были отданы князьямъ Можайскимъ, двоюроднымъ братьямъ вел. князя Михаилу и Ивану Андреевичамъ. Когда Иванъ Андреевичъ бѣжалъ въ Литву, то его половина Заозерья взята была великимъ княземъ. Одинъ изъ сыновей князя Димитрія Заозерскаго, Андрей, ушелъ въ Спасо-каменный монастырь и, постригшись съ именемъ Іоасафа, кончилъ здѣсь жизнь въ молодыхъ лѣтахъ (между 1453 и 1457 годами); онъ пріобрѣлъ

---

*) О Пермскихъ и Вологодскихъ епископахъ—см книгу, составл. Н. Суворовымъ «Историческія свѣдѣнія объ іерархахъ древне-Пермской и Вологодской епархіи». Вологда. 1865—1868 г.г. Также см. вышеуказанныя книги Г. Лыткина и В. Ключевскаго.

**) Заозерскіе князья изъ рода Смоленскихъ князей, получившихъ Ярославль и тянувшія къ Ярославлю волости по родственнымъ связямъ съ Ростовскими князьями.

извѣстность своею строгою монашескою жизнію и мѣстно почитается святымъ. Въ Спасо-каменномъ монастырѣ игуменомъ былъ тогда (до Апрѣля 1448 года) Кассіанъ, ученикъ преп. Кирилла Бѣлозерскаго, достойный преемникъ Діонисія Святогорца, о которомъ сказано выше.

Подъ руководствомъ этихъ двухъ игуменовъ воспиталось не малое число преподобныхъ мужей.—Діонисій Глушицкій, Григорій «Лопотъ» были нѣкоторое время въ числѣ братіи этого монастыря,—изъ него же вышли преп. Пахомій Святолуцкій, возобновитель Николаевскаго Святолуцкаго монастыря, Александръ Куштскій, Евфимій Сямжемскій. Насколько велика извѣстность монастыря пр. Діонисія Глушицкаго и насколько вообще покойна была жизнь въ здѣшнемъ краю, видно изъ того, что изъ Устюга и изъ дальней Пермской страны шли сюда отъ тревожной жизни на подвиги поста и молитвы; извѣстны пришельцы пр. Амфилохій (1417 г.) изъ Устюгскаго края, преп. Тарасій (1427) изъ Перми; инокъ Филиппъ, основатель монастыря Рабангскаго; полагалъ начало своимъ подвигамъ въ Глушицкомъ монастырѣ. Изъ завѣщанія Діонисія Глушицкаго видно, что монастырь былъ по тому времени довольно богатъ и книжными сокровищами, и землями. По ходатайству преемника Діонисіева, игумена Амфилохія великій князь Василій Темный въ 1448 году грамотою своею разрѣшилъ принять жильцовъ на пустыя монастырскія земли, только не съ великокняжескихъ земель, и, освободивъ ихъ на 10 лѣтъ отъ платежа разныхъ повинностей, предоставилъ игуменамъ право суда надъ монастырскими людьми, кромѣ дѣлъ объ убійствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ.*)

Какъ выше было упомянуто, Новгородцы продолжали считать до 1471 г. своими волостями и Вологду и Пермь, хотя в. князь

*) См. подробнѣе въ описаніи Глушицкаго монастыря, сост. Н. Суворовымъ. Вологда. 1876 г. и кн. I. Вѣрюжскаго: Сказанія о жизни Вологодскихъ святыхъ.—Здѣсь, кстати замѣтимъ, что монастырскія грамоты и Глушицкаго и другихъ монастырей почти вовсе не разсмотрѣны со стороны ихъ топографическаго и статистико-экономическаго значенія, между тѣмъ въ нихъ заключается въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ; многія монастырскія грамоты хранятся еще въ рукописяхъ.

Василій Темный, сколько извѣстно, безъ всякихъ договоровъ съ Новгородомъ, отдалъ первую своему сыну Андрею Меньшому. Въ 1435 г. Новгородцы безуспѣшно уговаривались съ в. княземъ выслать взаимно бояръ «для развода земель» на Вологдѣ и въ другихъ спорныхъ областяхъ. Прошелъ назначенный срокомъ межеванія Петровъ день 1436 г., но великій князь и бояръ своихъ не выслалъ и исправы не учинилъ въ этомъ дѣлѣ, какъ выражается Новгородскій лѣтописецъ.

Кромѣ этого распоряженія о назначеніи Андрею Меньшому Вологды, великій князь Василій Темный въ своемъ завѣщаніи (онъ умеръ 27 Марта 1462 г.) сдѣлалъ еще слѣдующія распредѣленія Вологодскихъ и Устюгскихъ земель между супругой своей и сыновьями. За Юріемъ Васильевичемъ утверждались села, завѣщанныя ему его бабушкой Софьей Витовтовной: Масленскія, Янгосорскія и Говоровскія (всѣ эти села—въ Вологодскомъ уѣздѣ къ юго-западу отъ Вологды), и чтó къ нимъ потягло. За Борисомъ Васильевичемъ утверждались тѣ села и деревни, которыя ему дала его бабушка со стороны матери—Марія Ѳедоровна Голтяева: Турундаевскія, Понизовное, Ковылинскія, Горка да деревни на Шомѣ. Андрею Васильевичу Меньшому (род. 1452 г.) кромѣ Вологды, великій князь отдавалъ еще Кубену и Заозерье и чтó къ нимъ потягло и съ пошлинами; Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волочкомъ, Авнегу, Шиленгу, Пельшму, Бохтюгу, Ухтюжку, Сяму и Отводное съ селами Перфушковскими (этотъ Перфушковъ Григорій былъ бояринъ великокняжескій), Тошню*) и Янгосоръ, со всѣмъ, что къ тѣмъ волостямъ потягло. Своей супругѣ великій князь назначилъ свои села на Устюгѣ къ ея куплѣ къ Левонтьевскому, Пятницкому и Вондокурью,—Дымкову сторону съ деревнями и съ приселками, село Мошемское съ деревнями и приселками; кромѣ того, ей выдѣлялись изъ Андреевой части Иледамъ съ Комелою и Обнорою, а по ея смерти эти три волости должны были возвратиться князю Андрею. Ей предоставлялись дань и судъ въ своихъ

*) См. между прочимъ о Тошнѣ въ статьѣ И. Сахарова: «деньги Московскихъ удѣльныхъ княженій». «Записки отъ Русс. и Славянской Археологіи Императорск. Археологич. Общ. т. I. Спб. 1851 г отд. 1. стр. 120.—Тошня входила не надолго въ составъ Угличскаго удѣла.

волостяхъ и селахъ; у нея — свои волостели, и посельскіе, и тіуны, и ключники, и доводчики; а дѣти въ ея судъ не вступаются.*)

Эти свѣдѣнія о селахъ и деревняхъ имѣютъ большое значеніе при искусномъ сопоставленіи ихъ съ писцовыми книгами послѣдующихъ вѣковъ для исторической статистики населенности края и для исторіи постепеннаго развитія земледѣльческой культуры въ нашей губерніи.

Въ княженіе Іоанна III, сына Василія Темнаго, земли разныхъ удѣльныхъ князей, приходившіяся по нынѣшнему дѣленію Имперіи въ предѣлахъ нашей Вологодской губерніи, переходятъ къ великому князю Московскому, который вездѣ вводитъ однообразный московскій порядокъ гражданскаго областнаго управленія. Въ 1463 г. Іоанну III Ярославскіе князья поступились своими вотчинами; черезъ 10 лѣтъ (1474 г.) Ростовскіе князья продали ему же свою отчину, половину Ростова, и Іоаннъ III отдалъ ее своей матери, пока она жива (скончь. въ 1485 г.). Конечно, и тѣ волости Ярославскихъ и Ростовскихъ князей, которыя находились въ Вологодскомъ краю, также перешли къ Великому князю. Князь Юрій Васильевичъ завѣщалъ (ум. 1472 г. Сент. 12) свои села на Вологдѣ — брату своему Андрею Меньшому Вологодскому,**) а этотъ послѣдній всѣ свои владѣнія отказывалъ по духовной — великому князю, выдѣливши изъ нихъ немного въ пользу монастырей: Троице-Сергіевскому — 40 деревень въ Сямской волости, Спасо-Преображенскому Каменному — село Отводное и др., Прилуцкому — деревни въ Оларевской волости***) близь Вологды. Андрей Васильевичъ Меньшой — Вологодскій умеръ въ 1481 году

*) Въ г. Вологдѣ посадская церковь Василія Кесарійскаго получила отъ великаго князя Василія Темнаго и сына его Андрея Меньшаго пожню Дулеповъ наволокъ въ Кубенской волости на рѣчкѣ на Пучкасѣ (около 24 дес.) нынѣ эта пожня принадл. Николаевской Золотокрестенской ц.

**) См. Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, №№ 96, 112, 121, 129.

***) Отъ времени князя Андрея Васильевича Вологодскаго сохранилось самое первое извѣстіе о земельныхъ владѣніяхъ Прилуцкаго монастыря, изъ грамоты, данной имъ игумену этого монастыря Геннадію, видно, что, почти черезъ 100 лѣтъ по основаніи монастырь имѣлъ своихъ деревень въ городскомъ стану и въ Оларевѣ слободкѣ — пять сохъ безъ четверти, и съ нихъ платилъ въ казну князя Андрея по пяти рублей въ годъ.

5 іюля. Черезъ годъ Верейскій князь Михаилъ Андреевичъ Можайскій завѣщалъ в. князю Бѣлоозеро со всѣми волостями, путьми и селами, и съ пошлинами. Въ 1497 году сыновья Бориса Васильевича всѣ свои Вологодскія села и деревни вымѣняли у вел. князя на другія въ другихъ краяхъ. Къ вышеприведенному надо прибавить еще Новгородскія волости, послѣ уничтоженія въ 1478 г. вѣчеваго управленія въ Новгородѣ, принявшія Московскую администрацію, напр. Вага, Кокшенга, Вель, Тойма и др.

Къ 1500 г. Московскій князь является единымъ верховнымъ главою всѣхъ земель, составляющихъ нынѣ Вологодскую губернію. Въ своемъ завѣщаніи (1504 г.) Іоаннъ III отдаетъ своему сыну Бѣлоозеро, Вологду, Заозерье съ Кубеною, Устюгъ; всѣ эти города и волости съ путьми и съ селы и со всѣми пошлинами; Вычегду, Вымь, Удору, Сысолу, Ростовщину въ Заволочьѣ, Пинегу, Тойму, Печору, Вагу, Кокшенгу, Вельскій погостъ. Это все области нашего края (см. Собр. Госуд. Гр. и Догов. I, № 144).

Въ частности о городѣ Вологдѣ за время княженія Іоанна III извѣстно еще слѣдующее. Вологда служила мѣстомъ сбора войскъ, которыя отправлялись потомъ воднымъ путемъ по рѣкѣ Сухонѣ на соединеніе съ Устюгскими и Кичменгскими отрядами въ Устюгѣ и вверхъ по р. Югу на Кичменгу, далѣе на Вятку противъ Черемисовъ, Казанскихъ татаръ и вверхъ по Камѣ противъ Вогуловъ. Вологжане вмѣстѣ съ Устюжанами и ополченіями другихъ городовъ упоминаются въ походахъ: 1462 г. на Черемису (съ воеводами Борисомъ Кожуновымъ и Борисомъ Слѣпымъ), 1468—1469 на Казань (воеводою съ Вологды отъ князя Андрея Васильевича былъ Семенъ Пѣшковъ Сабуровъ), 1483—на Вогуловъ, 1489 г. на Вятку и 1499—1500 на Югру. Хотя объ укрѣпленіи Вологды нѣтъ лѣтописныхъ записей до 1536 года, когда она была, «распространена,» но по нѣкоторымъ извѣстіямъ можно предполагать, что она уже при Іоаннѣ III была не безъ укрѣпленій. Герберштейнъ, собравшій во время двукратнаго своего пребыванія въ Москвѣ (въ 1517 и 1526 г.г.) довольно точныя свѣдѣнія о Московскомъ государствѣ, называетъ Вологду—

крѣпостью, въ которой великій князь хранитъ часть своихъ сокровищъ. Это послѣднее извѣстіе подтверждается и русскими лѣтописями. Напр. когда въ 1498 г. одинъ великокняжескій дьякъ составилъ было заговоръ въ пользу сына великаго князя Іоанна III отъ Софіи Палеологъ противъ внука великаго князя Димитрія, то предлагаетъ молодому князю Василію Ивановичу уйти въ Вологду и захватить здѣсь и на Бѣлоозерѣ государеву казну; потомъ въ завѣщаніи своемъ Іоаннъ III упоминаетъ о своей казнѣ, хранящейся, между прочимъ, въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ. На нѣкоторую тогдашнюю важность Вологды указываетъ и то, что Вологодскія церкви были выдѣлены изъ вѣдомства Московскаго Митрополита Зосимы и Новгородскаго архіепископа Геннадія въ 1492 году повелѣніемъ великаго князя и отданы Пермскому епископу Филоѳею, чрезвычайно выдававшемуся своею дѣятельностью среди современныхъ ему архіеревъ.

Вологда была также мѣстомъ заточенія знатныхъ плѣнниковъ, гдѣ можно было ихъ «поити и кормити довольно», какъ это выражено напр. о князѣ Константинѣ Ивановичѣ Острожскомъ, взятомъ въ плѣнъ въ 1500 году 14 іюля вмѣстѣ съ другими польскими панами и «въ оковахъ» сосланномъ въ Вологду. Великій князь велѣлъ держать его «не нужно» (т. е. не стѣснять его) и выдавать ему по 4 алтына на день, тогда какъ другимъ плѣнникамъ по полуденьгѣ. Ранѣе этого въ Вологду были сосланы въ 1480 г. братъ крымскаго хана Айдаръ, который содержался съ немалымъ убыткомъ для великокняжеской казны (какъ писалъ Іоаннъ III въ 1483 г. Меньли-Гирею), и въ 1487 г. плѣнный царь Казанскій Алегамъ съ двумя женами.*) Алегамъ въ ссылкѣ и умеръ.

Вообще Вологда была въ концѣ XV вѣка настолько извѣстна, что польскій лѣтописецъ Матвѣй Мѣховскій, составившій около 1517 года описаніе Восточной Европы, изъ всѣхъ рѣкъ бассейна Сѣвернаго океана упоминаетъ только объ одной рѣкѣ Вологдѣ.

*) О царевичѣ Айдарѣ (или Хайдерѣ) см. ст. 131 указаннаго выше изслѣдованія Вельяминова-Зернова, а о царѣ Алегамѣ (или Ильгамѣ) см. 160, 169 и слѣд. тогоже изслѣдованія.

Монастыри Вологодскіе: Спасо—каменный, Прилуцкій, Глушицкій, богатѣли, получая различныя немалыя денежныя и земельныя пожертвованія. Въ числѣ жертвователей въ Спасо—каменный монастырь, кромѣ великаго князя Василія II Темнаго, были его супруга великая княгиня Марья Ярославна, князь Иванъ Борисовичъ Волоцкій, Ярославскіе князья Александръ Ѳедоровичъ, Даніилъ Александровичъ Пѣньковъ, Вологодскій князь Андрей Васильевичъ Меньшой, устраивавшій каменный храмъ Преображенія Господня, кирпичъ для котораго возили изъ Тверскаго города Старицы. Также и Глушицкій и Прилуцкій монастыри стали выдѣляться своимъ благоустройствомъ.*)

Сохранилось нѣсколько свѣдѣній о состояніи образованности въ этихъ монастыряхъ. Игуменъ Прилуцкаго монастыря Макарій написалъ (во второй половинѣ XV в.) житіе основателя этого монастыря, преп. Димитрія. Составъ житія показываетъ, что Макарію были извѣстны Епифаніевское житіе Св. Стефана Пермскаго, Пахоміевское житіе препод. Сергія Радонежскаго, житіе Св. Стефана Сурожскаго. Монахъ Прилуцкаго монастыря Логгинъ (въ половинѣ XVI в.) написалъ краткую повѣсть о жизни князя—инока Игнатія Прилуцкаго, племянника великаго князя Іоанна III.

Въ Спасо—каменномъ монастырѣ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, полагалъ начало своей дѣятельности извѣстный игуменъ Троицкій Паисій Ярославовъ, составленное которымъ немаловажное ,,сказаніе о Каменномъ монастырѣ" показываетъ, что въ этомъ монастырѣ очень давно вели лѣтопись своей обители. Также и въ Глушицкомъ монастырѣ велась монастырская лѣтопись, и ею пользовался Паисій Ярославовъ; одинъ изъ Глушицкихъ иноковъ (въ концѣ XV в.) написалъ превосходное (по выраженію проф. Ключевскаго), сравнительно съ другими подобными, житіе Діонисія Глушицкаго, въ которомъ очень полно изображены развитіе и значеніе Покровскаго Глушицкаго монастыря. Въ тоже время, и по видимому, тѣмъ же

*) См. Собр. Государ. Гр. и Договор. I, №№ 112, 132, и описаніе этихъ монастырей.

авторомъ составлено житіе преп. Григорія Пельшемскаго. Въ XVI вѣкѣ въ Павловѣ монастырѣ на Обнорѣ составлены иноками житія преп. Павла Обнорскаго, Авраамія Галичскаго. Всѣ эти монастыри настолько были извѣстны своимъ благоустройствомъ, что нѣкоторые игумены ихъ были избираемы въ епископовъ разныхъ епархій. Игуменъ Спасо—каменнаго монастыря Діонисій Грекъ въ 1418 году (12 Іюля) возведенъ во епископа Ростовскаго, игуменъ Глушицкаго монастыря Никонъ въ 1502 г. (5 Мая) поставленъ во епископа Пермскаго; игуменъ Павлова монастыря, въ то время называвшагося пустынею, Никонъ въ 1502 же году (1 Мая) былъ назначенъ епископомъ Коломенскимъ. *)

Въ Устюгѣ, или гдѣ то въ предѣлахъ Устюгскихъ, издавна велась лѣтопись, нынѣ извѣстная между историками подъ именемъ Архангелогородскаго лѣтописца (издана въ Москвѣ въ 1781 году). Въ ней довольно подробно записаны событія за все княженіе Іоанна III, въ которыхъ участвовали Устюжане или которыя имѣли отношеніе къ Устюгу и близкой къ нему Перми.

Въ 1462 году Устюжане воевали съ Черемисами, которые приходили въ Устюжскій уѣздъ на верхъ рѣки Юга съ Казанскими татарами; устюжане погнались за ними и отбили у татаръ всѣхъ плѣнниковъ. Въ 1465 году устюжанинъ Василій Скряба съ охочими людьми и съ какимъ то Вымскимъ княземъ Василіемъ Ермолочемъ, который велъ Вымичей и Вычегжанъ, по приказанію вел. князя, воевалъ югорскую землю и привелъ въ Москву плѣнными югорскихъ князей, за что былъ награжденъ государемъ. Въ слѣдующемъ году мимо Устюга проходили Вятчане на Кокшенгу; подкупивъ намѣстника Устюгскаго Василія Сабурова, они прошли и назадъ въ Вятку безпрепятственно. Часто происходили у устюжанъ мелкія столкновенія съ казанскими татарами (въ 1476, 1478 г.г.), которые подстрекали и Черемисовъ къ нападенію на русскія области. Въ 1468 г. татары раззорили и сожгли городокъ Кичменгу и съ

*) См. сочиненіе Ключевскаго, выше указанное.

людьми. Въ слѣдующіе три года, по распоряженію в. князя, были сдѣланы большіе походы на Казань, въ которыхъ Устюжане отличились большою храбростію и получили отъ вел. князя награды (Архангелогород. лѣтопис. подъ 6977 годомъ). Черезъ 10 лѣтъ Казанскій царь Ибрагимъ пытался было отомстить Устюжанамъ за ихъ походы, но разлившаяся рѣка Молома воспрепятствовала ему дойти до Устюга.

Кромѣ того, Устюгскіе отряды участвовали въ войнѣ в. князя съ Новгородомъ въ 1471 году подъ начальствомъ Василія Ѳедоровича Образца, въ 1499—1500 г.г. въ походѣ князя Петра Ушатого на Югру; въ 1488 году два воеводы стояли на Устюгѣ, оберегая его отъ Вятчанъ, а въ слѣдующемъ году кн. Иванъ Звенецъ водилъ Устюгскіе отряды на Вятку, которую ему и другимъ, посланнымъ въ одно время съ нимъ, воеводамъ и удалось привести подъ власть великаго князя. *)

Сосѣдняя съ Устюгомъ Пермская епархія къ концу XV вѣка расширилась до очень большихъ размѣровъ; покрайней мѣрѣ, вліяніе Пермскаго епископа простиралось на прі—уральскихъ инородцевъ даже до р. Оби и на югъ едва-ли не до Казани. Въ 1462 (или 1463) году епископъ Іона крестилъ Великую Пермь, т. е. жителей верховьевъ р. Камы. Дѣйствія этого епископа по утвержденію православія въ Великой Перми вызвали, повидимому, большое опасеніе въ Вогулахъ и Остякахъ за свою независимость; нападенія этихъ дикарей вызвали отпоръ со стороны Пермичей и Вятичей; въ 1467 году они сдѣлали походъ на Вогуловъ и вогульскій князь Асыка приведенъ былъ плѣннымъ въ Вятку. Черезъ нѣсколько времени почему то и великопермскій князь Михаилъ, какъ видно по его имени уже крестившійся, обнаружилъ нѣкоторое „неисправленіе“ Московскому Государю; въ 1472 году кн. Ѳедоръ Давыдовичъ

*) О другихъ событіяхъ, касающихся внутренней жизни Устюга, и подробности о вышерассказанномъ можно читать въ устюгскомъ лѣтописцѣ, изданномъ Н. Суворовымъ въ 1874 г. и А. Титовымъ въ 1889 г., или въ сборникѣ И. Степановскаго, „Вологодская старина,“ изд. въ 1890 году.

Пестрый, по приказанію Іоанна III, двинулся въ Великую Пермь съ войскомъ и привелъ всю эту землю за великаго князя; князь Михаилъ былъ присланъ имъ въ Москву, но Государемъ отпущенъ обратно. Во время этихъ событій епископъ Іона въ 1470 году скончался и 8 (или 2) Ноября 1471 года былъ поставленъ на его мѣсто Филоѳей, игуменъ Ѳерапонтова монастыря. Выборъ Филоѳея былъ очень удаченъ. Объ немъ сохранились такія извѣстія, которыя показываютъ, что онъ пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла не только церковныя, но и государственныя. Онъ былъ (въ 1474 г.) въ числѣ ходатаевъ о помилованіи князя Даніила Холмскаго, оказавшаго большія услуги государству, но чѣмъ то навлекшаго на себя гнѣвъ государя. Онъ же передъ войною съ Сахайскимъ ханомъ въ 1480 году былъ, съ нѣкоторыми другими духовными лицами, примирителемъ братьевъ государя Андрея Углицкаго и Бориса Волоцкаго, съ государемъ, для чего ѣздилъ въ Великія Луки. Его печалованіемъ предъ государемъ освобождены были изъ плѣна Югорскіе князья (взятые въ плѣнъ въ 1483 г.), и принятъ въ милость государя сынъ Асыки Вогульскій князь Юмшанъ. Понятно то впечатлѣніе, какое произведено было на Югру и Вогуловъ этимъ печалованіемъ Филоѳея. *) Участіе Филоѳея въ церковныхъ соборахъ противъ жидовствующихъ было очень значительно. Вѣроятно, цѣня его дѣятельность, великій князь утвердилъ (въ 1490 г.) за Пермскою епископскою каѳедрою земли по Вычегдѣ, и по всей вычегодской землѣ, и въ Устьвымскомъ городкѣ, деревни и пустоши и всякія угодья Ему соборъ 1492 года поручилъ провѣрить составленную Новгородскимъ Архіепископомъ Геннадіемъ пасхалію на 20 лѣтъ. Онъ участвовалъ въ соборномъ избраніи преемника митрополиту Зосимѣ — Симона (изъ троицкихъ игуменовъ, въ 1495 г.) объ немъ положительно извѣстно, что онъ зналъ Пермскія письмена, изобрѣтенныя Св. Стефаномъ, чего не знаемъ ни о какомъ другомъ преемникѣ Св. Стефана. Онъ повелѣлъ тогдашнему писателю житій святыхъ, сербу Пахомію, написать канонъ Св. Стефану Пермскому.

---

*) Подробности о событіяхъ 1483—1484 г.г.—у Карамзина VI, пр. 461. Также въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ.

Его проповѣдническую дѣятельность засвидѣтельствовалъ Митрополитъ Симонъ въ своихъ посланіяхъ къ Пермскому народу и духовенству, но доселѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстно ни одно учительное посланіе Филоѳея къ паствѣ. Вспомнимъ еще, что при немъ, Филоѳеѣ, а не при какомъ другомъ епископѣ, въ 1492 году отписаны Вологодскія церкви отъ Новгородской епархіи къ Пермской.—Утомленный 30-ти лѣтними трудами, епископъ Филоѳей рѣшился уйти на покой въ Кирилловъ монастырь въ Апрѣлѣ 1501 года.

Иванъ Суворовъ.

Памяти М. Ю. Лермонтова.

Для насъ велики всѣ творенья
Твоей возвышенной мечты
На мощныхъ крыльяхъ вдохновенья
Ловилъ законы жизни ты!

Могучей русскою душою
Ты зажигалъ огонь сердецъ
И палъ подъ дерзкою рукою
Любимый нашъ, родной пѣвецъ.

Но помнимъ мы того, кто свято
Намъ пѣснь любви и правды пѣлъ,
Кто между нами жилъ когда-то,
Стремленіемъ къ истинѣ горѣлъ.

Нетлѣнны дивныя творенья,
Живутъ нетлѣнныя мечты
Предъ нами пѣсни вдохновенья
Пѣвецъ, предъ нами вѣчно ты.

Евг. Чернобаевъ.

Эпизодъ изъ исторіи города Кадникова.

Въ 1780 году крестьяне деревни Кадниковой были удивлены и встревожены неожиданнымъ извѣстіемъ: съ 25 Января 1780 г. по указу Императрицы Екатерины II деревнѣ Кадниковой велѣно стать городомъ. Пріѣхалъ городничій Кехлеръ, стали строить домъ для присутственныхъ мѣстъ и «острожную избу», пришла воинская команда въ составѣ 23 человѣкъ.

Съ тревогой думали кадниковцы о томъ почему ихъ деревня вдругъ обращается въ городъ. Вопросъ этотъ довольно мудреный и для историковъ Вологодской губерніи, которые до сихъ поръ разрѣшали его только предположеніями, но для кадниковцевъ прошлаго столѣтія этотъ вопросъ имѣлъ не историческое значеніе, а жгучій характеръ злобы дня. Они рѣшили, что учрежденіе города грозитъ имъ бѣдой—ихъ заставятъ бросить земледѣліе, а безъ него имъ останется только помирать.*)

Они тревожно ожидали, что будетъ. И вотъ городничій объявилъ кадниковцамъ, что у нихъ учреждается магистратъ. Ужъ одно это непонятное не русское названіе испугало кадниковцевъ, ожида-

*) Если не ошибаюсь то при переименованіи деревенъ и селъ въ города, жители ихъ принуждены были отказываться отъ земледѣлія. Не эта ли причина страшила и кадниковцевъ быть горожанами? Для Кадникова, какъ и для нѣкоторыхъ другихъ городовъ было сдѣлано исключеніе. Къ городу была прирѣзана земля для полей, луговъ которыми и владѣли кадниковцы, какъ въ деревняхъ, по общинному праву, а съ середины этого столѣтія Кадниковскою Городскою Управою эта земля сдается въ аренду. П. Д.

еная бѣда—казалось имъ—заключается именно въ этомъ магистратѣ, а между тѣмъ городничій требовалъ, чтобы они выбрали въ этотъ магистратъ бургомистровъ и ратмановъ. Это уже значило—по мнѣнію кадниковцевъ—самимъ на себя наложить руки и они рѣшительно отказались отъ выборовъ бургомистровъ и ратмановъ, не надо имъ магистрата, они хотятъ жить по старинѣ, остаться земледѣльцами.

Таковъ былъ единогласный отвѣтъ крестьянъ новаго города и приписанныхъ къ нему деревень

Городничій написалъ объ этомъ рапортъ въ Вологодское намѣстническое правленіе, въ которомъ въ засѣданіи 10 іюня 1781 года состоялось постановленіе по этому предмету и Кадниковскому городничему былъ посланъ слѣдующій указъ за № 1017.

«Намѣстническое правленіе по рапорту вашему и по донесенію Кадниковскаго словеснаго суда коими на посланные изъ сего правленія указы о учрежденіи въ городѣ Кадниковѣ магистрата и о выборѣ въ оный судей, рапортовано отъ городничаго, что при собраніи города Кадникова, такъ и приписанныхъ къ оному селеніевъ мѣщанъ полученный вами городничимъ указъ о томъ объявленъ; токмо они всѣ единогласно и цѣлыми селеніями не довольны, что отъ выбора боллотированіемъ по образу депутатскому словесному суду отказались, но и по многимъ его городничаго увѣщаніямъ учинились противными и къ боллотированію не пошли съ выговариваніемъ, что за неимѣніемъ у нихъ купцовъ и не желаютъ быть и въ мѣщанствѣ, магистрата учреждать не для чего, а въ доказательство своего ослушанія еще и письменный за рукоприкладствомъ своимъ и мірской приговоръ словесному суду подали, который по присылкѣ изъ онаго къ вамъ, городничему; при томъ рапортъ въ оригиналѣ представили, а словесный судъ доноситъ, что по неимѣнію въ городѣ Кадниковѣ купечества, словеснаго суда судьѣ, равно-жъ и мѣщанамъ, къ выбору и боллотированію приступить не можно; что-же-де касается до записи вновь опредѣленнаго мѣщанства въ купечество, то по неимѣнію въ Кадниковѣ и въ прочихъ селеніяхъ капитальныхъ и прожиточныхъ людей въ купечество къ запискѣ охотникъ не отыскалось; сверхъ-же того, если у нихъ повелѣно будетъ отрѣшить хлѣбопашество, то

и мѣщанской должности, по недостатку ихъ имущества, коими они будутъ не въ состояніи, а повелѣніемъ васъ городничаго городовыя должности исправляютъ безостановочно. Приказали: какъ о учрежденіи въ городахъ магистратовъ есть Высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе, а кадниковскіе мѣщане въ учрежденіи онаго и въ выборѣ присутствующихъ остановились исполненіемъ повелѣнія правленія, во ожиданіи на представленіе свое испрашивающее по неимѣнію въ городѣ Кадниковѣ купечества и по нежеланію ихъ быть, какъ въ купцахъ, такъ и въ мѣщанствѣ повелѣнный въ магистратскіе судьи выборъ отмѣнить, что однако-жъ не уважено, а словесному суду и вамъ, городничему, предписано повелѣнное исполнить непремѣнно, то дабы и далѣе оные мѣщане не могли таковымъ ихъ отзывомъ дѣлаться противными, самымъ бы дѣйствомъ соизволенія Ея Величества исполнено было, отправить туда здѣшняго губернскаго магистрата господина предсѣдателя князя Урусова, предписавъ ему, чтобъ по прибытіи въ Кадниковъ, собравъ всѣхъ записывающихся въ купечество и мѣщанство обывателей обще съ тамошнимъ городничимъ вразумилъ ихъ, что учрежденіе магистрата есть такое благо, которымъ Ея Императорское Величество соизволятъ утвердить на всегдашнюю ихъ пользу, что сообразуясь сему Высочайшему соизволенію, предписанное число членовъ во присутствіи его выбрали немедленно и егда выбраны будутъ, на основаніи во всемъ обряда депутатскаго и въ качествѣ къ тому достойномъ, тогда ихъ утвердя въ томъ служеніи и по приводѣ къ присягѣ оной магистратъ засѣданіемъ и открыть. Если же паче чаянія (чего однако-жъ правленіе никакъ не ожидаетъ) и за симъ окажутся они неисполнительными, то объявить имъ, что за столь дерзновенный ихъ поступокъ не соотвѣтствующій Монаршему соизволенію, приведены они будутъ къ повиновенію строгостью закона.»

12 іюня князь Урусовъ пріѣхалъ въ Кадниковъ и принялъ двоякаго рода мѣры для исполненія указа намѣстническаго правленія. Съ одной стороны онъ дѣйствовалъ «увѣщаніями», съ другой — «задерживаніемъ подъ стражею». Въ концѣ концовъ выборы въ магистратъ были произведены. Объ исполненіи своего порученія князь

Урусовъ писалъ въ намѣстническое правленіе слѣдующее: «крестьяне Кадникова и приписанныхъ къ нему с. Средняго Погоста, Борисовскаго, Зарѣчья, Фалалѣева, Исаковскаго, Чурилова, Лисьей Горы, Даниловскаго и староста с. Степановскаго «раскаявшись въ прежнемъ своемъ ослушаніи пришли въ повиновеніе и объявили свое желаніе быть въ кадниковскомъ мѣщанствѣ» и выбрали въ городовой магистратъ въ бургомистры: Ивана Григорьева, который былъ судьей словеснаго суда и Ивана Иванова, а въ ратманы: Ивана И[illegible]ова, Ивана Сидорова (судьи словеснаго суда), Сергѣя Борисова и Якова Егорова. 13 іюня послѣ обѣдни кадниковскій магистратъ былъ открытъ.

Князь Урусовъ прибавляетъ въ своемъ рапортѣ, что «прочіе с. Степановскаго и д. Тенкова по многимъ моимъ увѣщаніямъ и задерживаніемъ подъ стражею отъ прежняго своего ослушанія не отвратились, а явились и нынѣ ослушными, съ тѣмъ объявленіемъ, что они не довольны и къ выбору судей не приступаютъ, но и въ мѣщанахъ быть не согласуются».*)

Такимъ образомъ поневолѣ кадниковцы сдѣлались горожанами.

Ивановичъ.

*) Кадниковск. Полицейск. архива дѣло № 11, листъ 1[illegible]—14.

Землевладѣніе и промыслы крестьянъ Яренскаго уѣзда Вологодской губерніи.

Во владѣніи Яренскихъ крестьянъ находится 163378 десят. земли; изъ этого числа 14 дес. прикуплено цѣлыми обществами и 30798 д. неудобныхъ. Въ личной собственности находится 13600 дес. земли. Казнѣ принадлежитъ 5,424,640 дес., остальныхъ земель насчитывается 5621 дес. Общее количество поземельной собственности равняется 5,607,299 д., безъ значительныхъ озеръ 5,312,979 десятинъ. Такимъ образомъ казнѣ принадлежитъ 96,7% общей площади уѣзда, личнымъ собственникамъ 0,3%, крестьянамъ 2,9%, остальнымъ землевладѣльцамъ 0,1%.

Пахотной земли у крестьянъ 14606½ дес., изъ нихъ подъ рожь и ячмень засѣвается по 4868½ дес., льномъ и коноплею 322 десят. На наличную душу обоего пола приходится пахотной земли 0,33 дес., на наличную мужскую душу почти вдвое больше. Помимо этого насчитывается 1617 дес. расчистокъ и распашекъ (подъ сѣнокосъ и пашню; раздѣлить эти цифры по рубрикамъ мы не можемъ). Съ озимовой пашни въ 1891 году (годъ неурожайный) было собрано 14276 четв. ржи, а засѣяно ею было 5710 дес., съ яровой 17819 четв. ячменя и 7805 картофеля; волокна льна и конопли собрано 3098 пуд., сѣмени 1738 пуд.; хмѣля 98½ п. Главнымъ образомъ сѣется ячмень, потомъ рожь, картофель и ничтожное количество яровой пшеницы и овса Пшеница очень часто не дозрѣваетъ. Ленъ и конопля сѣются только для домашнихъ на-

добностей и то мало, хлѣба сѣется ничтожное количество. Въ общемъ хлѣбъ родится плохо, даже и въ урожайные годы. Хлѣба для продовольствія уѣзда не хватаетъ и население прикупаетъ его. Безземельныхъ крестьянъ въ уѣздѣ немного человѣкъ 40, кромѣ отставныхъ солдатъ, получающихъ трехрублевое пособіе. По большей части безземельными являются отходчики; въ Сереговѣ число безземельныхъ равняется 37 наличнымъ душамъ (11 семействъ). Земледѣліе лежитъ въ уѣздѣ на женщинахъ и малолѣтнихъ, такъ какъ взрослое мужское населеніе предпочитаетъ промысловые и отхожіе заработки.

Система хозяйства въ уѣздѣ исключительно трехпольная, примитивная; обычай вывозить удобреніе на поля зимою оказываетъ на урожай вредное вліяніе. Посѣвъ яроваго начинается въ началѣ Мая и озимоваго въ концѣ Іюля. Пахотная земля глинисто-песчаная, рѣдко встрѣчается песокъ, еще рѣже супесь, суглинокъ и черноземъ -- послѣдній, какъ очень рѣдкое исключеніе. Климатическія и почвенныя условія очень неблагопріятны — особенно неблагопріятны они въ Глотовской, Разгортской, Серегово--Горской, Турьинской и Айкинской волостяхъ. По Вычегдѣ мѣста считаются хлѣбороднѣе, чѣмъ по рѣкамъ Мезени, Выми и Вишкѣ и вычегодскіе зыряне меньше покупаютъ хлѣба, чѣмъ вымскіе. Возвышенныя мѣста хлѣбороднѣе низменныхъ, на которыхъ застаивается вода и гдѣ губительнѣе дѣйствуютъ утренніе заморозки. Ленская, Важгортская и Часовская волости въ урожайные годы могутъ даже сбывать хлѣбъ, но за то Удорцы и Вымцы постоянно покупаютъ хлѣбъ. Ранніе иніи, заморозки и широкіе разливы рѣкъ мѣшаютъ урожаямъ: рожь вымокаетъ, яровые гибнутъ отъ холода.

Русское населеніе Ленской волости получаетъ полное годовое продовольствіе, не считая, впрочемъ, неурожайныхъ годовъ — по 2 на каждые 10 лѣтъ. Съ другой стороны русское населеніе Сереговской волости (крестьяне собственники), владѣя ничтожными участками годной для обработки земли (625 квадр. саженъ въ трехъ поляхъ) ѣстъ свой хлѣбъ не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ въ году; но и другіе крестьяне Сереговской волости около 3-хъ мѣсяцевъ покупаютъ хлѣбъ.

Въ Удорскомъ краѣ условія хлѣбопашества особенно неблагопріятны. Снѣгъ не сходитъ здѣсь съ полей въ теченіи 8 мѣсяцевъ, жатва производится не ранѣе первыхъ чиселъ Августа, да и то хлѣбъ снимается зачастую недозрѣлымъ и развѣшивается для дозрѣванія и просушки на прясла. Удорецъ сѣетъ преимущественно ячмень, но далеко не каждый годъ получаетъ хлѣбъ: разливы рѣкъ и рѣчекъ, утренніе заморозки мѣшаютъ культурѣ хлѣба; на 10 лѣтъ 2—3 года бываютъ здѣсь урожайными. Ленъ, какъ и во всемъ уѣздѣ, сѣется здѣсь для домашнихъ потребностей, а изъ огородныхъ овощей ростутъ въ Удорѣ плохая капуста, рѣпа и рѣдька, ростетъ и картофель. Неурожаи, хотя центръ тяжести Удорскаго хозяйства лежитъ въ промысловой охотѣ, даютъ себя знать и зыряне выселяются въ Сибирь. Землею крестьяне владѣютъ на обшинныхъ началахъ. Мѣстное населеніе говоритъ, что аренда казенныхъ земель при правильной постановкѣ дѣла могла бы поднять земледѣліе; но для этого необходимо удлинить срокъ арендныхъ контрактовъ до 40 лѣтъ, такъ какъ при болѣе короткихъ, теперь господствующихъ срокахъ (6—12—24 г.г.) крестьяне не могутъ окупить свой трудъ по разчисткѣ лѣса для сѣнокосовъ и пашенъ.

Населеніе чувствуетъ недостатокъ въ сѣнокосныхъ пожняхъ; крестьяне владѣютъ 27200½ десят. луговъ и небольшимъ количествомъ разчистокъ; на наличную душу обоего пола приходится такимъ образомъ по 0,62 десят. Особенно бѣдна сѣнокосами Ертомская волость, а также Сереговская, Серегово—Горская, Княжпогостская, Турьинская. Удорскій край заготовляетъ ежегодно не менѣе 20,000 пуд. исландскаго бѣлаго моха, который и скармливается скоту. Зимою кормятъ скотъ оленьимъ мохомъ и жалуются, что, «кони не ѣдятъ» этотъ суррогатъ сѣна. Въ 1891 г. въ 7-ми волостяхъ не хватило сѣна и къ корму примѣшивали солому и бѣлый мохъ. Недостатокъ сѣнокосныхъ пожней доказывается и тѣмъ, что крестьяне арендуютъ послѣднія у казны, рѣже у церкви; намъ извѣстны за 1891 годъ семь случаевъ, которые даютъ возможность указать количество арендованной сѣнокосной земли—7 дес., 20, 22, 42, 60, 100, 134. Не хватаетъ, разумѣется, сѣна и у тѣхъ

дворовъ, которые сдаютъ свои пожни въ аренду. Въ Ленской, Жешартской, Коквицкой и Часовской волостяхъ сѣна сбирается больше. По Вычегдѣ есть заливные луга и солончаки, но и здѣсь скотоводство, не смотря на нѣкоторыя указанія, не можетъ считаться имѣющимъ промысловое значеніе. Въ Удорѣ скота совсѣмъ мало, къ тому же онъ мелкій, а свиней вовсе нѣтъ. Крестьянъ, неимѣющихъ вовсе скота, вообще говоря, немного—человѣкъ 40 въ уѣздѣ. Въ Важгортской волости есть ручные олени. Количество скота въ Яренскомъ уѣздѣ въ точности неизвѣстно, но имѣющіяся цифровыя данныя (три источника) расходятся не особенно сильно и мы приведемъ тѣ изъ нихъ, которые можно считать средними: Въ 1891 г. считалось лошадей 7761, коровъ 16109, овецъ 27025, свиней 1089 и оленей болѣе 300. Сравнивая эти данныя съ данными 1848 года, мы видимъ, что скотоводство въ уѣздѣ абсолютно возросло, но число свиней уменьшилось почти втрое.

Крестьяне, какъ ненадѣленные землею, пользуются казеннымъ лѣсомъ. Владѣютъ лѣсомъ крестьяне Сереговскаго завода. Всего у крестьянъ считается 117587½ дес. лѣса.

Крестьяне владѣютъ землею на общинныхъ началахъ. Въ уѣздѣ очень много сложныхъ общинъ «общинъ волостей», такъ наприм. 198 селеній составляютъ только 24 общины, уравнивающихъ между собою всѣ угодья; 35 селеній составляютъ 4 неполныя общины-волости, уравнивающія только сѣнокосы, наконецъ 13 селеній составляютъ 13 простыхъ общинъ. Земля распредѣлена между крестьянами то по наличнымъ, то по ревизскимъ душамъ. Коренные передѣлы бываютъ рѣдко, за то частныя жеребьевки въ большинствѣ обществъ бываютъ ежегодно.

Нерѣдки въ уѣздѣ и голодные годы; за послѣднее десятилѣтіе было 2 такихъ года—1884 и 1891 г.г. Въ 1891 г. во всѣхъ волостяхъ безъ исключенія былъ неурожай: рожь не вызрѣла, ее сжали недозрѣлую, яровые хлѣба частью пропали отъ холодовъ, частью не вызрѣли, такъ что ихъ скармливали скоту; въ 6 волостяхъ неурожай былъ особенно сиденъ, въ Удорѣ голодали.

Средній размѣръ частнаго владѣнія считается въ 18 десятинъ. Землевладѣльцевъ, имѣющихъ въ собственности болѣе 25 десятинъ — 22 и владѣютъ они 1563 десят., кромѣ того Сереговскій заводъ (принадлежитъ г. Булычеву) владѣетъ 10270 десятинами земли. Въ 1891 году на владѣльческихъ земляхъ было засѣяно 40 чет. ржи, 2 четверти яровой пшеницы, 2—овса, 56—ячменя и 9—картофеля, а снято 166 чет. ржи, 124—ячменя, 87—картофеля.

Церковныхъ земель считалось 1023 д. 523 с. Въ 1891 г. на церковныхъ земляхъ было засѣяно 54 чет. ржи, 3 чет. яровой пшеницы, 77 чет. ячменя, 30 чет. картофеля, а собрано съ нихъ 265 чет. ржи, 219 чет. ячменя и 114—картофеля.

Понятно, что въ Яренскомъ уѣздѣ развились разнородные промыслы—охота, рыболовство, лѣсные, мѣстные и отхожіе промыслы. По словамъ г. Иваницкаго Яренскій уѣздъ,—это «сплошное лѣсное море, гдѣ хлѣбъ родится плохо, гдѣ въ деревняхъ живутъ полудикіе люди, промышляющіе охотой и рыбной ловлей». Въ Княжпогостской волости въ Удорскомъ краѣ охотою занимаются всѣ жители. Общее число охотниковъ въ уѣздѣ насчитывается до 3191 чел. Охотятся или артелями человѣкъ до 4 или въ одиночку, уходятъ иной разъ отъ дома за сотню верстъ. У каждаго охотника имѣется свой «путикъ», т. е. тропинки, по которымъ разставлены ловушки для птицъ. Путики принадлежатъ охотникамъ почти на правѣ полной собственности. Охотятся при помощи ружей, силковъ, капкановъ, западней. Промыселъ на птицу начинается съ 1 Сентября; ружейной охоты на птицъ въ уѣздѣ нѣтъ. Главнымъ промысломъ считается «бѣлковье»—охота на бѣлку. Затѣмъ второй по важности промыселъ—охота на рябчика, охотятся на тетерку и куропатку, а изъ звѣрей на зайца и горностая. Лисица, выдра, россомаха, рысь, волкъ, медвѣдь, лось, олень встрѣчаются случайно. Встрѣчаются еще, по словамъ одного мѣстнаго жителя, соболи, очень рѣдко встрѣчается и куница. Бобры, чернобурая лисица, кажется, совсѣмъ уничтожены. Про охоту на ззвиковъ, бѣлыхъ и голубыхъ песцовъ говорится только въ старыхъ работахъ. Жизнь охотника страшно тяжела: перемѣны погоды, холодъ, дожди, непроходимыя болота, чащи из-

нуряютъ его. Мокрый, усталый приходитъ онъ въ охотничью избу, гдѣ его встрѣчаетъ удушье, сырость, а иногда и голодъ. Промыслы бываютъ не всегда удачны, такъ наприм. въ 1891 году бѣлки и рябчики были плохи по качеству; снѣжныя зимы съ сильными вѣтрами и заносами мѣшаютъ промыслу. Въ 1878 году помѣшала сбыту теплая осень. Доходъ охотника-удорца не великъ, напримѣръ рублей 50 выручаетъ онъ отъ бѣлки, 7½ отъ путика и рублей 8 отъ другихъ звѣрей. Но такъ какъ продукты охоты продаются скупщикамъ, то послѣдніе, мѣняя дичь и шкурки на товары, роняютъ цѣны первыхъ на 25% чуть-ли не для половины промышленниковъ, такъ что доходъ промышленника, кормящаго иной разъ семью въ 5 человѣкъ, колеблется отъ 49 до 65½ руб. въ годъ. Мѣстный рынокъ сбыта шкурокъ и птицъ—это Пинега и село Важгортъ главнымъ образомъ.

Рыболовствомъ занимаются многіе крестьяне. Изъ рыбъ можно назвать слѣдующихъ: щука, окунь, сигъ, семга и хайрюзъ. Промыселъ семги падаетъ, меньше становится и харьюзовъ въ рѣкахъ, по которымъ сплавляется лѣсъ.

Число отхожихъ рабочихъ равняется, по имѣющимся даннымъ, 2175 челов. Эта цифра до нѣкоторой степени можетъ быть провѣрена числомъ взятыхъ паспортовъ. Въ 1891 году годовыхъ паспортовъ было взято около 2900, полугодовыхъ около 230 и билетовъ около 620. Изъ Сереговской, Ленской, Глотовской волостей отходъ особенно силенъ. Идутъ на сплавъ лѣса, плотовъ, судовъ, въ извозъ, въ услуженіе и въ наемъ, часть лицъ, взявшихъ билеты, шла на богомолье, часть по торговымъ дѣламъ. Идутъ отходчики въ С.-Петербургъ, въ Архангельскъ, Устюгъ, Пермь, Ярославль, въ города Вятской губерніи и даже въ Сибирь. Отходчики часто приходятъ къ полевымъ работамъ или къ сѣнокосу. Но есть и такіе, у которыхъ всѣ полевыя работы исполняются ихъ семействами. Немногіе отходчики отказались отъ земли, надѣлами еще меньшаго числа отходчиковъ пользуются поручители. Общая выработка отхожихъ промышленниковъ намъ неизвѣстна, но по даннымъ 1882 г. выручка отходчика равнялась среднимъ числомъ 29 руб. въ годъ.

Лѣснымъ промысломъ занимаются 1385 человѣкъ. Рубятъ, заготовляютъ, вывозятъ и сплавляютъ лѣсъ для заграничнаго отпуска и частію для Сереговскаго завода. Работа эта очень тяжелая, рубка дерева сама по себѣ утомительна, иногда срубается дерево, которое оказывается негоднымъ, срубленное дерево приходится тащить сквозь малопроходимый лѣсъ; складка деревьевъ нерѣдко уродуетъ рабочихъ. Погода, мели опять таки дѣлаютъ иной разъ и сплавъ лѣса не легкимъ дѣломъ. Оплачивается трудъ очень плохо: въ Удорѣ, напр., 20 коп. за дерево (рубка, вывозъ и сплавъ). Заработокъ колеблется отъ 5½ до 50 рублей на человѣка.

Общій поуѣздный заработокъ доходитъ до 35 тысячъ рублей въ годъ. Лѣсные промыслы годъ отъ году падаютъ.

Мѣстные промыслы въ Яренскомъ уѣздѣ развиты слабо. Намъ извѣстны слѣдующіе промыслы: кузнечный, плотничій, катанье сапогъ, чеботарство, портняжество, красильный, столярный, гончарный, рукавичный и чулочный (въ Часовской волости) и выдѣлка издѣлій изъ доманика (при Сѣв. Ухтѣ). Послѣдній промыселъ, какъ кажется, исчезъ теперь, но намъ приходилось видѣть доски столовъ изъ доманика. Выдѣлываютъ кромѣ того сани, корзины, деревянную посуду, сидятъ деготь, гонятъ смолу въ ямахъ и печахъ или добываютъ ее подсѣчкою деревьевъ.

Перечислимъ теперь тѣ промыслы, о которыхъ имѣются какія либо цыфровыя данныя, при чемъ въ скобкахъ отмѣтимъ у нѣкоторыхъ годовой заработокъ на 1 человѣка: 110 коноваловъ, 64 кузнеца (11—50 руб.), 63 плотника (10—16 руб.), 56 катальщиковъ сапогъ (4-10), 52 сапожника (4—12), 20 портныхъ, 16 красильщиковъ (25—150), 14 столяровъ (10—25), 45 занимающихся гоньбой на станціяхъ (13½), 4 стекольщика (19 р.) и 1 слесарь (20 р.).

Заработки, какъ и слѣдовало ожидать, небольшіе. Встрѣчается указаніе на то, что общій поуѣздный заработокъ отъ мѣстныхъ промысловъ равняется 86000 рублей.

Въ Яренскомъ уѣздѣ имѣется одно только промышленное заведеніе—принадлежащее г Булычеву—солеваренный заводъ, находящійся на берегу р. Выми въ селѣ Сереговѣ. На заводѣ работаетъ 60 человѣкъ. Вывариваетса ежегодно до 200,000 пуд. соли. Работающіе на заводѣ и окрестные крестьяне доставляющіе на заводъ дрова въ общемъ заработываютъ болѣе 20,000 рублей въ годъ.

Яренскій уѣздъ—уѣздъ малоторговый. Предметами ввоза являются главнымъ образомъ хлѣбъ привозимый изъ Вятской губерніи, а изъ Печерскаго края привозятся рыба и оленьи мѣха. Главные-же предметы вывоза - это рябчикъ, бѣличьи мѣха, лѣсъ, рыба, изъ Вычегодскихъ волостей вывозится кожа, сало и масло. Въ уѣздѣ считается 9 ярмарокъ, двѣ изъ нихъ въ самомъ городѣ Яренскѣ. Наиболѣе важной является въ с. Важгортскомъ, „куда свозятся произведенія всего сѣвернаго края," здѣсь же идетъ и торговля хлѣбомъ. Въ 1891 году на этой ярмаркѣ продано товара на 250 тысячъ рублей. Вторая по важности ярмарка Устьвымская, на которой въ 1892 году продано товаровъ на 100 тысячъ рублей.

Въ уѣздѣ насчитывается 6 торжковъ, 51 мелочная лавка, 8 лавокъ разносного и подвижнаго торга, 7 мануфактурныхъ лавокъ, 7—торгующихъ мануфактурнымъ и мелочнымъ торгомъ, имѣется 1 пороховая и 1 лавка 2-й гильдіи. Виноторговля производится въ 22 винныхъ лавкахъ, ренсковомъ погребѣ, трактирѣ и подвалѣ.

Городъ Яренскъ лежитъ 62° 10' с. ш. и 66° 47' в. д въ 728¼ верстахъ отъ г. Вологды по рѣкамъ Кижмарѣ и Яренгѣ, въ 5 верстахъ отъ р. Вычегды. Въ городѣ имѣются три улицы, одинъ каменный домъ, 53 зданія, обложенныхъ поземельнымъ государственнымъ сборомъ. Жителей въ городѣ считается около 697 муж. пола и 610 жен. пола. Количество городской земли равняется 2184 дес. 322 саж., изъ этого числа 57 дес. 1612 саж. пахотной и 85 дес. 2250 саж. сѣнокосной. Эти земли арендуются мѣщанскимъ обществомъ и разверстываются между домохозяевами сообразно ихъ семейному положенію. На рабочаго приходится очень мало земли, такъ что хлѣбопашество является простымъ подспорьемъ.

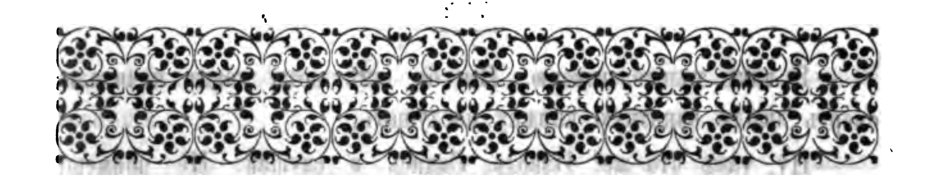
Скотъ держатъ для сельскаго хозяйства и для домашнихъ нуждъ. Въ городѣ считается 64 лошади, 116 коровъ, 78 овецъ. Городу принадлежитъ 1852 дес. лѣса, дровянаго по преимуществу, строеваго лѣса очень мало.

Нельзя назвать ни одного занятія, которое можно бы было считать главнымъ: о хлѣбопашествѣ мы говорили, торговля тоже не сильно развита, главнымъ образомъ мелочная. Въ городѣ бываютъ 2 ярмарки: въ Январѣ и Іюлѣ (по 7 дней); обѣ онѣ падаютъ. Вообще говоря—Яренскъ малоторговый городъ. По мимо указанныхъ занятій жители города служатъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, занимаются ремеслами, но ремесленники не отличаются умѣньемъ работать. Въ 1879 году въ городѣ считалось 2 мясника, 4 сапожника, 1 башмачникъ, 2 портныхъ, 1 модистка, 1 скорнякъ, 2 печника, 1 столяръ и токарь 1 кузнецъ, мѣдникъ и слесарь, 1 обойщикъ и 2 переплетчика.

Доходы города за 1891 годъ равнялись 2785 р. 70½ к., расходы же 2946 руб. 72 коп., недоимокъ на городѣ 689 руб. 62½ коп.

А. Карелинъ.

Простакъ.

Разсказъ.

I.

Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ Иванъ Петровичъ Розовъ, довольно значительный чиновникъ какого-то вѣдомства, лежалъ на кушеткѣ въ своемъ уютномъ кабинетѣ и читалъ „Женитьбу" Гоголя. Порой онъ отрывался отъ чтенія, и тогда его звонкій, раскатистый смѣхъ раздавался чуть ли не по всему дому, такъ что единственная прислуга Розова Марья, перемывая посуду въ кухнѣ, замѣчала про себя:

—„Ишь, вѣдь заливается-то какъ, словно рехнулся! Эко веселье нашло, прости Господи. Сидитъ одинъ и хохочетъ во все горло."

—Ну, ну, ну! съ сердцемъ воскликнула Марья, когда смѣхъ Ивана Петровича достигъ гомерическихъ размѣровъ. Заинтересованная и отчасти взволнованная, она осторожно пробралась къ двери кабинета, тихо пріотворила ее и заглянула въ глубь комнаты. Она видѣла, что ея баринъ лежитъ съ книгой въ рукѣ и смѣется; заглянетъ въ книгу, почитаетъ немного и снова громко смѣется. Наконецъ Марья, осмѣлившись, спросила Розова:

—Что, баринъ,—видно, книжка-то больно занятна?

—А что? сквозь смѣхъ проговорилъ Иванъ Петровичъ.

—Да вонъ заливаетесь-то какъ!

—А тебѣ что за дѣло?

—Я такъ только говорю. Вы бы мнѣ вотъ когда почитали: смерть люблю занятную книжку послушать.

—Ну, такъ что же? Изволь. Садись и слушай. Не поймешь вѣдь только почти ничего.

—Ну, ужъ это вы, баринъ, обижать меня изволите. Все пойму,—недаромъ три съ половиной десятка годковъ на бѣломъ свѣтѣ живу.

—Ладно,—слушай.

И Розовъ началъ читать, такъ и захлебываясь отъ смѣха, Когда первое дѣйствіе было окончено, Марья замѣтила:

—Вотъ, баринъ, и вамъ пора-бы въ законный бракъ вступить. А то что и въ самъ-дѣлѣ-то? Живете, какъ бобыль, съ позволенія сказать.

—Полно тебѣ выдумывать-то! Да за меня никто и не пойдетъ.

—Что-й-то вы говорите, баринъ. Дура будетъ та, которая ежели не пойдетъ. Вѣдь вы не какой-нибудь рублевый чиновникъ: вонъ какую уйму деньжищъ-то получаете.

—А ты это почемъ знаешь?

—Какъ не знать,—слухомъ земля полнится.

—Нѣтъ, Марья! Я все-таки никогда не женюсь.

—Женитесь, баринъ. Возмете красавицу-богачиху да и заживете себѣ, какъ въ райской обители.

—Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

—Напрасно, баринъ, право, напрасно. Намедни тутъ старушка знакомая ко мнѣ приходила. «Сватай»,—говоритъ,—«барину своему невѣсту,--хорошая есть». Я вотъ и обѣщала ей покалякать съ вами.

—Убирайся ты къ своей старушкѣ и калякай лучше съ ней, чѣмъ надоѣдать мнѣ!

—Значитъ, можно сватать?

—Что-о-о?

—Сватать, говорю, можно!

—Да отвяжешься-ли ты отъ меня? Уйди отсюда!

—Эхъ, баринъ, баринъ! Женитесь, говорю!

—Уйди прочь! крикнулъ Розовъ, потерявши послѣднюю долю терпѣнія.

—А вѣдь она васъ въ церкви видѣла у Благовѣщенія,—сказала Марья, намѣреваясь уйти.

—Кто это? Старуха-то твоя? поинтересовался Иванъ Петровичъ.

—Что вы, баринъ! Христосъ съ вами! Какая старуха,—молоденькая, вотъ которую сватаю-то. Тоже, какъ и въ книжкѣ вашей описано, купеческая дочка, ученая. Такъ подумайте, баринъ, — авось и надумаете,—проговорила Марья и вышла.

«Экая дура баба,—что мелетъ-то!» разсуждалъ Розовъ, отложивъ книгу и ходя по кабинету.—«Мнѣ ли жениться? Мнѣ, старому, жениться? Нѣтъ ужъ это отдумать надо: волосы сѣдѣютъ... Моя пѣсенка спѣта? Прожилъ свой вѣкъ холостякомъ, а на старости лѣтъ непристойно. Смѣяться весь городъ станетъ; прибѣгутъ въ церковь, шептаться начнутъ... Даже при одной мысли морозъ по кожѣ подираетъ!»

Розовъ вдругъ остановился передъ зеркаломъ и заглянулъ въ него.

—Ну, ужъ и рожа! вслухъ проговорилъ Иванъ Петровичъ: самая непозволительная. Лысина почти во всю голову, борода неподобная, уши невѣроятно длинны, глаза безцвѣтны, на лбу морщины какія-то! И тутъ еще глупая Марья съ женитьбой пристаетъ!...

Да и я-то хорошъ,—спохватился Розовъ: и разлимонился ужъ, и задумался. Тьфу! И надо было брать этого Гоголя! Взялъ такъ себѣ, отъ скуки, а тутъ вонъ что вышло. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, взялась эта книжонка? Не знаю,—кто нибудь изъ знакомыхъ оставилъ, должно быть.

—И какая это «купеческая дочка» обратила на меня вниманіе? думалъ далѣе Иванъ Петровичъ. «Э, да вретъ, навѣрно, эта Марья,»—рѣшалъ онъ тотчасъ-же.

Долго не могъ заснуть въ эту ночь Розовъ. Тревожныя, небывалыя думы роились въ его головѣ...

II.

—Что, баринъ, надумали? спросила Марья Ивана Петровича, подавая самоваръ утромъ слѣдующаго дня.

—Ты опять съ той-же пѣсней? недовольнымъ тономъ замѣтилъ Розовъ.

—А что?

—Я тебѣ сказалъ, чтобы ты не смѣла говорить объ этомъ, и еще разъ прошу тебя замолчать.

—Да я вѣдь дѣло говорю...

—Убирайся!

Марья ретировалась.

И за чаемъ, и на службѣ мысли Ивана Петровича, противъ его воли, были заняты дѣвушкой, о которой говорила Марья. Возвратившись со службы, Розовъ, стараясь не глядѣть на Марью, прошелъ въ свой кабинетъ и, увидя на столѣ злополучную «Женитьбу», запряталъ ее подалѣе въ шкафъ съ дѣловыми бумагами. Она такъ и осталась недочитанной. Если бы Иванъ Петровичъ прочелъ ее до конца, то, быть можетъ, жизнь его и потекла-бы по прежнему,—тихо, монотонно...

Прошло нѣсколько дней. Марья не заговаривала болѣе о женитьбѣ, но Розову казалось, что эта женщина какъ-то пытливо вглядывается въ его лицо, стараясь прочесть на немъ положительное рѣшеніе въ пользу «законнаго брака». А Иванъ Петровичъ все думалъ и думалъ о таинственной дѣвушкѣ, и у него вдругъ явилось страстное, непоколебимое желаніе увидѣть ее. Онъ даже почувствовалъ безотчетный испугъ при этомъ желаніи. Однако, когда наступила суббота, онъ пошелъ ко всенощной въ церковь Благовѣщенія, опять таки независимо отъ довольно вѣскихъ доводовъ разсудка въ противоположномъ направленіи. Иванъ Петровичъ стоялъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ у колонны, придя въ церковь чуть не до благовѣста, оглядывался при каждомъ стукѣ дверью и вдругъ начиналъ креститься и класть поклоны... Никого подозрительнаго въ въ церкви не было. На клиросѣ хоръ пѣвчихъ громко затянулъ «Хвалите имя Господне». Иванъ Петровичъ уже сталъ терять надежду увидѣть «ее», какъ вдругъ мимо него, задѣвая его рукавомъ

отличной бархатной шубки и обдавая тонкимъ ароматомъ духовъ, прошла стройная дѣвушка и стала впереди его. Иванъ Петровичъ такъ и замеръ... «Она», безотчетно подумалъ онъ, чувствуя, что вся кровь прилила къ его головѣ, и его сердце учащенно забилось. А дѣвушка молилась, какъ ни въ чемъ не бывало, и не обращала даже малѣйшаго вниманія на Розова, который съ нея, положительно, глазъ не спускалъ. Онъ видѣлъ, какъ она легкой поступью пошла прикладываться къ Евангелію. Возвращаясь на прежнее мѣсто, она такъ взглянула на Ивана Петровича, что его душа ушла въ пятки, и онъ тутъ же признался себѣ, что дѣвушка эта замѣчательно красива. Голубыя глазки ея такъ мило глядѣли на него, а едва уловимая улыбка скользила по ея губамъ (Иванъ Петровичъ не сказалъ-бы «по губамъ», а непремѣнно «по устамъ»). Густые русые волосы были сплетены въ роскошную косу, и Розовъ любовался ею...

— «И какъ это я ранѣе не замѣтилъ этой дѣвушки?» мысленно задавалъ онъ себѣ вопросъ. «А вдругъ — не она?» закрадывалось сомнѣніе въ его душу. — «Непремѣнно узнаю сегодня-же», — рѣшилъ твердо Розовъ.

Всенощная кончилась. Иванъ Петровичъ вышелъ, не дождавшись ея окончанія, и скрывшись въ тѣни арки, на паперти, ждалъ выхода дѣвушки. Онъ сразу узналъ ее въ толпѣ и пошелъ слѣдомъ за ней, въ почтительномъ отдаленіи. Она не оглядывалась, и это было къ счастью Ивана Петровича, потому что, если-бы она оглянулась, онъ пустился-бы бѣжать безъ оглядки, по крайней мѣрѣ, онъ былъ въ этомъ увѣренъ. Незнакомка подошла къ воротамъ громаднаго каменнаго дома и скрылась въ нихъ. Иванъ Петровичъ постоялъ нѣсколько минутъ, словно въ раздумьи, потомъ подошелъ къ самымъ воротамъ и, прочтя надпись на причудливо украшенной дощечкѣ, узналъ, что домъ принадлежитъ купцу первой гильдіи Обезьянину. Затѣмъ Розовъ пошелъ домой.

—Долгонько что-то сегодня молились, — замѣтила Марья, — встрѣчая барина.

—Вѣчно ты съ глупыми замѣчаніями пристаешь, — лучше бы молчала, —сказалъ Иванъ Петровичъ и покраснѣлъ. Самоваръ такъ, вѣрно, не готовъ? прибавилъ онъ.

—Какъ не готовъ? Давнымъ давно вскипѣлъ,—нѣсколько обиженнымъ тономъ проговорила Марья.

Иванъ Петровичъ сѣлъ къ чайному столу. Марья стояла у двери и съ любопытствомъ разсматривала олеографію, висѣвшую на стѣнѣ и изображавшую влюбленную парочку.

—Что ты торчишь тутъ, какъ пень? съ сердцемъ спросилъ ее Розовъ.

—Да вотъ на картину смотрю. Хорошо имъ миловаться-то. Вотъ бы и вы съ молоденькой женкой этакъ-же...

—Уйди прочь отсюда!

—Да право, баринъ! Она-бы чай наливала, вы-бы кушали, а я радовалась-бы, на ваше счастье глядючи.

—Ты, кажется, до того надоѣшь мнѣ, что я тебя разсчитаю! Берегись,—говорилъ Иванъ Петровичъ вслѣдъ уходящей Марьѣ

А она видѣла, что баринъ измѣнился съ нѣкоторыхъ поръ, сталъ молчаливѣй, и продолжала пользоваться каждой удобной минутой, раскрывая передъ бариномъ соблазнительныя картины семейной жизни.

III.

Однажды Марья вошла въ кабинетъ Ивана Петровича и сказала ему:

—Вотъ что, баринъ. Была я сегодня у старушки-гадалки, что на картахъ-то гадаетъ, знаете?

—Ничего я о ней не знаю и знать не хочу!

—Что вы? искренно удивилась Марья. Да ее весь городъ знаетъ.

—Ну, и пусть знаетъ. Совсѣмъ не понимаю, при чемъ тутъ я.

—Да вѣдь дѣло-то касательно васъ.

—Это еще что?

—Гадала, говорю, на васъ.

—Кто-же тебя просилъ?

—Никто не просилъ, да я сама вздумала. Ну, вотъ, она и говоритъ, что трефовому королю, т. е. вамъ-то, придется безпременно жениться, да и скоро. О васъ, говоритъ, думаетъ и сохнетъ красна дѣвица, потому, слышь, полюбились-то ей больно...

—Скоро-ли ты перестанешь говорить объ этой красавицѣ?

—Да вы нѣшто видѣли ее?

—Ты почемъ это знаешь?

—А говорите, что красавица.

—Ты же сама мнѣ расхваливала ее.

—Я и теперь отъ своихъ рѣчей не отступаюсь.

—Да кто она такая? кто? выговорилъ черезъ силу Розовъ и самъ испугался своего вопроса.

—Облезьянина, купеческая дочь, умная-преумная, богатая-пребогатая.

—Такъ и есть: она! подумалъ Иванъ Петровичъ, и его сердце заворковало.

—Послушай, Марья,—сказалъ онъ. Зачѣмъ ты, какъ сорока, тараторишь объ одномъ и томъ-же. Уйди, пожалуйста отсюда.

—Да я и уйду,—только все-же вамъ давно пора взяться за умъ.

Оставшись одинъ, Иванъ Петровичъ хотѣлъ было углубиться въ дѣловыя бумаги, но мысли объ интересной дѣвушкѣ не покидали его. Воображеніе работало усиленно, создавая картины семейнаго счастья, по яркости и привлекательности не уступавшія тѣмъ, которыя рисовала Марья.

Иванъ Петровичъ Розовъ былъ сыномъ мелкаго чиновника, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, который по недостатку въ средствахъ не могъ дать сыну возможность получить хорошее образованіе и училъ его «на мѣдныя деньги». Получивши изъ уѣзднаго училиша свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи полнаго курса, Иванъ Петровичъ почти тотчасъ со школьной скамьи поступилъ на службу. Юношѣ улыбнулась фортуна. Благодаря своему скромному поведенію, усердію, аккуратности и умѣнію угодить начальству, онъ быстро пошелъ вверхъ по іерархической лѣстницѣ, такъ быстро, какъ только можно было въ «доброе, старое время». Нелюбимый членами семейства, привыкшій къ полной изолированности въ дѣтствѣ, онъ съ юныхъ лѣтъ сдѣлался молчаливымъ, сосредоточеннымъ, неувѣреннымъ въ своихъ силахъ... Время шло, и вмѣстѣ съ нимъ росли и служебные успѣхи Розова, котораго начальство ставило въ

примѣръ другимъ чиновникамъ и все чаще и чаще представляло къ наградамъ. Иванъ Петровичъ, видя внимательное отношеніе къ себѣ со стороны начальства, сталъ съ усиленною добросовѣстностью исполнять дѣлаемыя ему порученія. Какая глубокая радость свѣтилась въ его глазахъ, какой восторгъ, именно, восторгъ наполнялъ его душу, когда онъ удостоивался похвалы или встрѣчалъ ласковый, одобрительный взглядъ разныхъ лицъ, по своему рангу, стоявшихъ выше его! Въ свободное отъ служебныхъ занятій время, Иванъ Петровичъ почти не выходилъ изъ дому, почти никого не принималъ у себя, кромѣ родныхъ, обращавшихся иногда къ нему за помощью, да незначительнаго кружка сослуживцевъ и знакомыхъ. Ежегодно Розовъ вносилъ въ банкъ свои сбереженія, общая сумма которыхъ мало-по-малу приняла довольно внушительные размѣры. Мирно текли его дни въ благопріобрѣтенномъ большомъ домѣ на одной изъ глухихъ улицъ губернскаго города Снотворска. Тихо было въ многочисленныхъ комнатахъ этого дома, поражавшихъ своей чистотой. Здѣсь заключилась жизнь Розова внѣ общественныхъ интересовъ въ какой-то механической перепискѣ бумагъ и въ тщателномъ составленіи отчетовъ, докладовъ и рапортовъ. Казалось такъ-же мирно и окончится эта жизнь. Похоронятъ Ивана Петровича съ честью, вспомнятъ его трудовую жизнь и напишутъ на скромномъ могильномъ памятникѣ число лѣтъ его «житія». Могила то будетъ заростать травой и цвѣтами, то — засыпаться снѣжными хлопьями, и почти некому будетъ придти на нее. Но, повидимому, своенравной судьбѣ угодно взбаламутить тихую поверхность жизни Розова, и она замышляетъ что-то... Посмотримъ.

Иванъ Петровичъ старался увѣрить себя въ томъ, что ему очень наскучили рѣчи Марьи о женитьбѣ, и онъ неоднократно рѣшался перемѣнить «прислугу,» но онъ привыкъ къ этой женщинѣ, неутомимой работницѣ, до самозабвенія преданной ему. И мало-помалу Розовъ началъ задумываться о ея словахъ, и — странное дѣло! мысль о женитьбѣ все болѣе и болѣе переставала казаться ему столь дикой, какъ прежде...

—„А что, и въ самомъ дѣлѣ, жениться развѣ?" думалъ Иванъ Петровичъ.—„Другіе вѣдь женятся и живутъ счастливо. Чѣмъ же я-то хуже другихъ? Жалованье получаю хорошее,—успѣлъ даже скопить малую толику, да если еще жена съ приданымъ... Гм... ничего, жить можно."

И тутъ же ему видѣлось хорошенькое личико съ голубыми глазками и милой улыбкой...

—„Нѣтъ, право, женюсь,"—рѣшилъ какъ-то Иванъ Петровичъ...

—Марья! позвалъ онъ.

—Чего, баринъ? откликнулась та.

—Иди сюда!

Марья вошла въ кабинетъ.

—Видишь ли,—началъ Розовъ: помнишь ты говорила о...о...— Онъ замялся.

—Да что такое? Говорите толкомъ, а то никакъ не пойму,— говорила Марья съ самодовольной улыбкой, отлично понимая замѣшательство барина.

—О той... Какъ ее? продолжалъ Розовъ.

—Не знаю, о комъ, ума не приложу.

—Да о невѣстѣ,—выговорилъ наконецъ онъ и сразу почувствовалъ какое-то облегченіе.

—А-а! Вонъ вы о комъ! притворно удивлялась Марья.

—Ну, такъ что же?

—Что?

—Ты шутить хочешь со мной? Запальчиво крикнулъ Иванъ Петровичъ.

—Чего шутить? Я не шучу, а только не знаю, къ чему вы и рѣчь-то завели.

—А на счетъ женитьбы-то? Дѣйствуй.

—Давно-бы такъ, а то упирались сколько времени

—Ну, хорошо! Ступай къ своей старушкѣ и поговори съ ней толкомъ,—понимаешь—толкомъ!

—Ученаго учить, что мертваго лѣчить,—весело сказала Марья.— Сейчасъ одѣнусь и бѣгу!

IV.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Розовъ возвращенія Марьи. Онъ все время медленно ходилъ взадъ и впередъ по кабинету и прислушивался къ малѣйшему шороху. Какія-то вѣсти принесетъ Марья?.

Иванъ Петровичъ долженъ былъ сознаться, что его уединенная жизнь теперь совершенно утратила для него свою тихую прелесть. Онъ уже не удовлетворялся своей долей незамѣтнаго труженика. Въ его жизнь ворвались какія-то свѣтлыя, освѣжительныя струи, которыя были готовы, обновить, скрасить его одиночество. Ему перестала нравиться покой холостаго существованья. Душа инстинктивно рвалась къ чему-то неизвѣданному, но въ высшей степени привлекательному...

Розовъ сѣлъ къ столу и задумался. На крыльяхъ шаловливой грезы онъ унесся въ казавшуюся ему чудной семейную жизнь съ молодою женой...

Сильный звонокъ въ передней вывелъ его изъ задумчивости: возвратилась Марья.

—Ну, что? тревожнымъ вопросомъ встрѣтилъ ее Иванъ Петровичъ.

—А то, что ваши дѣла плохи-съ,—отрѣзала Марья.

—Да вѣдь ты же говорила...

—Что говорила? Ну, говорила! Нужно было торопиться, а теперича ужъ помолвлена она.

—Какъ помолвлена? съ трудомъ лишь могъ выговорить Розовъ.

—Да такъ, очень просто.

—Говори, пожалуйста, яснѣе.

—Чего яснѣе? За купца выдаютъ.

—Вотъ такъ разъ! съ убитымъ видомъ воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

—Нѣтъ, нѣтъ,—я нарочно, смѣюсь,—сказала Марья, видя какое впечатлѣніе производитъ на барина ея шутка.—Въ воскресенье васъ будутъ ждать тамъ, у невѣсты-то.

Розовъ во всѣ глаза смотрѣлъ на Марью: ему казалось, что все это происходитъ во снѣ...

Трудно передать ту сложную смѣну чувствъ и настроеній, которая волновала Ивана Петровича до ожидаемаго воскресенья.

Онъ нѣсколько разъ обдумывалъ, что скажетъ при первой встрѣчѣ съ дѣвушкой.

— «А вдругъ она откажетъ?» часто мучилъ Розова тревожный вопросъ. — «Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ они ждутъ меня?» успокоивалъ онъ свои сомнѣнія.

— «Однако-же неловко являться въ первый разъ?» думалъ Иванъ Петровичъ. — «Увидитъ она меня, разсмотритъ, какъ слѣдуетъ, и махнетъ обѣими ручками: не надо, молъ, такого урода! Не напутала ли чего-нибудь Марья?»...

И онъ въ сотый разъ подробно разспрашивалъ Марью о результатѣ ея бесѣды со свахой, какой-то Мареой Игнатьевной.

Проведя наканунѣ воскресенья безсонную ночь, Иванъ Петровичъ съ утра началъ приводить себя въ порядокъ, т. е., — выбрился, вымылся яичнымъ мыломъ, напомадился и причесался. Затѣмъ надѣлъ фракъ, но, вдругъ вспомнивъ, что еще только утро, снялъ, осторожно повѣсилъ, не забывъ стряхнуть съ рукава двѣ пылинки, облекся въ новый сюртукъ и пошелъ прогуляться по комнатамъ. Тутъ едва ли не въ первый разъ Иванъ Петровичъ забылъ полюбоваться обстановкой и убранствомъ своихъ комнатъ.

Дождавшись полудня, Розовъ надѣлъ прекрасную фрачную пару и, напутствуемый наставленіями и благими пожеланіями Марьи, отправился къ «невѣстѣ.»

Когда онъ подошелъ къ дому Обезьянинныхъ, имъ овладѣла необыкновенная робость, — даже руки его тряслись, — но онъ постарался принять самый спокойный видъ и рѣшительно позвонилъ. Предъ нимъ отворила дверь нарядная горничная. Онъ хотѣлъ было о чемъ-то спросить ее, но дѣвушка съ скромной улыбкой проговорила:

— Пожалуйте, — дожидаются.

Поднявшись по высокой лѣстницѣ во 2-й этажъ дома, Иванъ Петровичъ вошелъ въ переднюю. Здѣсь прежняя робость съ усиленной настойчивостью овладѣла имъ. Но, подумавъ немного, Розовъ рѣшилъ, что назадъ «пятиться» теперь уже поздно и сталъ снимать шубу и калоши. Горничная помогла ему.

— Проходите, — пригласила она, улыбаясь.

Иванъ Петровичъ растерянно посмотрѣлъ на нее и, глубоко вздохнувъ, прошелъ въ гостинную, собираясь съ духомъ. Здѣсь его встрѣтила мать «невѣсты», полная, почтенная купчиха, а за ней Розовъ увидалъ и свою «красавицу.» Онъ неловко поклонился, шаркнувъ ногой, запнулся и представился

— Очень пріятно познакомиться, — такъ звонко прощебетала купчиха, что у Ивана Петровича въ ушахъ защекотало.

Она тотчасъ-же вышла, а Иванъ Петровичъ еще болѣе растерялся, оставшись наединѣ съ ея дочерью, которая попросила его садиться, указывая граціознымъ жестомъ на мѣсто подлѣ себя.

— Позвольте узнать ваше имя и отчество? заговорилъ, садясь, Иванъ Петровичъ.

— Наталья Алексѣевна.

— Наталья Алексѣевна? почему-то повторилъ Розовъ и, какъ-бы про себя, замѣтилъ: прекрасное имя.

— Вамъ нравится?

— Нравится. Очень нравится.

— Неужели?

— Серіозно.

Затѣмъ Наташа говорила о театрѣ, клубѣ, о томъ, какъ вообще весело текутъ ея молодые годы. Розовъ, не подавая репликъ, слушалъ ея рѣчи и чудной музыкой звенѣлъ для него ея голосъ.

Вошла мать Наташи, Анна Дмитріевна.

— Наташа, вели-ка, миленькая, самоварчикъ подать, сказала она дочери и, по ея уходѣ, прямо приступила къ дѣловому объясненію съ Розовымъ.

— Вы знаете вѣдь Мароу Игнатьевну? спросила она.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣтилъ Розовъ и спохватился: ахъ, вы говорите, — Мароу Игнатьевну? Это сва.., т. е., нѣтъ... ахъ, да! Знаю, знаю эту добрую старушку...

— Ну, такъ она говорила намъ, что вы хотите сочетаться законнымъ бракомъ съ нашей дочерью. Да?

— О, если только вы согласны.

— Отчего же не согласиться: мы много наслышаны о васъ. Только вы ужъ любите ее,—вѣдь она у насъ единственная...—Анна Дмитріевна всхлипнула.

Иванъ Петровичъ тяжело дышалъ...

—Такъ что, значитъ, по рукамъ? живо сказала купчиха, энергично отирая воображаемыя слезы.

— Съ большимъ удовольствіемъ! воскликнулъ Розовъ, и вдругъ прежняя мысль снова посѣтила его,—мысль, что все совершающееся передъ нимъ, происходитъ во снѣ; но сонъ этотъ былъ гораздо лучше дѣйствительности, и Розовъ согласился бы долго спать...

—Мама, чай готовъ,—сказала, входя, Наташа.

Перешли въ столовую. Спустя немного, явился и самъ Обезьянинъ, благообразный купецъ, съ глубокими проницательными глазами, длинною сѣдоватой бородой и солиднымъ брюшкомъ.

—Добраго здоровья! громогласно привѣтствовалъ онъ гостя.

—Женихъ? коротко спросилъ онъ у дочери, кивнувъ на Ивана Петровича.

Та опустила глаза.

— Что не отвѣчаешь-то? а?

—Полно тебѣ, Алексѣй Степанычъ,—остановила его жена: смутилъ совсѣмъ дѣвку при женихѣ-то.

—А-а! Стало быть, женихъ? Ну, ладно,—дай Богъ счастья, совѣтъ да любовь. Много наслышаны, сударь, о васъ и вашемъ добронравномъ поведеніи. И онъ началъ подробно обсуждать съ Розовымъ свадебныя приготовленія и заботы.

Долго сидѣлъ Иванъ Петровичъ у Обезьяниныхъ и вышелъ отъ нихъ, довольный и счастливый. Скромная сдержанность невѣсты очень понравилась ему..

V.

Черезъ два мѣсяца въ Благовѣщенской церкви происходило бракосочетаніе Ивана Петровича Розова съ Натальей Алексѣевной Обезьяниной. Сіяющій, веселый, словно помолодѣвшій на нѣсколько лѣтъ, стоялъ Иванъ Петровичъ подлѣ Натальи и изрѣдка восторженно

посматривалъ на нее, а Наташа переглядывалась съ нѣкоторыми мѣстными франтами, стоявшими вблизи. Когда вѣнчаніе кончилось, Розовъ съ женой сѣлъ въ карету. Онъ сѣлъ близко къ ней, она отодвинулась... Иванъ Петровичъ взглянулъ на молодую жену и залюбовался ею. Ея прекрасные локоны раскинулись по плечамъ, а на лицѣ игралъ нѣжный румянецъ. Розовъ не могъ удержаться, чтобы не погладить ее по головѣ. Онъ поднялъ руку...

— Это что за нѣжности? раздраженно замѣтила Наташа.

Иванъ Петровичъ прикусилъ губу, изображая на своемъ лицѣ полнѣйшее недоумѣніе.

—«Что это? Что?» спрашивалъ онъ себя, испытывая смутное безпокойство, которое и далѣе не покидало его и отравило ему все веселье свадебнаго пира. Грустнымъ взоромъ слѣдилъ онъ за Наташей, а она сидѣла, безучастная къ этому взору...

Гости уѣхали... Наталья Алексѣевна ушла въ свою комнату... Послышалось щелканье замка... Какъ въ воду опущенный, прошелъ Иванъ Петровичъ въ свой кабинетъ и сѣлъ къ письменному столу, погрузившись въ невеселыя размышленія. Онъ анализировалъ свое поведеніе съ женой и не находилъ въ немъ ничего предосудительнаго.

—«За что она сердится на меня?» раздумывалъ Иванъ Петровичъ.—«Какая славная была до свадьбы, а теперь что стало? Что далѣе будетъ?»

Непрошенныя горькія слезы заблестѣли на его глазахъ. Онъ отеръ ихъ рукавомъ своего фрака... Потомъ началъ всхлипывать... Рыданія давили ему грудь... Долго думалъ онъ въ эту ночь, стараясь уяснить себѣ причину эксцентричныхъ поступковъ жены. Онъ находился словно въ какомъ-то туманѣ. Мысли его путались, и онъ часто проводилъ рукой по разгоряченной головѣ, въ тщетныхъ усиліяхъ связать въ одну нить мятущіеся обрывки мыслей... Уже стало свѣтать, когда Иванъ Петровичъ забылся въ тревожномъ снѣ...

Пользуясь временемъ, авторъ можетъ сказать читателю по секрету нѣсколько словъ, которыя, по всей вѣроятности, прольютъ надлежащій свѣтъ на поступки новобрачной. Дѣло въ томъ, что Наташа, какъ и

можно было предугадать, вовсе не любила Ивана Петровича; причинами же ея выхода замужъ за него были слѣдующія обстоятельства, быть можетъ, нѣсколько странныя на посторонній взглядъ, но достаточно вѣскія и побудительныя для Наташи. Во первыхъ, Наташа терпѣть не могла своей дѣвичьей фамиліи — Обезьянина, которая часто служила мишенью для ядовитыхъ насмѣшекъ со стороны завистливыхъ подругъ дѣвушки, доводившихъ неоднократно ее до слезъ.

— Отчего это, папа, у насъ такая скверная фамилія? обращалась Наташа съ вопросомъ къ отцу.

—Ну, ну! Я тебѣ дамъ — «скверная»! Дѣды и отцы носили ее, а мы чѣмъ лучше ихъ; намъ и Богъ велѣлъ,—отвѣчалъ Алексѣй Степанычъ.

Но эти объясненія не удовлетворяли дѣвушку. Второй причиной было страстное стремленіе къ независимости. Алексѣй Степанычъ рѣдко давалъ дочери разрѣшеніе посѣщать театръ, маскарады и т. п.,—однимъ словомъ Наташа чувствовала себя очень стѣсненной подъ кровомъ родительскаго дома, а ей такъ хотѣлось свободы!... Благодаря своему смазливенькому личику, Наташа имѣла много знакомыхъ среди мѣстной молодежи; въ особенности ей нравились элегантные офицеры, которые, ангажируя ее на танцы въ клубахъ, умѣли такъ ловко расшаркиваться и пристукивать каблуками.

Авторъ считаетъ нужнымъ упомянуть и о томъ, что Наташа была образованной дѣвушкой, т. е., окончила гимназическій курсъ, хотя и не особенно успѣшно: некогда было заниматься. Посредствомъ цѣлаго ряда разсужденій, выводовъ, посылокъ и умозаключеній Наташа дошла наконецъ до той практической мысли, что, выйдя замужъ за какого-либо пожилаго, матеріально обезпеченнаго простака, она будетъ пользоваться неограниченной свободой дѣйствій. Главной цѣлью ея жизни было: «влюбить въ себя и носъ натянуть» (собственное выраженіе Наташи). И она довольно успѣшно примѣняла къ дѣлу этотъ «принципъ», вращаясь въ обществѣ безпечальныхъ молодыхъ людей, къ числу которыхъ принадлежали и гимназисты. Однако справедливость требуетъ сказать, что Наташа «играла въ любовь» съ гимназистами только «между прочимъ».

Благодаря услужливости знаменитой въ Снотворскѣ свахи — Марѳы Игнатьевны и Марьи, Наташа узнала, что существуетъ на свѣтѣ, а въ частности въ томъ-же Снотворскѣ чиновникъ-холостякъ — Иванъ Петровичъ Розовъ, который, по ея мнѣнію, сложившемуся на основаніи неоднократныхъ бесѣдъ съ вышеупомянутыми женщинами, а впослѣдствіи, при знакомствѣ съ Розовымъ, на основаніи личныхъ впечатлѣній и наблюденій, — вполнѣ соотвѣтствовалъ ея идеалу мужа.

Такимъ-то образомъ и окрутили бѣднаго Ивана Петровича.

VI.

Когда Иванъ Петровичъ проснулся утромъ слѣдующаго дня, его первымъ вопросомъ, обращеннымъ къ Марьѣ, было:

— Наталья Алексѣевна встала?

— Встали давнымъ-давно; чай кушаютъ и васъ дожидаются.

Приведя въ порядокъ свой туалетъ, онъ робко вошелъ въ столовую. Его жена, свѣжая, красивая и нарядная, сидѣла за чайнымъ столомъ.

— Здравствуй... Здравствуйте, Наталья Алексѣевна, смущенно и краснѣя привѣтствовалъ ее Иванъ Петровичъ, и его голосъ замѣтно дрожалъ.

Здравствуйте, Иванъ Петровичъ. Какъ почивали?

— Ничего соснулъ, — еще болѣе сконфузился онъ

— Чаю хотите?

— Позвольте.

Онъ принялъ отъ жены стаканъ чаю и присѣлъ къ столу. Наталья Алексѣевна молчала, Иванъ Петровичъ тоже молчалъ...

— Однако уже скоро 12 часовъ, замѣтилъ наконецъ Розовъ: экъ я разоспался!

— Да! безучастно подтвердила Наташа.

И снова молчаніе. Иванъ Петровичъ украдкой поглядывалъ на жену и любовался ею. У него вдругъ явилось желаніе подойти къ женѣ и поцѣловать ее, но онъ даже испугался подобной дерзости, предчувствуя неблагопріятныя для себя послѣдствія, и остался

на мѣстѣ. Наталья Алексѣевна тоже время отъ времени поднимала взглядъ на мужа, и все въ немъ раздражало ее. Она слышала, какъ онъ прихлебывалъ горячій чай и аппетитно уничтожалъ булку, громко чавкая; видѣла безжизненные, какъ-бы стеклянные глаза его, козлиную бородку и напомаженные волосы, и невольно отворачивалась.

— «Эдакій уродъ!» подумала она и вышла изъ столовой.

Иванъ Петровичъ тоскливо посмотрѣлъ ей въ слѣдъ. Онъ чувствовалъ, что неизвѣданное волненіе охватываетъ его; онъ хотѣлъ-бы все время сидѣть подлѣ жены, видѣть ея улыбку и слушать ея голосъ. А она удалилась отъ него. Ему такъ хотѣлось поговорить съ женой, но онъ боялся сказать лишнее слово, чтобы, не угодивши ей, не навлечь на себя ея недовольство. И онъ терялъ голову...

Какъ счастливъ былъ-бы онъ, если-бы услышалъ отъ жены только одно ласковое слово, даже если бы онъ встрѣтилъ одинъ ея ласковый взглядъ! Но пока еще ничего подобнаго не было. И вдругъ въ немъ вспыхивало сознаніе невозможности любви къ нему со стороны Наташи. Она казалась ему какимъ-то неземнымъ существомъ, и онъ чувствовалъ себя передъ ней ничтожнымъ... И въ эти минуты ему приходила въ голову пословица: «съ суконнымъ рыломъ, да въ калачный рядъ».

Прошло довольно много времени, а отношеніе къ Ивану Петровичу его жены не измѣнялось къ лучшему Супруги лишь изрѣдка перекидывались незначительными фразами, живя въ разныхъ половинахъ дома...

И безъисходная, невыносимо тяжелая тоска давила грудь Розова...

Между тѣмъ Наташа проводила время очень весело. Всѣ ея предположенія о полной свободѣ подъ фамиліей мужа осуществились самымъ блестящимъ образомъ. Она почти ежедневно выѣзжала, принимала гостей у себя, безпечно веселилась, шутила, смѣялась и, повидимому, была совершенно счастлива.

А любовь, поздняя любовь Ивана Петровича къ женѣ разгоралась. Онъ долженъ былъ принимать поклонниковъ жены, говорить съ ними, улыбаться, между тѣмъ какъ на душѣ у него царили мракъ и холодъ. Онъ дарилъ Наташѣ цѣнныя вещи, перевелъ на нее

все недвижимое имущество, и къ ней же въ одинъ прекрасный (именно, прекрасный для Наташи) день перешли всѣ сбереженія Ивана Петровича за долгое время его служебнаго труженичества. Онъ не умѣлъ возражать женѣ,—онъ лишь могъ свято исполнять всѣ ея желанія.

Бѣдняжка, онъ надѣялся, что Наташа оцѣнитъ его предупредительность и беззавѣтную преданность ей...

Марья замѣтила, что «молодые» живутъ «не ладно», и она терялась въ догадкахъ, стараясь объяснить себѣ это напряженное отношеніе между супругами.

—«И что только она дѣлаетъ?» думала добрая женщина.— «Правда, что баринъ вотъ лицомъ не вышелъ, да вѣдь не съ красою и жить-то, а съ человѣкомъ!»

И какая-то злоба, ненависть вспыхивала въ ней къ молодой барынѣ, нарушившей мирное теченіе жизни Розова.

—«Все взбаламутила!» конфиденціально сообщала она въ кругу своихъ пріятельницъ.

— Что-й-то, баринъ, какъ вы похудѣли-то? спросила однажды она Ивана Петровича, съ участіемъ вглядываясь въ его лицо. И вдругъ слезы навернулись у ней на глазахъ, совѣсть что-то заговорила... И горько стало на душѣ у бѣдной Марьи.

А Иванъ Петровичъ только вздохнулъ тяжело. Дѣйствительно, онъ замѣтно похудѣлъ, осунулся и какъ-бы съежился... Некрасна была его жизнь!

VII.

Мрачный осенній вечеръ спустился на землю. Сѣрыя тучи, низко нависшія надъ землей, сплошь облегали небо. Мелкій дождь моросилъ изъ нихъ. Казалось природа оплакивала минувшее лѣто...

Въ этотъ вечеръ Иванъ Петровичъ безцѣльно бродилъ по городской набережной, слабо освѣщенной фонарями. Войдя на мостъ Розовъ остановился и какимъ-то тупымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ смотрѣлъ на рѣку, которая, благодаря частымъ дождямъ, разлилась

широко и быстро несла свои воды. Волны пѣнились, клубились и бурлили. Иванъ Петровичъ вдругъ почувствовалъ безумное стремленіе броситься въ манящую глубь рѣки и навѣки порвать свою жизнь, сдѣлавшуюся невыносимо-тяжелой. Но онъ тутъ-же инстинктивно отшатнулся отъ желѣзныхъ перилъ моста, чувствуя, что холодная дрожь пробѣгаетъ по всѣмъ членамъ его тѣла. Словно преслѣдуемый какимъ-то страшнымъ призракомъ, удалялся онъ отъ моста, шлепая большими калошами по липкой осенней грязи. Вѣтеръ развѣвалъ его волосы, выбивавшіеся изъ-подъ шляпы, глаза лихорадочно блестѣли, а голова точно горѣла...

— Здравствуй, милая, хорошая моя,
Черноброва, всѣхъ лучше для меня!...—

раздался гдѣ-то близко голосъ подгулявшаго мастероваго.

— «Ему весело»,—подумалъ Иванъ Петровичъ: «а у меня»...

Слабый свѣтъ фонаря освѣтилъ передъ нимъ вывѣску портерной. Поддаваясь какому-то безотчетному влеченію, онъ вошелъ туда и спросилъ себѣ пива.

—Сколько прикажете? Бутылочку-съ? освѣдомился расторопный хозяинъ.

—Больше, больше и скорѣй! прерывающимся голосомъ воскликнулъ Розовъ.

Онъ пилъ много, съ какимъ-то ожесточеніемъ опоражнивая одну кружку за другой, хотя прежде въ «въ ротъ не бралъ».

Въ сторонѣ сидѣли нѣсколько мастеровыхъ за пустыми бутылками. Замѣтивъ это, Иванъ Петровичъ пригласилъ ихъ къ своему столу.

— Пейте, братцы, пейте,—глухо повторялъ Розовъ, угощая ихъ.

И тѣ пили...

Кто-то затянулъ пѣсню, Иванъ Петровичъ подтягивалъ, пристукивая въ тактъ каблукомъ; кто-то началъ плясать «русскую»; кто-то плакалъ, повторяя:

—Эхъ, братцы, тяжело мнѣ, горемычному...

Иванъ Петровичъ, поднявшись и шатаясь, подошелъ къ плачущему, обнялъ его и самъ заплакалъ, потомъ зарыдалъ...

Долго сидѣлъ онъ въ пивной. Въ эту ночь онъ такъ и не пришелъ домой. Смутно помнилъ онъ потомъ, что въ обществѣ

своихъ новыхъ знакомыхъ былъ еще въ какой-то гостинницѣ и далѣе еще гдѣ-то...

Когда около 9 часовъ утра возвратился онъ домой, Марья даже испугалась и отшатнулась при видѣ его.

Его пальто было выпачкано въ грязи, калошъ на ногахъ не было. Взоръ его сѣрыхъ глазъ дико блуждалъ съ предмета на предметъ, губы были синія, а руки тряслись...

—Господи! Что это, баринъ? могла лишь выговорить она.

Иванъ Петровичъ ничего не отвѣтилъ и прошелъ въ тотъ кабинетъ, гдѣ когда-то читалъ «Женитьбу», наслаждаясь веселыми сценами. Онъ заперся и цѣлый день проспалъ. Проснувшись уже вечеромъ, онъ пошелъ въ ту-же портерную, гдѣ условился встрѣтиться со вчерашними знакомыми, теперь уже друзьями. На слѣдующій день повторилось то-же самое и т. д.

Прошелъ годъ. Иванъ Петровичъ Розовъ состоялъ уже членомъ «Снотворской золотой роты». Наталья Алексѣевна жила по прежнему весело, шумно и безпечно. Катаясь однажды на отличныхъ рысакахъ по одной изъ лучшихъ улицъ города, она встрѣтила своего оборванца-мужа, просящаго милостыню. Онъ замѣтилъ ее, узналъ, остановился, снялъ рваный картузъ и, сдѣлавъ ей низкій поклонъ, пошелъ далѣе. На жену онъ махнулъ рукой: пусть живетъ и пользуется жизнью, а онъ пойдетъ своей грязной дорогой...

Евгеній Чернобаевъ.

Вологда.
1894, іюнь, 27.

Дѣятельность Вологодскаго Губернскаго Земства по народному образованію.

Народное образованіе или вѣрнѣе «простонародное» — «низшее», составляетъ одну изъ функцій уѣздныхъ земствъ; Губернское-же Земское Собраніе является, такъ сказать, направителемъ и регуляторомъ дѣйствій уѣздныхъ, а частію указываетъ то направленіе, по которому должна идти дѣятельность уѣздныхъ земствъ.

Обнимая многоразличныя отрасли внутренняго хозяйства на обширномъ пространствѣ 350,000 кв. верстъ, съ населеніемъ болѣе милліона*) и заботясь о населеніи въ различныхъ отношеніяхъ, Вологодское губернское земство должно было имѣть въ виду многія стороны внутренней общественной жизни, часто соприкасающіяся между собою. Такъ дѣятельность въ отношеніи народнаго образованія соприкасается съ одной стороны съ дѣятельностью благотворительною,— при устройствѣ ремесленныхъ пріютовъ и другихъ воспитательныхъ заведеній; съ другой примыкаетъ къ заботамъ о народномъ здравіи, такъ какъ были устрояемы въ Вологдѣ фельдшерскія школы, мужская и женская, содержались стипендіаты, медицинскіе и ветеринарные, и др.; мы не будемъ останавливаться въ нашемъ очеркѣ на дѣятельности послѣдняго типа, а будемъ строго придерживаться земскаго дѣленія и будемъ говорить о народномъ образованіи, какъ оно выдѣлено въ постановленіяхъ Вологодскаго губернскаго земства.

---

*) Главные источники—матеріалы Вологодскаго Губернскаго Земскаго Собранія.

Съ первой же сессіи (3—12 Марта 1870 г.) Вологодское губернское земское собраніе начинаетъ заботиться о народномъ образованіи и поручаетъ Губернской Управѣ представить къ слѣдующей сессіи свѣдѣнія о существующихъ въ губерніи начальныхъ училищахъ, а также и предположенія уѣздныхъ управъ о поддержаніи и объ увеличеніи числа земскихъ училищъ; помимо того поручаетъ разработать вопросъ объ учительской семинаріи. На ряду съ этимъ было постановлено ходатайствовать о закрытіи землемѣро-таксаторскихъ классовъ, существовавшихъ при Вологодской губернской гимназіи, такъ какъ межевщики не находятъ уже спеціальныхъ занятій, а поступаютъ на другія мѣста (въ учителя, писаря, на гражданскую службу).—А такъ какъ таксаторскіе классы закрывались по немногу, то на первый разъ Собраніе постановило выдавать изъ остаточныхъ ассигнованныхъ на эти классы суммъ 2000 руб. въ пособіе вологодской женской гимназіи. Директоръ, по просьбѣ и указанію котораго была назначена эта выдача, просилъ назначить еще 500 р. на открытіе при женской гимназіи спеціально педагогическаго класса, но Собраніе постановило собрать свѣдѣнія чрезъ губернскую земскую управу о полезности и необходимости таковаго класса.

Въ эту же сессію было внесено предложеніе о содѣйствіи губернскаго земства въ открытіи книжныхъ складовъ при уѣздныхъ управахъ для распространенія между крестьянами доступныхъ для ихъ понятія книгъ духовно-нравственнаго и историческаго содержанія, равно по медицинѣ, сельскому хозяйству и домоводству, пріобрѣтеніе которыхъ крестьянами въ нашей, отдаленной отъ центровъ книжной торговли, губерніи, сопряжено съ огромными затрудненіями и устраненіе этихъ затрудненій, открытіемъ складовъ такихъ книгъ въ каждомъ уѣздѣ, составляетъ крайнюю необходимость, стремленіе у крестьянъ покупать такія книги есть и даже весьма сильное. Собраніе и по этому вопросу постановило поручить Губернской Управѣ собрать свѣдѣнія, войдя въ сношеніе съ Уѣздными Управами.

Такимъ образомъ въ первую сессію, кромѣ назначенія пособія въ 2000 руб. на женскую гимназію, рѣшено было собрать свѣдѣнія о нуждахъ по дѣлу народнаго образованія въ Вологодской

губерніи и кромѣ того ясно выражалось желаніе имѣть для сельскихъ училищъ спеціально подготовленныхъ учителей.—

Такое желаніе въ земскихъ гласныхъ явилось прямымъ слѣдствіемъ убѣжденія въ пользѣ спеціальной подготовки къ учительскому званію.

Дѣло въ томъ, что въ Вологдѣ еще съ 1866 г. Правительствомъ были открыты педагогическіе двухклассные курсы для приготовленія учителей, и къ 1870 г. было уже нѣсколько выпусковъ учащихся, занятія которыхъ съ учениками далеко выдавались по своимъ успѣхамъ сравнительно съ занятіями не подготовленныхъ спеціально учителей; достигнутые ими успѣхи приводили въ удивленіе всѣхъ, имѣющихъ какое либо соприкосновеніе съ элементарной школой. Благодаря этому получившему широкую гласность обстоятельству, педагогическая подготовка учителей и составляла важный вопросъ первыхъ съѣздовъ Вологодскаго губернскаго земства.

Во второе очередное Собраніе губернскаго земства (7—23 Декабря 1870 года) о народномъ образованіи разсуждали очень много и долго; вопросы, поднятые въ первое собраніе, получили дальнѣйшую разработку. Управой былъ представленъ проэктъ земской учительской семинаріи; но собраніе рѣшило поручить Управѣ подробнѣе обработать самый проэктъ и войти въ сношеніе съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по вопросу о томъ, что въ случаѣ если Губернское Собраніе рѣшится на учрежденіе учительской семинаріи, вслѣдствіе чего педагогическіе курсы въ г. Вологдѣ окажутся излишними, то не передастъ-ли правительство въ пособіе земству сумму, ассигнованную имъ на педагогическіе курсы? Не рѣшивши вопроса объ устройствѣ учительской семинаріи, Собраніе рѣшило, что педагогическій классъ при женской гимназіи необходимъ, въ виду чего къ 2 тыс. руб. ежегоднаго пособія, оно нашло нужнымъ прибавить еще 500 р.

Желая улучшить подготовку наличнаго учительскаго персонала, Собраніе озаботилось поручить Управѣ разработать вопросъ объ учительскихъ съѣздахъ и, если будетъ возможно, устроить такой съѣздъ въ теченіе лѣта 1871 года въ гор. Вологдѣ.

Помимо этого, Коммиссія Собранія, изыскивая мѣры, которыми Собраніе бы могло принести и свою долю пользы дѣлу... со своей

стороны полагала (кромѣ другихъ мѣръ), что пріисканіе для каждаго уѣзда хотя по одному народному учителю, вполнѣ приготовленному и принятіе вознагражденія имъ на счетъ губернскихъ смѣтъ принесло бы значительную пользу дѣлу образованія. Собраніе согласилось съ этимъ мнѣніемъ и постановило: «ассигновать изъ губернскаго сбора 3000 рублей на жалованье учителямъ и проѣздъ ихъ въ школу». Но на слѣдующій же день, вслѣдствіе заявленія Инспектора Народныхъ Училищъ объ имѣющихся уже учителяхъ и объ устройствѣ образцовыхъ школъ на суммы Министерства Народнаго Просвѣщенія, эта сумма въ 3000 рублей получила нѣсколько иное назначеніе, именно: изъ числа этихъ 3000 руб.—900 р. назначены въ уѣзды: Вологодскій, Грязовецкій и Тотемскій, согласно первоначальному постановленію, 2100 р. употреблены на устройство школъ въ Верховажьѣ (Вельскаго уѣзда) и Яренскѣ Эта сумма въ 3000 рублей распредѣлялась такимъ образомъ и впослѣдствіи.

Вопросъ о книжныхъ складахъ при уѣздныхъ управахъ рѣшенъ такимъ образомъ, что Губернская Управа можетъ отпускать «заимообразно на этотъ предметъ по 100 р. для тѣхъ уѣздовъ, которые будутъ просить объ этомъ». Такое рѣшеніе не особенно благопріятствовало основанію книжныхъ складовъ; но самыя пренія и сочувствіе, высказанное губернскими гласными, дали дѣлу значительный толчекъ, такъ что книжные склады образовались при многихъ уѣздныхъ управахъ, въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ эти склады превратились въ земскія публичныя библіотеки, существующія и теперь въ г.г. Тотьмѣ, Вельскѣ, Никольскѣ и Кадниковѣ.

Въ эту же сессію было ассигновано 200 руб. на канцелярію Губернскаго Училищнаго Совѣта.

Въ эту же сессію Управою былъ внесенъ, по порученію предъидущаго Собранія, докладъ о народномъ образованіи въ губерніи по вопросу о томъ, сколько школъ перешло земству и какія мѣры были приняты уѣздными земствами для поддержанія и улучшенія школьнаго дѣла.

Въ третью очередную сессію (7—18 Декабря 1871 года) вопросъ о народномъ образованіи занималъ еще гласныхъ и, здѣсь

энскаго

на 879 г.	на 1880 г.	1:
3000	3000	
900	900	
—	—	
—	—	
100	100	
—	—	
1000	1000	1
1000	1000	1
200	200	
—	—	
400	400	
5390	5390	5
150	150	
1200	1200	1
—	—	
—	—	
—	—	
—	—	
—	—	
—	—	
13340	13340	1:
64878	69031	7(
65$^{1}/_{2}$	51	4:
01887	109323	10(
58$^{3}/_{4}$	40$^{1}/_{4}$	1(

ь. Вотъ списокъ

запас-
- 1750 руб.
цъ го-
- 500 «
энской
- 7000 «
ашева,
энтовъ
- 400 «
Н. В.
тковъ 50 «

. ассигнованныхъ
ванія за означенн(

по предложенію Г. Инспектора народныхъ училищъ, было ассигновано 150 р. на кабинетъ для чтенія сельскихъ учителей; онъ устроенъ при Успенскомъ женскомъ приходскомъ училищѣ въ гор. Вологдѣ; основаніемъ библіотеки послужили книги упраздненныхъ Вологодскихъ педагогическихъ курсовъ. Въ эту же сессію, когда изъ отношенія Директора Вологодской гимназіи сдѣлалось извѣстнымъ, что Министерство Народнаго Просвѣщенія намѣрено на свои средства открыть въ Вологодской губерніи учительскую семинарію, Собраніе рѣшило ходатайствовать передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія объ устройствѣ таковой въ г. Тотьмѣ,*) предварительно же, для подготовки учителей, устроить учительскій съѣздъ, или вѣрнѣе — лѣтніе педагогическіе курсы въ г.г. Вологдѣ и Сольвычегодскѣ, на что, согласно докладу, выработанному Губернскою Управою, и ассигновало 2890 руб. 85$^{1}/_{2}$ коп.

Въ докладѣ Губернской Управы указано, какимъ образомъ эти съѣзды должны быть организованы. Продолжительность каждаго съѣзда равнялась 1$^{1}/_{2}$ мѣсяцамъ, учителямъ, назначеннымъ на съѣздъ, выдаются прогоны на одну лошадь и порціонныя деньги до 15 коп. на человѣка въ сутки; руководителямъ по 300 руб. (потомъ прибавлено изъ остатковъ отъ ассигнованныхъ на устройство съѣздовъ суммъ по 200 руб.), кромѣ того въ видахъ лучшаго успѣха дѣла было ассигновано 100 руб. на проѣздъ Г. Инспектора народныхъ училищъ (одного изъ руководителей) въ Молоденческую учительскую семинарію для ознакомленія тамъ съ ходомъ дѣла, а законоучителямъ курсовъ было ассигновано 200 руб. «А такъ какъ, говорилось въ докладѣ, на курсахъ одно теоретическое преподаваніе не принесло-бы значительной пользы для учителей, то при каждомъ съѣздѣ образовать временную школу, хотя-бы изъ 15 мальчиковъ. Въ такой временной школѣ учителя будутъ на практикѣ примѣнять переданныя имъ теоретическія свѣдѣнія.»

Въ слѣдующую же очередную сессію (11—23 Дек. 1872 г.) были представлены подробные отчеты о занятіяхъ на учительскихъ

*) Учительская семинарія и открыта въ гор. Тотьмѣ съ 1 Іюля 1872 года; ученіе въ ней началось въ Октябрѣ мѣсяцѣ того же года.

состоялись въ г. Вологдѣ (съ 19 Іюня по 1 Августа) и въ г. Сольвычегодскѣ (съ 1 Іюля по 15 Августа). Хотя въ докладѣ Губернской Управы и было сказано, что съѣзды принесли очень большую пользу, и хотя уѣздныя земскія собранія — Вельское, Сольвычегодское, Устьсысольское и Никольское — постановили ходатайствовать объ открытіи съѣзда и въ 1873 г., тѣмъ не менѣе общихъ губернскихъ съѣздовъ болѣе не было; по нѣкоторымъ уѣздамъ были частные съѣзды учителей, но это не были уже курсы, такъ какъ продолжались только нѣсколько дней.

Въ эту-же сессію Собраніе, въ виду обширности разстояній въ губерніи, постановило ассигновать со стороны земства 500 р. въ дополненіе къ суммѣ, отпускаемой Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія на разъѣзды Инспектору народныхъ школъ Е. Е. Тимоѳееву, и поручить Управѣ представить въ Министерство о недостаточности одного Инспектора для всѣхъ школъ Вологодской губерніи, по обширности значительному ея протяженію и по количеству самыхъ школъ.

Тогда-же Г. Инспекторъ сдѣлалъ Собранію предложеніе — помочь открытію женской учительской школы, но Собраніе не приняло этого предложенія, имѣя въ виду, что при женской гимназіи существуетъ педагогическій классъ на суммы Губернскаго Земства; такое постановленіе состоялось не смотря на то, что земство желало имѣть подготовленныхъ учителей и учительницъ. Что это желаніе не было скоро преходящимъ, доказывается тѣмъ, что пособіе на спеціально-педагогическій классъ въ женской гимназіи продолжается и до сихъ поръ, даже увеличено въ 1875 г.; помимо этого, хотя Тотемская учительская семинарія и содержится на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, однако-же, когда Директоръ Семинаріи просилъ у Губернскаго Земства вспомоществованія на открытіе при семинаріи приготовительнаго класса, чтобы такимъ образомъ облегчить доступъ въ нее ученикамъ изъ крестьянъ, Собраніе въ 1878 году ассигновало 1200 руб., а въ 1885 г. увеличило эту сумму до 1380 р., которую и вноситъ въ смѣту.

Съ 1875 года, вмѣстѣ съ увеличеніемъ расходовъ вообще, начинается уменьшеніе ихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ. Так на этотъ

годъ не ассигновано 300 р. на канцелярію губернскаго училищнаго совѣта и 500 р. на разъѣзды Инспектору. Такое уменьшеніе произведено потому, что измѣнился составъ начальства надъ народными школами. Измѣненіе состояло въ томъ, что назначены для Вологодской губерніи — одинъ Директоръ и два Инспектора — народныхъ училищъ;*) «къ этому Графъ Толстой присовокупилъ, что заявленіе Вологодскаго Губернскаго Земства было принято въ надлежащее вниманіе».

Далѣе мы не будемъ слѣдить по годамъ за расходами Губернскаго Земства на народное образованіе, такъ какъ это хорошо видно изъ прилагаемой таблицы, а скажемъ о каждомъ главномъ расходѣ отдѣльно, оставивъ болѣе мелкіе въ сторонѣ и перечисляя ихъ только въ таблицѣ.

Съ 1882 года прекращено пособіе уѣзднымъ земствамъ на наемъ образцовыхъ учителей, такъ какъ «Уѣздныя Управы отклонились расходованіемъ суммъ отъ прямаго назначенія» и употребляютъ ихъ хотя и на дѣло народнаго образованія, но совсѣмъ инымъ образомъ; такъ, Тотемское земство свои 300 р. выдавало штатному смотрителю уѣзднаго училища за обзоръ сельскихъ школъ; — Грязовецкое — на покупку столовъ въ училища и на устройство ихъ... Ходатайство Директора народныхъ училищъ объ обращеніи этой суммы въ 900 руб. на пособіе школамъ Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ на устройство при нихъ книжныхъ складовъ и читаленъ или на другой расходъ по народному образованію — «оставлено Собраніемъ безъ удовлетворенія»...

Въ это же время прекращено пособіе и кабинету для чтенія при Вологодскомъ Успенскомъ женскомъ приходскомъ училищѣ, хотя, какъ изложено въ докладѣ Губернской Управы Собранію 1881 г., «библіотека эта даетъ возможность преподавателямъ начальныхъ училищъ всѣхъ городовъ и уѣздовъ Вологодской губерніи, а равно и всѣмъ готовящимся занять мѣста учителей и учительницъ, пользоваться книгами педагогическаго содержанія...» Такой отказъ въ

*) Теперь въ Вологодской губерніи, кромѣ Директора, пять инспекторовъ народныхъ училищъ: три правительственныхъ и два земскихъ (въ Никольскомъ и Устьсысольскомъ уѣздахъ).

поддержки кабинета для чтенія вызываетъ тѣмъ болѣе сожалѣніе, что Успенское женское училище, устроенное очень хорошо, имѣетъ много разныхъ хорошихъ, нужныхъ при первоначальномъ обученіи, пособій; пользуясь книгами, учителя часто знакомились съ новыми лучшими пособіями, образцы которыхъ они не могутъ теперь видѣть,— такъ какъ значительно сократился и бюджетъ самой Успенской школы. Точно также рѣшено было сокращать, гдѣ возможно, пособія уѣзднымъ земствамъ на народное образованіе, а потому сокращены, а затѣмъ и прекращены пособія на Верховажское училище (Вельскаго уѣзда), на Сереговское училище (с. Серегово, Яренскаго уѣзда), также и на приходское училище въ г. Устьсысольскѣ (въ мѣстности «Нижній конецъ»), хотя послѣднее пособіе и назначено было только съ 1882 г.; также скоро прекращено пособіе и на 2-хъ классное женское училище въ г. Сольвычегодскѣ, которому тоже выдавалось съ 1882 года. Вообще-же, въ засѣданіи 15 Февраля 1886 года Собраніе въ принципѣ постановило: «съ 1887 года прекратить всѣ разнаго рода пособія, выдаваемыя сѣверо-восточнымъ уѣздамъ, оставить только пособія на содержаніе Мировыхъ Судей.»

Съ 1884 года ассигновалось, по представленію Губернскаго Училищнаго Совѣта, по 200 руб. ежегодно на пріобрѣтеніе книгъ религіозно-нравственнаго и патріотическаго содержанія для выдачи оканчивающимъ курсъ ученикамъ начальныхъ народныхъ училищъ Вологодской губерніи; въ 1888 году этотъ расходъ предоставленъ уѣзднымъ земствамъ. Самый же большой расходъ Губернскаго Земства на дѣло народнаго образованія, составляетъ содержаніе Реальнаго училища въ г. Вологдѣ. Еще въ 1873 г. (18 Декабря) Собраніе постановило: «въ виду крайней необходимости Реальнаго училища, поручить Управѣ ходатайствовать совмѣстно съ городскимъ обществомъ предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія объ учрежденіи училища въ г. Вологдѣ и выдавать ежегодно изъ процентовъ изъ запаснаго капитала по двѣ тысячи рублей на его содержаніе». А въ чрезвычайномъ собраніи (24 Мая 1874 г.) прибавлено еще 1500 р.; хотя эту сумму предположено было выдавать изъ процентовъ запаснаго капитала, но съ 1877 года, когда было открыто Реальное

училище, выдача производилась изъ смѣтныхъ назначеній, сначала въ количествѣ 3500 руб., а со слѣдующаго года послѣдовала еще прибавка въ 1890 р., для открытія при Реальномъ училищѣ перваго класса; такимъ образомъ расходъ на содержаніе Реальнаго училища изъ смѣтныхъ назначеній Вологодскаго Губернскаго Земства простирается до 5390 рублей ежегодно.

Однако этимъ расходъ на Реальное училище неограничивается. Въ 1880 году по ходатайству Директора Реальнаго училища и Городской Думы, желая, кромѣ того, ознаменовать полезнымъ для края дѣломъ двадцатипятилѣтіе царствованія Государя Императора Александра II Освободителя, Собраніе ассигновало изъ запаснаго капитала 30 т р., чтобы совмѣстно съ Городской Думой пріобрѣсти домъ для Реальнаго училища (городу земство на этотъ предметъ выдавало еще 30,000 руб. въ ссуду на 6 лѣтъ по 5°/₀) и рѣшило ходатайствовать о разрѣшеніи именовать Вологодское Реальное училище «Александровскимъ».*)

Кромѣ того въ эту-же сессію ассигновано на покрытіе расходовъ по найму квартиры для Реальнаго училища 1750 рублей изъ запаснаго-же капитала и еще 500 рублей на тотъ-же предметъ изъ °/₀ съ 30,000 р., назначенныхъ на постройку дома для Реальнаго училища. Въ это-же время для ознаменованія-же двадцатипятилѣтія ассигновано 7,000 рублей на расширеніе помѣщенія Вологодской женской гимназіи.

Переходимъ къ другимъ расходамъ. Съ самого начала открытія земства, еще въ 1870 году, въ первую же сессію, представители Устюгскаго земства ходатайствовали предъ Губернскимъ Собраніемъ о вспомоществованіи къ открытію въ г. Устюгѣ Великомъ мужской прогимназіи; но предложеніе найдено преждевременнымъ. Этотъ вопросъ возникалъ нѣсколько разъ и въ 1874 г. Собраніе въ виду сочувственныхъ заявленій гласныхъ другихъ, смежныхъ съ Устюгскимъ уѣздовъ, постановило: отпустить Устюгскому земству на предметъ устройства предполагаемой прогимназіи единовременно 2000 рублей. Послѣ этого Губернское земство нѣсколько разъ ходатайствовало

*) Теперь оно такъ и называется.

предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія объ открытіи прогимназіи въ г. Великомъ Устюгѣ, но Министерство Народнаго Просвѣщенія открытія не разрѣшило: за недостаточностію ассигнованной мѣстными управленіями суммы (Городскою Думою и уѣзднымъ земствомъ по 3000 р. и губернскимъ земствомъ 2000 р.; все это единовременно) и кромѣ того «по мнѣнію Министерства предположеніе о поступленіи значительнаго числа учащихся представляется гадательнымъ.»

Губернское Собраніе наконецъ рѣшило: «вновь ходатайствовать объ открытіи прогимназіи въ г. Великомъ Устюгѣ, длившагося уже болѣе десяти лѣтъ не возбуждать.» Деньги же 2000 рублей еще въ 1886 г. зачислены въ раскладку, какъ неизрасходованныя; а въ случаѣ открытія прогимназіи разрѣшено Управѣ выдать эту сумму изъ запаснаго капитала. Прогимназія пока не открыта —

Читатели, встрѣтивши въ таблицѣ подъ № 11 расходъ въ 400 руб. на пособіе женскимъ народнымъ школамъ, быстро уменьшившійся до 75 руб., а затѣмъ прекратившійся, могутъ составить нѣсколько ложное понятіе о сочувствіи Губернскаго Земскаго Собранія женскому народному образованію: этотъ расходъ показанъ въ отчетахъ земства нѣсколько неправильно, именно: основаніемъ пособія женскимъ школамъ послужили проценты съ капитала въ 6500 руб., оставленнаго на этотъ предметъ по духовному завѣщанію г-жею О. И. Засѣцкою; земство добавляло 75 руб. (процентовъ 325 рублей), показывая общій расходъ въ 400 рублей и внося ихъ въ общую смѣту, конечно, оговариваясь; затѣмъ въ 1881 году показано по дѣйствительной потребности 75 р. Далѣе этотъ расходъ исчезаетъ, являясь, однако, подъ именемъ пособія двухклассному женскому училищу въ г. Сольвычегодскѣ. Проценты же съ капитала г-жи Засѣцкой идутъ и теперь по назначенію, не входя уже въ общую смѣту. Мы же, слѣдя только за расходами самаго земства, вовсе неупоминаемъ о тѣхъ расходахъ, которые производятся земствомъ не изъ своихъ средствъ, а изъ особыхъ назначеній, гдѣ земство является только посредствующимъ учрежденіемъ. О расходѣ же на женскія школы говоримъ потому, что онъ записанъ въ общую смѣту и имѣетъ значеніе въ итогахъ.

Вслѣдъ за увеличеніемъ платы въ учебныхъ заведеніяхъ Земское Собраніе въ 1877 году постановило «внести въ смѣту 150 руб. на взносъ платы за слушаніе лекцій*) недостаточными воспитанниками Губернской Гимназіи и Реальнаго училища.» Эта плата продолжалась до 1887 года. Въ 1881 г. въ г. Вологдѣ образовалось общество вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ Реальнаго училища, а въ 1885 года подобное же общество при классической гимназіи. Сначала первое общество ходатайствовало у Губернскаго земства о пособіи и получало по 50 р. въ годъ изъ остаточныхъ суммъ, но когда оба общества стали ходатайствовать у земства о вспомоществованіи, то Губернское Собраніе назначило выдавать по 50 рублей каждому обществу, дѣлая такимъ образомъ экономіи въ 50 рублей ежегодно.

Осталось упомянуть еще объ одномъ расходѣ, произведенномъ Губернскимъ Земствомъ, расходѣ хотя небольшомъ, но по своимъ мотивамъ чрезвычайно симпатичномъ, именно на стипендіата Запольскаго. Стипендіатовъ Губернскаго Земства было много, но только на медицинскихъ факультетахъ и въ ветеринарныхъ институтахъ; кромѣ того они получали стипендіи на особыхъ основаніяхъ (съ условіемъ прослужить въ Вологодской губерніи опредѣленное число лѣтъ и уплатить сумму стипендіи), стипендія же, данная Запольскому, имѣла совершенно другія основанія. Исторія этого расхода слѣдующая: въ Губернское Собраніе созыва 1882 года Директоръ Народныхъ Училищъ Вологодской губерніи послалъ такое отношеніе: Инспекторъ народныхъ училищъ 3-го района представилъ мнѣ модель мукомольной мельницы съ толчеею и приводомъ для распиловки бревенъ, сдѣланную ученикомъ начальнаго сельскаго Пустынско-Успенскаго Ларіоновскаго училища, Сольвычегодскаго уѣзда, 13-ти лѣтнимъ сыномъ крестьянина Рябовской волости Егоромъ Запольскимъ.

По объясненію г. Инспектора, мальчикъ этотъ отличается особенною склонностію къ механическимъ занятіямъ и, по отзывамъ наставниковъ постоянно занимается подобнаго рода работами. Препровождаемая модель сдѣлана имъ при помощи одного ножа, безъ

*) Плата за ученіе.

другихъ какихъ либо инструментовъ и устроена исключительно имъ безъ всякой сторонней помощи. Нѣтъ сомнѣнія, что мальчикъ видѣлъ въ натурѣ устройство мельницы, а также толчеи, что впрочемъ самъ онъ положительно отрицаетъ, но во всякомъ случаѣ попытка устройства лѣсопильнаго привода принадлежитъ исключительно его изобрѣтательности, такъ какъ въ означенной мѣстности и ея окрестностяхъ лѣсопильныхъ заводовъ не существуетъ. Самая работа исполнена грубо, но тѣмъ не менѣе даетъ поводъ заключить, что въ этомъ мальчикѣ есть природная способность къ изобрѣтательности; по всей вѣроятности, изъ него выйдетъ способный и дѣльный мастеръ, а можетъ быть и замѣчательный механикъ.

«Имѣю честь, писалъ г. Инспекторъ, покорнѣйше просить Вологодское Губернское Земское Собраніе обратить вниманіе на этого мальчика и предоставить ему возможность развить и усовершенствовать свои природныя способности въ какомъ либо техническомъ училищѣ.»

Собраніе, выслушавъ отношеніе, разсмотрѣвъ представленную модель, постановило: «поручить Губернской Управѣ отправить Запольскаго, въ случаѣ его желанія, стипендіатомъ Губернскаго Земства въ какое либо техническое учебное заведеніе.» Въ слѣдующемъ 1883 году Губернская Управа докладывала Собранію, что Запольскій помѣщенъ Управою стипендіатомъ Губернскаго Земства въ г. Череповцѣ, на что израсходовано: на доставку мальчика съ мѣста родины въ училище 44 руб. 93 коп., на подготовку его по программѣ 9 р. и на уплату въ заведеніе, согласно условіямъ пріема 110 руб., а всего 163 руб. 93 коп. Эти деньги, какъ и уплата за 1883 и 1884 г.г. по 180 ежегодно, уплачивались изъ суммъ запаснаго капитала, 1885 г. переведены въ общую смѣту.

Что выйдетъ изъ этого стипендіата, нынѣ уже кончившаго курсъ, конечно, неизвѣстно, хотя желательно-бы, чтобъ онъ явился талантливымъ техникомъ или механикомъ, оправдалъ ожиданія земства и создалъ-бы хорошій примѣръ для возникновенія другихъ подобныхъ стипендіатовъ.

Этотъ хотя единственный примѣръ стипендіата Губернскаго земства (мы не говоримъ о медицинскихъ и ветеринарныхъ) даетъ

надежду, что и уѣздныя земства могутъ ему послѣдовать, и такимъ образомъ даже въ такихъ дальнихъ уголкахъ нашего отечества, каковъ Сольвычегодскій уѣздъ, талантливый мальчикъ можетъ найти поддержку и возможность развить свой талантъ.

Мы приведемъ таблицу смѣтныхъ расходовъ Губернскаго Земства за время его существованія. На ряду съ этимъ укажемъ общую сумму смѣтныхъ расходовъ и сумму расходовъ необязательныхъ.

Не однѣ только денежныя выдачи характеризуютъ отношеніе земскихъ собраній къ дѣлу образованія и имѣютъ значеніе,—намѣреніе и ходатайства земствъ тоже должны быть принимаемы во вниманіе, хотя-бы фактическихъ послѣдствій и не имѣли.

Прежде всего начнемъ съ общаго. Губернское Земское Собраніе нѣсколько разъ хлопотало объ открытіи эмеритальной пенсіонной кассы для лицъ служащихъ по земству, въ этомъ числѣ и учителей и даже разработывало правила и уставъ кассы (первая попытка 1873—1875, вторая 1882—1884 г.г.); хотя большинство уѣздныхъ собраній высказались за открытіе кассы,—но земства Устьсысольское и Грязовецкое отнеслись къ этому вопросу отрицательно, а потому въ силу Высочайшаго повелѣнія, которымъ указано, что открытіе кассы разрѣшается только въ томъ случаѣ, когда всѣ уѣздныя собранія губерніи изъявятъ на то согласіе,- эмеритальная касса Вологодскаго земства открыта быть не можетъ. Такъ докладывала Губернская Земская Управа Собранію 10 Января 1884 г. Касса и теперь не существуетъ.

15 Декабря 1872 г. Губернское Земское Собраніе постановило: «представить въ Губернскій Училищный Совѣтъ о необходимости ввести инструкціи для визитаторовъ земскихъ школъ». Къ сожалѣнію, Губернскій Училищный Совѣтъ сообщилъ Управѣ, «что такъ какъ права и обязанности попечителей школъ и визитаторовъ опредѣляются существующими узаконеніями и распоряженіями Министерства Народнаго Просвѣщенія, то онъ находитъ неудобнымъ составить по сему предмету какую либо особую инструкцію.

Теперь переходимъ къ вопросу, который въ послѣднее время пріобрѣлъ большое значеніе и о которомъ теперь много пишутъ:

это надѣленіе народныхъ школъ землею.*) Этотъ вопросъ возникалъ въ Вологодскомъ Губернскомъ Земскомъ Собраніи уже давно и въ виду его интереса мы изложимъ подробнѣе ходъ дѣла.

Въ засѣданіи 12 Декабря 1873 года гласный Губернскаго Земскаго Собранія В. Т. Поповъ предложилъ: «не признаетъ-ли Собраніе возможнымъ ходатайствовать предъ Правительствомъ объ уступкѣ на каждое изъ земскихъ училищъ здѣшней губерніи до ста десятинъ изъ свободныхъ казенныхъ земель съ цѣлью обезпеченія въ будущемъ существованія училищъ.» Собраніе рѣшило передать заявленіе Попова на предварительное обсужденіе уѣздныхъ земствъ.

Въ засѣданіи же 14 Декабря того-же года гласный священникъ В. Жаворонковъ подалъ другое заявленіе: «не признаетъ-ли Собраніе возможнымъ просить Правительство о предоставленіи въ постоянное пользованіе земства и особенно для учителей училищъ, отъ 5 до 10 десятинъ усадебной, пахотной и сѣнокосной земли, по возможности вблизи училищъ и не касаясь крестьянскаго надѣла. Это не убыточное для казны пожертвованіе въ пользу сельскихъ учителей могло бы много вспомоществовать упроченію благосостоянія училищъ не въ одномъ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ учителя чрезъ то пріобрѣли-бы себѣ, хотя нѣкоторую осѣдлость и считали-бы себя болѣе заинтересованными въ преуспѣяніи ввѣренныхъ имъ училищъ.»

Послѣ разсужденій, вполнѣ согласившись съ пользою безотлагательнаго ходатайства объ уступкѣ земель для учителей земскихъ училищъ, г.г. гласные постановили: признавая вопросъ, возбужденный отцомъ Веніаминомъ Жаворонковымъ совершенно независимымъ отъ заявленія В. Т. Попова, выраженнаго имъ въ засѣданіи 12 Декабря поручить Управѣ ходатайствовать предъ Правительствомъ объ уступкѣ Вологодскому Губернскому Земству для каждаго изъ земскихъ училищъ губерніи нѣкотораго количества земли, именно отъ пяти до пятнадцати десятинъ, сообразно размѣру предполагаемаго надѣла государственныхъ крестьянъ объяснивъ при этомъ, что уступленная земля должна будетъ поступить въ пользованіе приглашеннаго зем-

*) Особенно объ этомъ вопросѣ много говорится въ педагогическомъ журналѣ «Русскій Начальный Учитель.»

ствомъ учителя въ дополненіе къ назначенному ему жалованью, въ видахъ возможнаго удобства по содержанію и продовольствію учителя въ малолюдныхъ мѣстностяхъ, почему желательно было-бы, чтобы участокъ училищной земли отведенъ былъ по возможности или у самаго училища или не въ дальнемъ отъ него разстояніи, наравнѣ съ землями, отведенными въ надѣлъ крестьянамъ того селенія гдѣ находится училище. Вмѣстѣ съ этимъ поручить Управѣ представить при этомъ ходатайствѣ подробныя свѣдѣнія о количествѣ открытыхъ до настоящаго времени и имѣющихъ открыться въ губерніи земскихъ училищъ.»

Въ слѣдующую же сессію (3—21 Января 1875 г.) Губернская Управа докладывала Собранію о результатахъ своей дѣятельности по исполненію приведенныхъ выше постановленій Собранія. Относительно уступки на каждое изъ земскихъ училищъ здѣшней губерніи до ста десятинъ изъ свободныхъ казенныхъ земель Губернская Управа посылала запросъ Уѣзднымъ Земствамъ. Большинство Уѣздныхъ Земствъ не находило возможнымъ и нужнымъ для училищъ и выгоднымъ для земства имѣть землю въ такомъ количествѣ, задаваясь вопросами,—согласится-ли Правительство уступить такое количество удобной земли и на какихъ условіяхъ произведена будетъ уступка (безвозмездно или съ уплатою денегъ)? Неудобная-же земля потребуетъ для воздѣлыванія громадныхъ затратъ отъ земства, особенно съ уплатою падающихъ на нее разнаго рода налоговъ, и т. д., такъ что 7 Уѣздныхъ земствъ (изъ 10) признало ходатайство неудобнымъ и отклонило; одно поручило Управѣ ходатайствовать только объ уступкѣ удобной земли, одно ничего не отвѣтило и только одно рѣшило утвердительно. Такимъ образомъ предложеніе В. Т. Попова было оставлено... Предложеніе-же о. Веніамина Жаворонкова имѣло другой исходъ. Губернская Управа чрезъ Начальника губерніи ходатайствовала предъ Правительствомъ объ уступкѣ для каждаго изъ земскихъ училищъ отъ 5 до 15 десятинъ земли. Въ отвѣтъ на это Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ увѣдомилъ: «что хотя ходатайство это заслуживаетъ полнаго вниманія, но тѣмъ не менѣе не представляется удобнымъ установлять по сему предмету какое либо общее

правилю, такъ какъ размѣръ отвода таковыхъ участковъ долженъ въ каждомъ случаѣ зависѣть отъ мѣстныхъ условій, а именно — отъ пространства и доходности тѣхъ оброчныхъ казенныхъ статей, изъ коихъ отводъ будетъ предположенъ; въ иныхъ-же случаяхъ отводъ этотъ можетъ, по мѣстнымъ условіямъ, оказаться невозможнымъ, коль скоро по близости вовсе не окажется свободныхъ казенныхъ земель, кои могли бы быть безпрепятственно уступлены для этой цѣли. Но если по ограниченіи казенныхъ земель отъ крестьянскихъ, земству оказалась бы надобность въ отводѣ для школъ того или другаго участка изъ казенной земли, то въ каждомъ частномъ случаѣ земство можетъ заявлять свое по сему предмету ходатайство, и если въ удовлетвореніе онаго, по мѣстнымъ соображеніямъ, не встрѣтится какихъ либо особыхъ препятствій, Министерство Государственныхъ Имуществъ, со своей стороны, не применетъ испросить на удовлетвореніе сего ходатайства Высочайшее чрезъ Комитетъ Министровъ разрѣшеніе...»

Но земство не удовлетворилось этимъ отвѣтомъ и въ засѣданіи 7 Января 1875 г. Собраніе опять постановило: «возбудить предъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и Департамента Удѣловъ ходатайство объ уступкѣ, гдѣ окажется это возможнымъ, для земскихъ училищъ отъ одной до пяти десятинъ на каждое изъ свободныхъ казенныхъ и удѣльныхъ земель въ тѣхъ видахъ, что земли эти могутъ быть, въ случаѣ согласія самихъ обществъ, при содѣйствіи попечителей, обмѣнены на ближайшія къ училищамъ участки земель.»

Въ слѣдующую сессію (30 Декабря 1875 г. — 13 Января 1876 г.) Губернская Управа докладывала Собранію о результатѣ ходатайства. «Въ отвѣтъ на представленіе послѣдовали сообщенія Г. Начальника губерніи отъ 20 Мая и 17 Іюля 1875 года за №№ 1375 и 1926, въ коихъ сообщено: а) что Министръ Государственныхъ Имуществъ отъ 8 Мая 1875 г. за № 552 увѣдомилъ, что такъ какъ Министерство заявило уже готовность свою содѣйствовать земству въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то земству остается указать для какихъ училищъ и изъ какихъ именно казенныхъ земель оно проситъ отвести участки и б) что Департаментъ

Удѣловъ отъ 10 Іюля за № 5430 увѣдомилъ, что въ видахъ усиленія средствъ земскихъ училищъ, онъ, съ своей стороны, не встрѣчаетъ препятствія къ ходатайству предъ Министромъ Двора и Удѣловъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на уступку изъ свободныхъ удѣльныхъ земель, гдѣ это окажется возможнымъ, отъ 1 до 5 десятинъ земли въ постоянное пользованіе училищъ, пока они будутъ существовать, но предварительно Земскія Управы должны составить списки училищъ, при которыхъ онѣ находятъ полезнымъ сдѣлать нарѣзку земли, а Удѣльная Контора укажетъ мѣстность и количество земли, которое можетъ быть отведено въ пользованіе и затѣмъ войдетъ съ представленіемъ въ Департаментъ Удѣловъ для испрошенія упомянутаго Высочайшаго соизволенія на уступку земли въ безплатное пользованіе училищъ.»

Не смотря однако на такія благопріятные отвѣты, сельскія училища Вологодской губерніи и до сихъ поръ не надѣлены землею; неизвѣстно даже, что послѣдовало за приведенными отвѣтами и самый вопросъ мало по малу заглохъ... Только вслѣдствіе запроса (о чемъ сказано выше въ примѣчаніи) въ засѣданіи 18 Января 1889 года этотъ вопросъ вновь поднимался и Губернское Земское Собраніе постановило: «предоставить рѣшеніе это вопроса усмотрѣнію Уѣздныхъ Земствъ.»

Въ томъ же 1876 г. Губернское Земство исходатайствовало отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія единовременное пособіе въ 150 рублей на начальное женское училище въ с. Микляевѣ (Грязовецкаго уѣзда).

Въ 1879 г., по предложенію тогдашняго Начальника губерніи, сдѣлавшаго замѣчаніе относительно неподготовленности къ дѣлу волостныхъ должностныхъ лицъ и указавшаго способъ избѣгнуть этого, Собраніе, согласно докладу Губернской Земской Управы, постановило: ходатайствовать о расширеніи программы двухклассныхъ сельскихъ училищъ, введя въ нихъ обученіе необходимымъ предметамъ, какъ-то: главныхъ положеній о земскихъ учрежденіяхъ, устава о воинской повинности, устава о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и т. п

Въ слѣдующемъ году (1880) Управа докладывала Собранію о результатѣ своего ходатайства. «Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Толстой увѣдомилъ, что означенное ходатайство Вологодскаго Губернскаго Земскаго Собранія онъ вносилъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, выразивъ предположеніе о необходимости оное отклонить. При этомъ Министръ Народнаго Просвѣщенія руководствовался слѣдующими соображеніями: Вологодское Губернское Земство ходатайствуетъ о введеніи въ начальныя училища преподаванія юридическихъ предметовъ. Иныя земства желали-бы еще ввести въ народную школу преподаваніе гигіены, сельскаго хозяйства, этномологіи или вообще зоологіи. Очевидно, что по возрѣніямъ нѣкоторыхъ земскихъ учрежденій, наша народная начальная школа должна-бы доставлять своего рода и врачей, и юристовъ, и зоологовъ, и агрономовъ, и мастеровъ и техниковъ, и что если-бы упомянутыя воззрѣнія и ходатайства осуществлялись на дѣлѣ, то начальной школѣ пришлось-бы совмѣщать въ своемъ курсѣ такіе разнородные и столь многіе предметы, какихъ не совмѣщаетъ не только ни одно среднее, но даже и факультетскій курсъ ни одного высшаго учебнаго заведенія. А между тѣмъ всѣ эти предметы, хотя и въ ограниченныхъ объемахъ, должны были-бы изучать дѣти въ возрастѣ отъ 8 до 13 или 14 лѣтъ, поступающіе въ училища безъ всякой подготовки и потому едва успѣвающія усвоить въ теченіи училищнаго курса и тѣ общеобразовательные элементарные предметы, какіе въ нихъ обыкновенно проходятся. Обращаясь отъ этого общаго замѣчанія въ частности къ тѣмъ предметамъ, какіе, по мысли Вологодскаго Губернскаго Земскаго Собранія, должны-бы войти въ программу двухклассныхъ сельскихъ училищъ, сверхъ положенныхъ уже въ нихъ, и къ коимъ относятся: крестьянское и земское положеніе, уставъ о воинской повинности, уставъ о торговлѣ, уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и другіе подобные уставы, Министръ Народнаго Просвѣщенія полагаетъ, что обученіе въ народной школѣ хотя и главнымъ только основаніямъ всѣхъ тѣхъ уставовъ, въ знаніи коихъ встрѣчается надобность по сельскому общественному управленію, было-бы рѣшительно не по силамъ ни для учениковъ, ни для

учителей, потому что, по недоступности сихъ предметовъ пониманію первыхъ, последніе, какими бы достоинствами и развитіемъ ни обладали, будь они даже съ спеціально юридическимъ образованіемъ, оказались бы внѣ возможности внѣдрить въ дѣтскіе умы такія юридическія истины и правила, для усвоенія которыхъ нужны болѣе или менѣе уже зрѣлое и укрѣпленное мышленіе и, кромѣ того, общее предварительное образованіе; но ни того, ни другаго отъ учениковъ начальныхъ училищъ, конечно требовать нельзя. Такимъ образомъ, самая сущность дѣла наглядно показываетъ, что было бы крайне не цѣлесообразно возлагать на народную начальную школу проэктируемую Вологодскимъ земствомъ задачу и соотвѣтственно тому устроять курсъ оной. Въ виду этихъ соображеній Д. Т. С. Графъ Толстой признавалъ настоящее ходатайство Вологодскаго Губернскаго Земскаго Собранія, не подлежащимъ удовлетворенію. Комитетъ Министровъ . . . . . положилъ: ходатайство по сему дѣлу Вологодскаго Губернскаго Земскаго Собранія, согласно изложеннымъ въ представленіи Г. Министра Народнаго Просвѣщенія соображеніямъ, отклонить.»

Въ засѣданіи 27 Января 1881 года, Собраніе постановило: «поручить Губернской Управѣ ходатайствовать установленнымъ порядкомъ о предоставленіи права оканчивающимъ курсъ ученія въ Реальныхъ училищахъ поступать въ число студентовъ Университетовъ наравнѣ съ учениками, окончившими курсъ въ классическихъ гимназіяхъ.»

Въ отвѣтъ на это ходатайство Губернская Земская Управа въ слѣдующемъ году доложила Собранію, что, по сообщенію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія «это ходатайство неподлежа удовлетворенію въ настоящее время, какъ несогласное съ дѣйствующимъ уставомъ реальныхъ училищъ, будетъ принято во вниманіе учрежденною при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія Коммисіею для пересмотра устава и программы реальныхъ училищъ.» Въ 1883 г. вновь возбуждено такое же ходатайство но безуспѣшно.

Въ сессію 1882 года, по предложенію г. Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, обсуждался вопросъ объ учрежденіи въ Вологодской губерніи подвижныхъ школъ и постановлено: «пре-

проводить отношеніе г. Попечителя въ Вологодскій Губернскій Училищный Совѣтъ, прося его выработать проэктъ устройства подвижныхъ школъ въ Вологодской губерніи, который чрезъ Губернскую Земскую Управу и передать на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній.» Въ 1883 г. Губернская Земская Управа доложила Собранію, что уѣздныя земскія собранія учрежденіе таковыхъ школъ отклонили, главнымъ образомъ по причинѣ дороговизны ихъ содержанія,*) кромѣ Тотемскаго, которое постановило открыть въ Тотемскомъ уѣздѣ двѣ подвижныя школы.

Въ докладѣ Училищнаго Совѣта Собранію, въ 1885 году, обращено вниманіе на устройство при училищахъ ночлежныхъ помѣщеній и на расширеніе, по возможности, самыхъ училищныхъ помѣщеній, и Собраніе постановило обратить на этотъ предметъ вниманіе уѣздныхъ земскихъ собраній...

Этимъ почти и ограничивается дѣятельность Вологодскаго Губернскаго Земства въ дѣлѣ народнаго образованія, не считая тѣхъ случаевъ, въ которыхъ просьбы объ увеличеніи содержанія учебныхъ заведеній или о сложеніи какихъ либо расходовъ съ учительскаго персонала земствомъ не были удовлетворены. Такъ напр. отказано, въ 1882 г., въ увеличеніи пособія Вологодской Маріинской женской гимназіи (съ 3000 до 5000 руб.) и тогда же отказано той же гимназіи въ пособіи для устройства ученической квартиры.

Х. П.

*) И по недостаточности постоянныхъ школъ.

* *
*

Разъ снилось мнѣ: я былъ у океана
Въ глухую ночь и пѣлъ хвалебный гимнъ.
У ногъ моихъ катились съ шумомъ волны
И буревѣстники носились въ небесахъ.
Я говорилъ ему: безбрежный и глубокій,
Ты, океанъ, хранишь въ своихъ волнахъ
Сокровища, которымъ нѣту мѣры,
Сокровища, которымъ нѣтъ цѣны.
И гдѣ ты не берешь свое начало?
И есть-ли край, гдѣ ты не плылъ волной?
Съ вершинъ холмовъ гремучимъ водопадомъ,
Спокойной лентой въ мягкихъ берегахъ,
И синимъ глетчеромъ съ Альпійскихъ горъ высокихъ
Бѣжитъ къ тебѣ лазурная волна.
Но, этихъ водъ ты всѣхъ хранить не можешь
И посылаешь ихъ, великій, въ небеса
То бѣлой лебединой стаей,
То пурпурной причудливой грядой,
То черной тучей молніей обвитой.
О, я хотѣлъ-бы быть тебѣ подобнымъ!
Какъ ты, весь міръ водою обтекать,
Какъ ты, вездѣ имѣть свое начало.
И не успѣлъ я досказать желанья,
Какъ чувствую, что дѣлаюсь волной;
Съ груди моей за валомъ валъ сбѣгаетъ,
Хочу кричать: изъ устъ бѣжитъ потокъ;
И вотъ я весь разлился въ океанѣ,
И самъ имъ сталъ, и съ той поры,
Какъ онъ, беру вездѣ свое начало;
Какъ онъ, бѣгу вездѣ своей волной.

Віясь ручьемъ, любовниковъ подъ миртой
Я вижу; онъ лежитъ у милой на колѣняхъ
И ей въ глаза глядитъ и прижимаетъ къ сердцу;
Она-жъ на пальчикъ свой наматываетъ кудри
Его, и снова развиваетъ ихъ.
Стремясь рѣкой, у города я вижу
Кабакъ невзрачный; игроки до ночи
Играютъ въ немъ; окно всегда раскрыто;
И брань, и пѣсни ихъ къ волнамъ моимъ несутся;
И вижу я, какъ бойкую служанку
Одинъ изъ нихъ рукою нѣжно треплетъ,
И та горитъ румянцемъ, и смѣется.
Кружась у скалъ, гдѣ въ бурю погибаютъ
Нерѣдко мореходныя суда,
Я видѣлъ ихъ ужасныя крушенья,
И слышалъ вопли женщинъ и матросовъ;
Я чуялъ какъ сжимались ихъ сердца,
Предчувствіемъ несчастія томимы,
И какъ они бросались на колѣни,
Но, Онъ, не внемлетъ жалкимъ ихъ мольбамъ:
Несчастные у скалъ высокихъ тонутъ.
Когда-же вновь восходитъ въ небѣ солнце,
Оно обломки судна освѣщаетъ
И трупы, послѣ всплывшіе на верхъ.
Что видѣлъ я, въ себѣ не утаилъ я;
Принявъ источники, я въ небо ихъ послалъ
И понеслись грядой волнистой тучи.
Надъ знойною пустынею однѣ
Безплодно пролились, другія
Столпились надъ широкими полями
И оросили жатву земледѣльца.

М. Швецовъ.

16 Іюня 1893 г.

Очеркъ суевѣрія о домовомъ въ средѣ простонародья Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

Населеніе Кадниковскаго и другихъ уѣздовъ Вологодской губерніи принадлежитъ къ земледѣльческому, а такъ какъ землю приходится сильно удобрять, то скотоводство, составляя главное подспорье и условіе продуктивности земледѣлія, является однимъ изъ наиболѣе укоренившихся и излюбленныхъ видовъ народнаго хозяйства. Та глубокая скорбь, которая постигаетъ членовъ семьи, въ случаяхъ неожиданной потери лошади, или коровы, съ одной стороны, и то довольство, которое радостно ощущается крестьяниномъ, у котораго на дворѣ «все идетъ ладно» достаточно иллюстрируютъ и доказываютъ значеніе и смыслъ мѣстной поговорки, что «нашъ братъ крестьянинъ животомъ-то (т. е. скотомъ) и красенъ.» Какъ одно изъ существенныхъ условій къ удачѣ и благополучію домашняго скотоводства, по народному воззрѣнію является то таинственное обстоятельство, когда «скотинка придется по двору.» Причинами такой случайности является любовь или не любовь «батюшки кормильца,» о которомъ и предлагается настоящій очеркъ.

Чтобы рельефнѣе обрисовать картину воззрѣній на это миѳическое существо, я постараюсь передать въ доподлинной формѣ, во всей ея непосредственной наивности, типичный разсказъ о домовомъ, который

всюду можно услышать отъ любаго изъ нашихъ крестьянъ, когда съ нимъ завести разговоръ на эту излюбленную для него тему.

«Нашему брату-крестьянину безъ «домоваго-батюшки» скотинки держать не годится и не спорится. Вѣдь завсе (постоянно, всегда), особенно въ ночное время, за скотомъ не углядѣть, — вотъ на ту пору онъ, голубчикъ, и подсобляетъ намъ присматривать за скотинкой: буде случится на дворѣ межъ (между) смиренныхъ коровъ или коней какая нибудь животинка нравная, да суровая, которая станетъ норовить (стараться, пробовать, пытаться) изобижать другихъ, то кормилецъ сейчасъ-же усмотритъ этотъ *неладный* непорядокъ, заступится за тихаго живота и не дастъ его въ обиду передъ сильнымъ; или, буде мы, хозяева, промѣшкаемъ на счетъ корму и на ночь зададимъ его не вдосталь, а маловато, такъ что скотина весь кормъ выѣстъ и будетъ стоять у пустыхъ ясель, то и тутъ кормилецъ заступитъ хозяина и живо натаскаетъ свѣжаго корма, котораго и наложитъ въ ясли, сколько будетъ слѣдовать. Коли (если) случится такъ, что скотина наѣстся до сыта *и станетъ въ вольготъ* дремать или жубрѣть (лѣниво жевать кормъ, ѣсть безъ жадности) кормъ, то онъ, голубчикъ, почнетъ (начнетъ) играть и забавляться всячески со скотинкой: либо заберется къ лошади, когда та лежитъ, и станетъ уплетать гриву въ прядки, а не то станетъ гладитъ по шерсти. Знамо (извѣстно), что онъ любитъ и балуетъ скотинку; оттого заправный и настоящій хозяинъ, если купитъ лошадку или коровушку, то не зря принимаетъ новолитку, а, чтобы отвадить отъ нея прежняго кормильца (который досматривалъ за ней у стараго хозяина), онъ скотину залучаетъ къ себѣ на дворъ такъ: идучи съ новокупкой, онъ поднимаетъ съ дороги какую нибудь палочку или щепочку, которую беретъ съ собой и, придя домой, забрасываетъ куда нибудь на дворъ съ приговоромъ: «какъ тебѣ, батюшка батожокъ (уменьшенное отъ слова батогъ, что значитъ гладкая палка) на старомъ мѣстѣ не бывать, такъ бы моему сильному животу у стараго хозяина не бывать!» Иначе, какъ этого приговора не сказать, можетъ статься (сдѣлаться, случиться), что скотина станетъ скучать по своемъ старомъ домовушкѣ и будетъ хилѣть и сохнуть. Это и зачастую случается, что скотина, которая

будетъ скучать по старому своему домовику, или которая не полюбится домовику на новомъ мѣстѣ, та будетъ уже «не подвору» и такую животину нечего попусту и кормить: лучше ее сбыть куда нибудь со двора, пока она вовсе не пакнула (умерла). На примѣрахъ бывало, что такимъ животинамъ не будетъ на новомъ мѣстѣ отъ домовушки ни житья, ни спокою: то заберется онъ къ ней куда нибудь на такое мѣсто отколѣ (откуда) ни въ жисть (ни въ жизнь) не достать ни мордой, ни хвостомъ, и будетъ своими лапами царапать, да щекотать животинку; та, бѣдная, примется кататься, да бѣгать изъ угла въ уголъ до упаду и до того, что вся взопрѣетъ (вспотѣетъ) нане (даже) и это бываетъ каждую ночь;*) тутъ ужъ, вѣстимо (извѣстно) ей не до корму: она и голодна-то стоитъ, да и безъ работы уморится и постоянно бываетъ слабая, да усталая. А то иной разъ, такъ даже до той поры доходитъ баловство домовушки, что онъ запѣхаетъ несчастную скотину въ такое мѣсто, откуда ее насилу сердечную, и ослобонишь-то (освободишь): либо подъ ясли, либо угораздитъ запропастить ее въ *какую ни-на-есть* яму на скотьемъ дворѣ.

Особенно опасно держать на дворѣ лошадей съ маликами,**) такихъ лошадей шибко не любитъ домовой и если такая лошадь поколѣетъ на дворѣ, то послѣ нея уморитъ одну за другою сряду двѣнадцати лошадей. Знамо дѣло, кто знаетъ старинные дѣдовскіе порядки, тотъ и не купитъ такого коня, а буде и купитъ, такъ для перепродажи изъ-за барышей, чтобы не пропала она у него на дворѣ. Если неровенъ часъ, она и сгинетъ, то другой знающій водится со скотомъ, съумѣетъ избыть бѣду, выволокши падаль со двора не въ ворота, а въ отверстіе нарочно прорубленное въ боковой

*) Здѣсь идетъ рѣчь про случаи коликъ, извѣстныхъ въ простонародіи подъ именемъ «ногтя», причина которыхъ заключается въ несвареніи пищи.

**) Лошадь съ маликомъ, или «двужильная»—та, у которой отъ сильно развитой мускулатуры, мускулы подъ кожей ясно обозначаются, а мышцы такъ называемыя двойныя, сходящіяся на шеѣ, обрисовываются въ видѣ толстаго раздвоенія; такія лошади, не смотря на то, что они бываютъ очень сильными, при покупкѣ бракуются и покупаются по дешевой цѣнѣ.

стѣнѣ хлѣва—тогда Богъ и избавитъ хозяина отъ потери скота, послѣ пропажи двужильнаго коня.

Вобче (вообще), онъ, кормилецъ, добръ и охотливъ ухаживать за матушкой скотинкой. Оттого мы всегда зазываемъ къ себѣ его, батюшку, когда переходимъ изъ дома въ домъ, на новоселье. Разно (не одинаково) его переводятъ Или хозяинъ, переселившись на новое мѣсто, заходитъ во дворъ, снимаетъ шапку съ головы и сдѣлавши во всѣ четыре угла по поклону, приговариваетъ: «батюшка-кормилецъ! прошу васъ со мной на новую фатеру (квартиру): не оставьте, при случаѣ, мою скотинку!» Иной разъ, хозяинъ на новомъ дворищѣ*) высѣваетъ одну много двѣ горсти пшеницы или муравьевъ, также съ приговоромъ: «какъ бы матушка пшеница плодилась—такъ бы у меня матушка скотинка плодилась: лошади, коровы и овечки. Окромя того когда выносятъ на послѣдкахъ какую нибудь остальную вещь изъ стараго дома, то говоритъ: «домовушка батюшка, ступай и ты съ намъ!» Когда домовушко вездѣ все усмотритъ и изладитъ, то отправляется на спокой. Спать ложится онъ завсегды (всегда) на одно мѣсто, на которое ужъ никого и не впускаетъ. Буде кто невзначай ляжетъ на его мѣстечко, то онъ ляжетъ на соннаго и станетъ его душить.**) У домоваго есть и хозяйка, но она мало вникаетъ въ дѣло по хозяйству; прозывается она «кикиморой» и живетъ она въ подпольѣ. Днемъ она не показывается, а выходитъ только по ночамъ и любитъ приниматься прясть, если дѣвицы оставятъ пряслицу на воронцѣ; тогда можно бываетъ учуть, какъ шумитъ веретено съ воронца. Ходитъ она въ сарафанѣ и съ длиннымъ волосьемъ—такая страшная! Однако отъ нея вреды ничѣмъ не приключается. Домовой, не то, что водяной или лѣшій—тѣ не други человѣку!***)

---

*) Дворище—мѣсто отведенное подъ постройку дома съ дворомъ.

**) Народное понятіе о причинахъ явленія такъ назыв. кошмара.

***) По народнымъ понятіямъ водяной и лѣшій, обитая въ водѣ или въ лѣсу и властвуя въ этихъ сферахъ въ районѣ опредѣленныхъ границъ, до области владѣній другаго духа—сосѣда, и въ извѣстное время, проявляютъ свое вліяніе и силу надъ человѣкомъ исключительно во вредномъ для него направленіи: или насылаетъ разныя болѣзни, или сбиваетъ его съ дороги или закупываетъ его въ водѣ и т. д.

Воззрѣніе о существованіи демона доповаго настолько твердо установилось въ народныхъ понятіяхъ Кадниковскаго и др. уѣздовъ нашей губерніи, что въ строѣ этихъ воззрѣній замѣчается несомнѣнная убѣжденность въ дѣйствительности существованія домоваго, исключающая всякія колебанія или сомнѣнія. Хотя рѣдкій крестьянинъ станетъ соблюдать старинные обычаи зазыванія домоваго на новое мѣсто, но въ то-же время каждый изъ нихъ и всѣ до одного вѣрятъ въ то, что скотина можетъ случится «по двору» и «не по двору» и каждый изъ хозяевъ не станетъ распутывать въ безпорядкѣ спутанныхъ висящихъ неприглядными прядями клочьевъ волосъ въ гривѣ своей лошади, глубокомысленно заключая изъ даннаго явленія, что его лошадь пришлась по двору и приглянулась «батюшку-кормильцу.» Если кто нибудь станетъ возражать противъ существованія домовыхъ и опровергать существованіе этого мнимаго факта, то крестьянинъ въ отвѣтъ скажетъ въ такомъ родѣ: «что тутъ пустое и говорить! ужъ если какая нибудь скотина случится не по двору, то хоть раскорми ее, а все-таки кормъ не пойдетъ въ толкъ и не скотина будетъ ѣсть кормъ, а кормъ съѣстъ скотину:*) да и какъ въ самомъ дѣлѣ, не вѣрить въ кормильца, если кормишь одинаково всякую скотинку въ стадѣ однимъ и тѣмъ-же кормомъ и всѣхъ обряжаешь въ одно время, а, напротивъ того, одна животина сытая и гладкая а другая сухая да ероховатая (ероховатый—шершавый, всклоченный, косматый.)—

Какъ сытость и здоровье скота объясняются попеченіями кормильца, такъ съ другой стороны, большинство болѣзней объясняется вліяніемъ злой демонской силы. Ревматизмъ, всѣ нервныя болѣзни, колики, грыжи и проч. объясняются дѣйствіемъ злой силы лѣсныхъ и водяныхъ демоновъ, если хозяинъ не благословясь выѣдетъ на лошади, или выпуститъ корову со двора. Впрочемъ въ послѣднее десятилѣтіе охотнѣе стали понемногу забывать разныхъ знахарей,

---

*) Если животное не оправдываетъ возлагаемыхъ на него тратъ и расходовъ, такъ что кормъ не окупается и скотину становится держать въ убытокъ, то и говорятъ, что кормъ ѣстъ скотину; это выраженіе понимается въ экономическомъ смыслѣ.

колдуновъ и шептуновъ, которые отчасти и сами были убѣждены въ дѣйствительности своихъ заговоровъ и нашептываній; да и въ настоящее время еще во многихъ глухихъ мѣстностяхъ нашей губерніи въ общей темной и непросвѣщенной массѣ, еще продолжают слѣпые вести слѣпыхъ...

С. Дилакторскій.

Инфлуэнца въ Вологодской губерніи въ 1782 году.

Въ 1782 г. Вологодское Намѣстническое Правленіе получило два «репорта» отъ Городничихъ о появленіи невѣдомой болѣзни: это была знакомая намъ инфлуэнца, но тогда ее этимъ именемъ не называли; не дали даже ей никакого названія, а опредѣляли тремя словами: «болѣзнь нынѣшнаго времени».*)

Появилась она въ Устюгѣ и Городничій донесъ о ней слѣдующее: «въ городѣ Устюгѣ въ нынѣшнемъ Генварѣ мѣсяцѣ многіе изъ жителей одержимы великимъ кашлемъ съ головною ломотою и обмороками, а иные нѣсколько и со рвотою, затѣмъ слѣдуетъ насморкъ; во всемъ корпусѣ, а особливо отъ кашля въ грудяхъ боль въ подобіе лихорадки; продолжается сей припадокъ дня 4 и 5, а потомъ и выздоравливаютъ.

Вслѣдъ за тѣмъ изъ рапорта Грязовецкаго Городничаго Намѣстническое Правленіе узнало, что и въ Грязовцѣ «на жителяхъ подобное-же приключеніе оказалось.»

При слушаніи-же этихъ рапортовъ въ Намѣстническомъ Правленіи «въ должности Правителя Намѣстничества Господинъ Генералъ-Маіоръ Макаровъ объявилъ, что по причинѣ въ здѣшнемъ городѣ равномѣрно приключившихся людямъ припадковъ прикажетъ онъ здѣшнему горо-

*) Указъ Вологодскаго Намѣстническаго Правленія 26 Января 1782 года № 1047.

довому лекарю Іордону сдѣлать примѣчаніе, почему онъ, лекарь, рапортовалъ, что тѣ больные почти всѣ одержимы кашлемъ и послѣдующимъ потомъ небольшимъ ознобомъ и жаромъ; продолженіе той болѣзни бываетъ сутки по трое и по четыре, а приключеніе оныхъ не отъ чего иного, какъ отъ постигшей чрезвычайной премѣнной погоды отчего и послѣдовали по причинѣ перемѣны воздуха людямъ простуды, но отнюдь не опасныя и не прилипчивыя, для чего какимъ образомъ отъ того себя предохранять сдѣлано имъ, лекаремъ, наставленіе того ради приказали въ предвареніе всѣмъ, даже въ случаѣ иногда, ежели гдѣ по здѣшней губерніи въ другихъ мѣстахъ таковые припадки показались, то-бъ могли себя по написаннымъ правиламъ предохранять, послать при указѣ по всѣмъ комендантамъ и Городничимъ и Земскимъ Исправникамъ лекарское наставленіе.

«НАСТАВЛЕНІЕ»

Болѣзнь нынѣшняго времени въ народѣ вообще существующая отъ простуды съ насморкомъ и кашлемъ: Начинается же сія болѣзнь наипаче легкимъ ознобомъ, по перемѣнамъ бросая въ жаръ и въ тотчасъ послѣдующею небольшою испариною, затѣмъ оказывается кашель, насморкъ и тягости надъ глазами, тупое зрѣніе и слухъ, боль въ головѣ, подобная угару, иногда во всей, иногда въ передней только части, а иногда въ затылкѣ. Продолжается же обыкновенно не болѣе 4 сутокъ, иногда меньше, а рѣдко больше, дѣйствуетъ, не во всякомъ равно жестоко легко и всѣмъ чувствительно, такъ что по большей части ходя переносятъ, а особливо крѣпкаго сложенія люди, иногда же жаръ бываетъ, а особливо по ночамъ и съ бредомъ. Оканчивается всегда потомъ, потому для пользованія сей болѣзни главнѣйше средство произведеніе потовъ простымъ людямъ чрезъ сбитень, прибавляя къ тому малое количество уксусу, посредственнымъ чрезъ шалфею, топленою съ медомъ, а послѣднимъ кто можетъ имѣть чрезъ чай съ бѣлымъ виномъ, поелику сія болѣзнь рождается въ насъ отъ воздуха сырого, поглощаемаго чрезъ различные каналы нашего тѣла, то нужно хранить не тощій желудокъ во предохраненіе отъ болѣзни, дабы варимая въ желудкѣ пища, согрѣвая все тѣло теплотою, ополняло бы сырости воздуха, также не безпо-

лѣзно, кто водку употребляетъ, выходя на воздухъ, пить по рюмкѣ водки съ небольшою частью уксуса, потомъ позавтракать, дабы сколь помянутая пища, а больше спиртъ, вооружась сырости воздуха, отгонялъ болѣзненнаго непріятеля.

Сообщилъ **Ивановичъ**.

Охотничій промыселъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Охота или какъ здѣсь говорятъ «лѣсованье» среди крестьянъ Кадниковскаго уѣзда является не время препровожденіемъ и удовольствіемъ, а промысломъ и промысломъ надо сказать, довольно выгоднымъ.

А. Ш...овъ въ своей статьѣ «Охотничій промыселъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ» (Вологодскія губернскія вѣдомости 1887 года) приводитъ свѣдѣнія о количествѣ убитыхъ и изловленныхъ однимъ охотникомъ въ теченіи года звѣрей и птицъ, приводитъ также и мѣстныя продажныя цѣны:

Бѣлокъ 200 шт. 10 к.	20	руб.	--	коп.
Рябчиковъ 110 паръ 22 к.	24	»	20	»
Тетеревей 12 паръ 30 к.	3	»	60	»
Зайцевъ 36 штукъ 10 к.	3	»	60	»
Куницъ 2 штуки 4 руб.	8	»	—	»
Лисицъ 2 шт. 3 руб.	6	»	—	»
Медвѣдей 1	20	»	—	»
Оленей 1	2	»	—	»
Итого	87	»	40	»

Исключивъ изъ того числа расходъ:

6 фун. пороху 80 коп.	4	руб.	80	коп.
1 пуд. дроби	4	»	80	»

2 кор. пистоновъ	— »	60 »
Содержаніе собаки въ годъ	5 »	— »
Итого	15 »	20 »

Получимъ чистой прибыли 72 руб. 20 коп. за годъ.

При этомъ надо замѣтить, что минувшій годъ былъ годомъ торговаго застоя, почему и всѣ предметы «лѣшни», кромѣ медвѣдя проданы этимъ лѣсникомъ по самой дешевой цѣнѣ, обыкновенная цѣна рябчика бываетъ по 35 коп. пара, куницы 8 руб. и т. д.

Не смотря на низкія цѣны въ статьѣ Г. Ш....ова и напрасно поставленное въ расходъ годовое содержаніе собаки, получимъ за годъ 72 руб. 20 коп. чистой прибыли; а если же принять во вниманіе, что охота производится осенью и зимой и только изрѣдка лѣтомъ, такъ что она нисколько не мѣшаетъ крестьянствовать, то положительно можно сказать, что это одинъ изъ самыхъ выгодныхъ промысловъ крестьянъ Кадниковскаго уѣзда, но къ сожалѣнію съ каждымъ годомъ падаетъ, такъ какъ дичи становится все меньше и меньше, причина такого явленія,—это истребленіе лѣсовъ.

Слова: «охота», «охотникъ» и «охотиться» среди крестьянъ, заисключеніемъ подгородныхъ, никогда не услышите, они замѣнены словами «лѣшня,» «лѣсованье,» «лѣсовать,» «лѣсникъ.» Они не скажутъ: «пошелъ на охоту,» «по охотиться,» а непремѣнно: «пошелъ полѣсовать,» «за лѣтней.» Охотника зовутъ лѣсникомъ.

Охота въ Кадниковскомъ уѣздѣ бываетъ на медвѣдя, волка, лося, оленя, лисицу, куницу, рысь, выдру, норку, горностая, зайца, бѣлку и затѣмъ на рябчиковъ, тетеровей, утокъ и журавлей.

Лѣтомъ охотятся на медвѣдя когда онъ «задеретъ» корову или лошадь или появится въ поскотинѣ и наконецъ когда повадится ходить въ поле на овесъ.

Услышалъ лѣсникъ (я и впредь буду употреблять это слово вмѣсто: охотникъ) что медвѣдь «задралъ» животину осмотритъ онъ мѣсто гдѣ лежитъ «падаль» и уговоривъ двухъ—трехъ крестьянъ, устраиваютъ близь падали лабазы или примосты на деревѣ (на вѣтки двухъ близь—стоящихъ деревъ кладутъ колья, которыя иногда при-

вязываютъ веревками къ вѣткамъ). На лабазы лѣсники отправляются съ ружьями и топорами, пока еще не зашло солнце. Они увѣрены, что если идти на лабазы послѣ заката солнца, когда на травѣ уже будетъ роса — то медвѣдь «по духу» услышитъ ихъ присутствіе и къ падали въ эту ночь не придетъ. Также устраиваются лабазы и на „овсяника,“ — такъ зовутъ медвѣдя ходящаго на овесъ. Медвѣдь ходитъ по одному пути, слѣду и черезъ изгородь перелѣзаетъ всегда въ одномъ мѣстѣ. Лѣсникъ старается узнать гдѣ этотъ «перелазъ» и лабазы устраиваетъ гдѣ нибудь вблизи и такъ чтобы можно было стрѣлять въ медвѣдя во время его перелазанія черезъ изгородь. Нѣкоторые лѣсники, если нельзя устроить лабазовъ, ожидаютъ желаннаго для нихъ гостя и прямо на землѣ — на это, конечно, рѣшаются не многіе, вполнѣ увѣренные въ своей побѣдѣ. Клепи ставятъ близь падали (нѣсколько клепей около одной падали), при чемъ къ клепямъ привязываютъ какую нибудь тяжесть, а то, по увѣренію лѣсниковъ, медвѣдь зачастую уноситъ клепь и какъ то освобождаетъ отъ нея свою лапу, особенно если попадетъ которой нибудь изъ переднихъ. Кромѣ клепей на медвѣдей ставятъ близь падали кряжи. Кряжи дѣлаются изъ трехъ сплоченныхъ между собою довольно увѣсистыхъ обрубковъ, бревенъ и настораживаются. Отъ прикосновенія насторожка падаетъ и кряжи убиваютъ медвѣдя. Бьютъ также медвѣдей въ берлогахъ. На эту охоту всегда ходитъ нѣсколько человѣкъ вооруженныхъ ружьями, топорами и рогатинами.

Волковъ ловятъ въ клепи, но только волчьи клепи гораздо меньше и легче медвѣжихъ. Ловятъ ихъ также и ямами. Вырываютъ гдѣ нибудь въ лѣсу большую, приблизительно по три сажени въ длину и ширину, и на столько глубокую яму, чтобы изъ нея не могъ выскочить волкъ. Посреди ямы утверждаютъ довольно высокій столбъ и къ нему надъ ямою, дѣлаютъ подмостки, на которыхъ привязываютъ къ столбу собаку и затѣмъ яму закрывъ нѣсколькими жердями, покрываютъ соломой. Собака на привязи, особенно когда уйдетъ ея хозяинъ, начинаетъ лаять, визжать и выть. На ея голосъ сбѣгаются волки и съ намѣреніемъ поживиться, скачутъ на подмостки, но не доскочивъ до нихъ обрываются въ яму. Иногда цѣлая

стая волковъ попадаетъ въ одну яму, гдѣ ихъ на утро и доколачиваютъ. Иногда отравляютъ волковъ. Стрихниномъ начиняютъ околѣвшихъ собакъ, телятъ и т. п. и бросаютъ ихъ «на чистотки» гдѣ нибудь вблизи деревни. Часто вмѣсто волка лѣсники отравляютъ собакъ, когда начиненъ ядомъ теленокъ или заяцъ, вообще что либо съѣдобное для собакъ. Въ зимнія ночи на волковъ ѣздятъ въ саняхъ съ ружьями съ собакой, которую время отъ времени колотятъ, бьютъ и она визжа и лая сзываетъ волковъ.

Лосей и оленей бьютъ изъ ружья. Охотятся за ними всегда зимою, при чемъ чѣмъ глубже снѣгъ—тѣмъ успѣшнѣе охота. Лѣсникъ отправляется за ними на лыжахъ съ ружьемъ и гонясь за ними, преслѣдуетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не подпустятъ его на выстрѣлъ. Иногда гоняются за ними по нѣскольку дней. Замѣтивъ любимое мѣстопребываніе этихъ животныхъ, лѣсникъ обноситъ его высокимъ заборомъ—огородомъ и оставляетъ только одинъ проходъ, въ которомъ ставитъ нѣсколько петель.

Лисицъ или отравляютъ какъ волка или на ея тропу (она всегда ходитъ однимъ слѣдомъ, - тропой) ставятъ клепи, или наконецъ, какъ и на зайцевъ ставятъ нитки. Клепи для лисицъ бываютъ меньше волчьихъ. Въ клепи она попадаетъ рѣдко, несмотря на то, что лѣсники настороженныя клепи слегка засыпаютъ снѣгомъ и на немъ дѣлаютъ особой лопаткой слѣды. Заслыхавъ запахъ желѣза клепи лиса иногда обходитъ стороной.

За куницей ходятъ съ ружьемъ и съ собакой по ея слѣду, пока собака не загонитъ ее на дерево и она не подпуститъ лѣсника на выстрѣлъ.

На выдру и горностаевъ дѣлаютъ одного устройства, но разныхъ размѣровъ, кряжи, которыхъ мнѣ не удалось видѣть, почему объ устройствѣ ихъ ничего не могу сказать.

Зайцевъ ловятъ клепями, кряжами и ниткой. Клепи на зайцевъ еще меньше чѣмъ для лисицъ, ставятся также какъ и на лисицу, т. е. ставятъ на заячьихъ тропахъ и затѣмъ запорошивъ нѣсколько снѣгомъ, дѣлаютъ или особой лопаткой, или лапкой зайчьей слѣды. Кряжи ставятся только зимою. Приносятъ два толстыхъ, въ сажени

$1^1/_2$ — 2 длиною, обрубка, одинъ изъ нихъ кладется на землю, а другой кладется на него, при чемъ одинъ край верхняго кряжа поднимаютъ аршина на $1^1/_2$ надъ землею и подпираютъ палочками изъ молодыхъ осиновыхъ побѣговъ. Настораживаютъ такъ «чутко,» что при малѣйшемъ прикосновеніи къ осиновой палочкѣ, корою которыхъ соблазнится заяцъ (зайцы зимою питаются большею частью корою молодыхъ побѣговъ осины) верхній кряжъ опускается и убиваетъ зайца. Зайцы любятъ бѣгать, какъ и лисицы, одной тропой и перелѣзаютъ черезъ изгородь всегда въ одномъ мѣстѣ. Лѣсникъ замѣтивъ въ которомъ мѣстѣ лазитъ черезъ изгородь заяцъ и ставятъ тутъ нитку. Петля, сдѣланная изъ конскаго волоса или льна, привязывается къ концу длинной жерди, другой конецъ которой втыкается въ землю, затѣмъ жердь нѣсколько нагибаютъ и ея конецъ съ петлей настораживается двумя пружинками, которыя, какъ только попалъ заяцъ, отскакиваютъ и конецъ жерди съ петлей подымаясь, иногда на цѣлую сажень отъ земли, затягиваетъ въ петлѣ шею несчастной жертвы. Этой же ниткой ловятъ по зимамъ и лисицъ.

На бѣлку, когда она уже вылиняетъ и сдѣлается сѣрою, охотятся съ собакою Услышалъ лѣсникъ, что собака лаетъ, спѣшитъ на лай. Осматриваетъ онъ дерево, на которое лаетъ собака, и если не видитъ прихирившейся гдѣ нибудь за вѣткой бѣлки, онъ колотитъ по дереву обухомъ топора и бѣлка выдаетъ какимъ либо движеніемъ свое мѣстопребываніе.

Въ концѣ Іюля или въ началѣ Августа начинается охота на рябчиковъ и тетеревей. Сначала охотятся на нихъ съ пищикомъ и собакой, а потомъ на тетеревей съ чучелами изъ шалашей. Но не столько убиваютъ ихъ изъ ружей, сколько ловятъ разными сильями. Изъ прутиковъ устраивается на разстояніи сажени, а иногда и больше, невысокая изгородь съ неширокимъ въ серединѣ проходомъ. Затѣмъ въ этомъ проходѣ настораживаютъ петлю, другой конецъ которой привязанъ въ вершинѣ нагнутаго, при настораживаніи, молодаго деревца. По обѣ стороны прохода насыпаютъ или ягодъ или хлѣба. Рябчикъ съѣвъ ихъ по одну сторону и, видя ягоды за изгородью, перебираясь на другую сторону, въ проходѣ вскочитъ на насторожку

и деревцо выпрямляясь затягиваетъ въ петлю пойманнаго рябка. Также ловятъ и тетеревей. Кромѣ того на тетеревиныхъ токахъ иныя ставятъ петли, въ которыя попадаетъ довольно много тетеревей.

Нашъ лѣсникъ нетолько никогда не стрѣляетъ въ летъ, но даже и въ сидячую дичь бьетъ всегда съ прикладу, во первыхъ изъ экономіи, а во вторыхъ, и самое главное, боясь что про его промахъ узнаютъ мѣстные лѣсники и его засмѣютъ.

Многіе, какъ мнѣ пришлось замѣтить, изъ убитой дичи вынимаютъ дробины и по одной и много по двѣ кладутъ въ заряды въ увѣренности, — что выстрѣлъ сдѣланный съ такимъ зарядомъ непремѣнно попадетъ въ цѣль.

Идя на охоту они стараются уйти пораньше пока еще всѣ сосѣди спятъ, это для того чтобы охота была удачнѣе, съ этою же цѣлью нѣкоторые стрѣляютъ въ первую попавшую на глаза птицу, но если этотъ выстрѣлъ не удаченъ, то будетъ неудачна и вся охота.

Нахожу не лишнимъ привести охотничій заговоръ, записанный А. Е. Мерцаловымъ въ Задносельской волости Кадниковскаго уѣзда и напечатанный на 140 стр. сочин. Н. А. Иваницкаго: «Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи.»

ДЛЯ УДАЧНОЙ ОХОТЫ:

Во имя Отца, Сына и Св. Духа. Благослови меня, Господи, словеса говорить отъ земли до небесъ, отъ востока до западу. Встану я рабъ Божій (имя рекъ) благословясь и перекрестясь и пойду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ отвода въ заворье, въ чистыя поля, въ зеленыя луга, подъ солнечны лучи, подъ золоты кресты, на свѣтлый мѣсяцъ, лихіе люди глазомъ не оглядятъ, словомъ не оговорятъ, думой не подумаютъ и мыслямъ не помыслятъ: также на меня раба Божія (имя рекъ) глазомъ бы не оглядѣли, словомъ бы не оговорили, думой бы не подумали и мыслями бы не помыслили. И пойду я, рабъ Божій, въ чистое поле, въ широкое раздолье, и по гляжу я, рабъ Божій, на восточную сторону. На восточной сторонѣ стоитъ златая гора, на той на златой горѣ сидитъ старъ — матеръ человѣкъ сѣдатъ, бородатъ! Старъ — матеръ

23

человѣкъ сѣдатъ, бородатъ! Я пришелъ бы къ тебѣ, рабъ Божій, помолиться и поклониться тебѣ: наставь меня на путь на дорогу, оборони и сзади и спереди отъ всѣхъ злыхъ лихихъ людей, отъ кижениковъ отъ пострижениковъ, отъ лихихъ порчениковъ, отъ вороговъ, отъ ворожей, отъ колдуновъ и колдуней отъ всѣхъ злыхъ лихихъ людей! Ну, и позаганивай ты мнѣ птицы небесныя: тетеревей, тетерокъ, рябей, рябушекъ, бѣлыхъ куропатокъ, заморскихъ зайцевъ Тетерева, тетерки, рябы, рябушки, бѣлыя куропатки, заморскіе зайцы! Теките и бѣгите, какъ течетъ рѣка Волга и рѣка Которосль: она течетъ безъ умолку, безъ перемолку, денно и нощно ко мнѣ въ моменты, безъ повороту, безъ попяту, каждый часъ, каждую минуту, двадцать четыре часа. Въ моихъ моментахъ нѣтъ ни духу ни нюху Аминь! тьфу!»

Каждый лѣсникъ имѣетъ свою тропу или путь, на которой и ставитъ свои силья. Нѣкоторые ставятъ сильевъ до 200 и болѣе. Осматриваютъ силья обыкновенно разъ или два въ недѣлю.

Если на охоту ходили нѣсколько человѣкъ, то всю убитую дичь продаютъ и деньги дѣлятся между ходившими на охоту. Если среди нихъ попадётъ и такой, которому не удалось ничего убить, онъ все равно получаетъ одинаковую сумму денегъ при дѣлежѣ съ прочими.

Пойманные въ силья тетеревье и рябчики цѣнятся дешевле стрѣляныхъ и лѣсники для обмана покупателей или дѣлаютъ по нѣскольку проколовъ на каждой пойманой въ силья птицѣ гвоздемъ или шиломъ, или же кладутъ нѣсколько штукъ ихъ въ кучу и стрѣляютъ въ нее изъ ружья.

П. Кторскій.

* *
*

Когда я съ пыткою сомнѣнья
Гляжу на жизнь и на людей,
Желанье скорбное забвенья
Встаетъ въ больной душѣ моей...

Тамъ слышу я и крикъ и хохотъ,
Раздолье вижу для глупцовъ,
А здѣсь предсмертный тихій шопотъ
Толпой поруганныхъ бойцовъ...

То свѣтъ огней, то мракъ и холодъ...
Лобзанья жаркія, мечты,
А рядомъ стоны, слезы, голодъ...
Стоятъ могильные кресты...

И блескъ, и роскошь, и наряды
Я вижу въ жизни богачей,
Въ нуждѣ гнетущей безъ отрады
Бѣднякъ влачитъ всю тяжесть дней...

Никто не дастъ страдальцу руку,
Прижавъ несчастнаго къ груди,
Чтобы свою забылъ онъ муку,
Повѣрилъ въ счастье впереди...

Насъ то лишь властно покоряетъ,
Что блещетъ яркой мишурой,
Что мысль и чувства притупляетъ
Своею пестрою игрой...

Но слыша братскія рыданья,
Готовы мы порой вздохнуть,
Чтобъ показать, что ихъ страданья
Волнуютъ сильно нашу грудь...

Лишь на словахъ у всѣхъ стремленье,
Готовность ближняго любить,
На дѣлѣ-жъ — злоба и презрѣнье,
Девизъ — для личной жизни жить...

Вѣдь это мракъ сплошной, полночный,
А гдѣ-же свѣтъ весеннихъ дней?
Гдѣ правды отблескъ непорочный?
Гдѣ жизнь разумная людей?...

Ев. Чернобаевъ.

Мои слуги.

(очеркъ).

Въ 18** я жилъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ В—ской губерніи,—жилъ одиноко, занимая отдѣльный домъ въ четыре комнаты съ кухней. Хозяйствомъ у меня завѣдывала кухарка, дѣвица изъ сосѣдней деревни, не первой уже молодости, рябая и одноглазая. Такъ какъ такія «убогія» въ нашемъ крестьянствѣ никогда не выходятъ замужъ, то Ларисса, такъ звали мою кухарку, собиралась поступить въ монастырь. Это мнѣ было, кстати сказать, весьма на руку, ибо моя домоправительница постоянно сидѣла дома, работала, и я никогда не слыхалъ въ кухнѣ ни звона шпоръ, ни писка гармоники. Я былъ человѣкъ занятой и домосѣдъ; гости у меня бывали рѣдко, да и то въ одиночку, компаніей-же никогда не собирались, потому что въ карты я не игралъ и водки не выставлялъ. Возвратясь со службы домой, я проводилъ вторую половину дня чаще всего за письменнымъ столомъ. Проживши у меня съ полгода, Ларисса какъ то объявила мнѣ, что если я ей не откажу, то она не уйдетъ въ монастырь, такъ какъ видитъ, что у меня въ домѣ тише, чѣмъ въ монастырѣ и крайне этимъ довольна. Я отвѣтилъ, что весьма польщенъ подобнымъ отзывомъ, хотя, надо признаться, только терпѣлъ Лариссу, какъ неизбѣжное въ жизни зло. Не въ состояніи будучи самъ вести хозяйство, я вынужденъ былъ держать кого нибудь.

Впрочемъ и то сказать, присутствіе человѣка въ домѣ, хотя-бы и одноглазаго, вносило въ монотонную мою жизнь нѣкоторое оживленіе. Все таки что-то шевелилось тамъ въ кухнѣ, ходило, побрякивало посудой, а иногда и напѣвало. Ларисса была женщина несомнѣнно честная и будь она немного поумнѣе, я бы могъ сказать, что доволенъ ею столько-же, сколько она была довольна мною, но она отличалась глупостью и упрямствомъ и при этомъ имѣла скверную привычку *думать*, чего отъ нея вовсе не требовалось, привычку, нерѣдко выводившую меня изъ терпѣнія, хотя я и обладалъ этою способностью въ достаточной степени. Приведу два примѣра.

Когда наступила осень и пришлось топить всѣ печи, я, уходя изъ дому, говорю: смотрите, Ларисса, не затопляйте всѣхъ печей разомъ, а топите одну за другой.

Отдавая это приказаніе, я имѣлъ въ виду, что хотя трубы у печей и отдѣльныя, но если затопить всѣ печи разомъ, то въ комнатахъ не хватитъ воздуху для горѣнія и внѣшній воздухъ устремится по трубѣ одной изъ печей сверху внизъ, отъ чего печка станетъ, какъ говорится «выкидывать». Объяснять это Ларисѣ было-бы безполезно, потому что она не признавала существованія никакого воздуха, а была увѣрена, что если печка «выкидываетъ», то происходитъ это отъ того, что на трубу сѣлъ чортъ и не даетъ выходить дыму на улицу.

Прихожу домой и вижу отворенныя настежъ двери и полныя дыму комнаты.

— Почему же вы не сдѣлали какъ велѣно было? спрашиваю.

— А я *думала*, что не будетъ выкидывать, трубы-то вѣдь разныя...

На рынкѣ купленъ кусокъ мяса. Я говорю: хоть кусокъ и большой, зажарьте его цѣликомъ, не отдѣляйте ничего; мнѣ нуженъ будетъ весь кусокъ; слышали?

Говоря такъ, я имѣлъ въ виду, что въ тотъ день вечеромъ, мнѣ предстояло съѣздить на два дня въ уѣздъ и я хотѣлъ взять кусокъ жареной говядины на дорогу.

Прихожу домой обѣдать, Ларисса подаетъ въ плошкѣ какіе-то собачьи кусочки.

— Это что-же? спрашиваю.

— А я *думала*, если всю зажарить, такъ скоро испортится.

Иногда, отдыхая отъ занятій, я начну прохаживаться по комнатамъ, а Ларисса хотя и не особенно словоохотлива, начнетъ что нибудь разсказывать.

— У меня, баринъ, братецъ заболѣлъ.

— Отъ чего-же онъ заболѣлъ?

— Отвезъ сѣдока на станцію, да какъ назадъ возвращался, заблудился и попалъ въ болото.

— Какъ-же онъ могъ заблудиться, если ѣхалъ по дорогѣ?

— А ужъ нечистый его попуталъ.

— Пьянъ былъ, конечно?

— Выпивши немного былъ.

— Ну да; выпившихъ-то чертъ всегда за носъ водитъ.

— Увидалъ огонекъ; вообразилось ему, что постоялый дворъ, а тамъ дѣйствительно есть постоялый дворъ въ сторонѣ отъ дороги; онъ лошадей свернулъ, да и усадилъ всѣ тройку въ болото. Утромъ народомъ ужъ вытащили, а братъ-то и заболѣлъ отъ простуды.

— Такъ онъ ямщикъ, вашъ братъ?

— Въ ямщикахъ служитъ.

— Тяжелая это работа.

— Самая каторжная! Жалованья всего пять рублей получаетъ, да развѣ когда отъ проѣзжающихъ какой пятачекъ перепадетъ; а перегоны въ обѣ стороны большіе: въ одну сторону тридцать верстъ, а въ другую двадцать четыре, хоть и считается двадцать двѣ.

— Почему-же такъ?

— А видите-ли, какъ дорогу-то прокладывали, извѣстно тутъ землемѣръ былъ, онъ и подсмотрѣлъ, что мужики стерлядь большую изловили; говоритъ: отдайте мнѣ стерлядь, а мужики пожалѣли, не отдали. Онъ и закричалъ; ну ладно, будете эту стерлядь помнить! взялъ да и укралъ двѣ версты. Такъ вотъ ужъ теперь сколько лѣтъ ѣздятъ, и за каждую поѣздку по двѣ версты теряютъ; въ годъ-то это много рублей выйдетъ...

— А много-ли?

—Не сосчитать, баринъ.

—А много-ли разъ вашъ братъ въ недѣлю съѣздитъ?

—Разъ пять съѣздитъ.

– Ну, это если на пару тридцать копѣекъ, а въ годъ рублей пятнадцать.

—Это онъ одинъ, а вѣдь ящиковъ-то много, каждый по стольку-же теряетъ. А вся-то стерлядь трехъ рублей, поди, не стоила...

—Такъ каются мужики?

—Ужъ какъ и каются! Жаловаться ходили, такъ говорятъ: для васъ дорогу перемѣривать не будутъ.

Помолчавъ, она сказала: я, баринъ, нынѣшнимъ лѣтомъ къ соловецкимъ-бы сходила...

—Ну что-же, на здоровье. А чтобы соблазна меньше было, одѣньтесь въ мужское платье...

– Что это, какъ это можно! а волосы-то?

—Странникомъ одѣньтесь да волосы распустите; я вѣдь знаю, что иныя такъ дѣлаютъ. И на Аѳонъ вашъ братъ въ мужскомъ платьѣ пробирается...

II

Это было въ концѣ марта мѣсяца, подъ вечеръ. Я вышелъ изъ дому съ тѣмъ чтобы зайти въ лавку и сдѣлать кое какія покупки.

Весна въ томъ году наступила рано и въ городѣ было жарко и пыльно. По улицѣ, гдѣ сосредоточены главнѣйшіе магазины и лавки, шли кучками странники—мужики и бабы, подростки и дѣвки, направлявшіеся изъ разныхъ уѣздовъ по большей части въ новолжскія губерніи на лѣтнія работы: Я всегда съ любопытствомъ присматривался къ этимъ людямъ. На отхожіе промыслы идутъ обыкновенно люди передовые изъ народа въ смыслѣ физическомъ, а отчасти и умственномъ. Человѣкъ мало мальски слабый не пустится въ путешествіе за сотни верстъ на тяжелую работу; такіе остаются дома и правятъ тамъ хозяйствомъ. Такъ и на этотъ разъ я остановился у церковной ограды и, пропуская мимо себя десятки путниковъ,

присматривался къ ихъ лицамъ и костюмамъ, угадывая по этимъ костюмамъ и по говору, изъ какого угла нашей обширной губерніи они вышли. Вниманіе мое привлекли на себя четверо, шедшихъ гуськомъ: мужикъ среднихъ лѣтъ и три парня—одинъ лѣтъ 22-хъ, а двое лѣтъ по 18-ти. На всѣхъ были бѣлые армяки, подпоясанные пестрыми кушаками, мѣховыя шапки и берестяные лапти. Брели они медленно, едва волоча ноги, очевидно страшно утомленные.

—Откуда вы, любезные? спросилъ я, когда путники поровнялись со мной.

Мужикъ, шедшій впереди, остановился и отвѣтилъ, что идутъ они изъ отдаленнаго уѣзда, прошли уже 600 верстъ и теперь почти достигли цѣли своего странствованія: часа черезъ два доберутся до ** монастыря, въ 7 верстахъ отсюда, переночуютъ тамъ, а завтра надѣются сдѣлать послѣднія 40 верстъ и достичь губернскаго города, гдѣ наймутся на барки «сплавными» до моря.

Вмѣсто того, чтобы плестись еще семь верстъ до монастыря, я предложилъ имъ переночевать у меня.

Мужикъ былъ видимо удивленъ неожиданностью такого приглашенія и съ минуту колебался, оглядѣлъ своихъ спутниковъ, спросилъ: что, ребята? а такъ какъ ребята ровно ничего не отвѣтили, то онъ двинулся за мной; двинулись и ребята.

Въ кухнѣ они сбросили свои котомки и мѣшки, сняли лапти и надѣли сапоги. Ларисса между тѣмъ поставила самоваръ и когда онъ былъ готовъ, гости мои перешли въ столовую и принялись за чай. Я предоставилъ Ларисѣ угощать ихъ, а самъ вышелъ, чѣмъ они, вѣроятно, были очень довольны. Къ чаю я велѣлъ поставить пеклеванный хлѣбъ, но они до него не дотронулись (можетъ быть опасаясь, что я потребую за него плату), а достали изъ своихъ мѣшковъ деревенскіе пироги и шаньги и закусили.

Когда они кончили чай, насытились и поосмотрѣлись, я вышелъ къ нимъ и вступилъ въ бесѣду. Пожилой мужикъ оказался отцомъ двухъ смуглыхъ парней; третій былъ имъ не родня, а только спутникъ, односельчанинъ ихъ. Отцу было лѣтъ 40, не больше; свѣтлые какъ ленъ волосы его вились кудрями и изъ глубокихъ

владинъ смотрѣли голубые, кроткіе глаза. Говорилъ онъ тихо, безпрестанно оглядываясь на своихъ сыновей, какъ будто спрашивая, одобряютъ ли они его рѣчи; но всему было замѣтно, что онъ или имѣетъ слабый характеръ и во всемъ подчиняется дѣтямъ, или же любитъ ихъ безгранично. Оказалось и то и другое вмѣстѣ.

Старшій сынъ, Михайло, худощавый, но здоровый и стройный брюнетъ, смотрѣлъ совершеннымъ разбойникомъ. Голова его, покрытая цѣлой массой черныхъ кудрей, сидѣла гордо на бурой какъ голенище шеѣ; большіе каріе глаза глядѣли мрачно; онъ сидѣлъ потупившись, изрѣдка вставляя какое нибудь слово. Братъ его, Лавръ, тоже худенькій, посматривалъ на меня съ любопытствомъ живыми, карими глазами, на вопросы отвѣчалъ коротко, но опредѣленно и изрѣдка улыбался, показывая ослѣпительной бѣлизны зубы. Густые, темно-русые, прямые волосы спускались космами на лобъ и на виски и придавали его бронзовому лицу какое-то дикое выраженіе. Онъ напоминалъ мнѣ не то Робинзона, не то Мцыри.

Когда мы немного ознакомились другъ съ другомъ, я высказалъ, что хотѣлъ бы взять себѣ въ услуженіе мальчика и спросилъ, указывая на Лавра, не останется ли онъ у меня?

Отца этотъ вопросъ, какъ видно было, поставилъ въ тупикъ. Онъ то глядѣлъ на меня недоумѣвающимъ взглядомъ, то переводилъ взоръ на Лавра и молчалъ. Я пояснилъ, что работа у меня будетъ нетрудная: исполнять разныя услуги по дому, топить печи, носить дрова, ходить въ лавку и т. п. и за услуги эти я буду платить Лавру жалованья 5 руб. въ мѣсяцъ и при этомъ, конечно, кормить, а въ свободное время поучу читать и писать, такъ какъ онъ, разумѣется, неграмотный (да, неграмотный!)

Въ моемъ присутствіи отецъ не вступилъ бы, вѣроятно, въ объясненіе съ сыновьями, потому я вышелъ, предоставивъ имъ обсудить мое предложеніе между собою и дать мнѣ затѣмъ отвѣтъ.

Черезъ часъ или около того я снова вошелъ въ столовую. Старшій братъ и чужой парень вышли тотчасъ же въ кухню, Лавръ остался. Отецъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что Лавръ останется у меня, что на предлагаемыя мною условія онъ, т. е. Лавръ, согласенъ.

— Ну и прекрасно, а теперь мы болѣе толковать объ этомъ не будемъ, времени уже много, вы устали, ложитесь спать; а завтра утромъ еще побесѣдуемъ.

Я вышелъ, а гости мои расположились спать тутъ же въ столовой на полу.

На другое утро я всталъ въ 6 час. и, выйдя въ столовую, засталъ гостей моихъ уже на ногахъ. Выспавшись и отдохнувъ, они глядѣли гораздо веселѣе и отецъ, поблагодаривъ меня за гостепріимство и за угощеніе (прочіе не проронили ни слова, этого требовало приличіе) сталъ говорить о Лаврѣ. Онъ не заикнулся о томъ, что желалъ бы того-то и того-то для своего сына, не сдѣлалъ даже намека на возможность худого съ нимъ обращенія (вѣдь не зная меня совершенно, онъ могъ думать, что обращеніе это могло быть и дурнымъ), но высказалъ, что сынъ его не видѣлъ ничего, кромѣ своей деревни, не имѣетъ понятія о городской жизни и ея обычаяхъ, не знаетъ образа моей жизни и привычекъ, потому онъ, отецъ, проситъ меня быть снисходительнымъ къ мальчику и не вмѣнять въ вину его невѣжества и неумѣлости.

Можно было понять, что рѣчь эта готовилась долго и обдумывалась тщательно; потому я не прерывалъ ее ни однимъ словомъ и когда мужикъ кончилъ, отвѣтилъ, что понялъ его отлично (говоръ ихъ былъ совсѣмъ особенный), знаю, что Лавръ незнакомъ съ городской жизнію, но этимъ именно я и дорожу. Въ городѣ много найдется мальчиковъ, которые пойдутъ ко мнѣ въ услуженіе за половинную плату, но если бы они стали мнѣ платить деньги за то, что будутъ жить у меня и прислуживать, я бы ихъ ни за что не взялъ, потому что это народъ вконецъ испорченный: въ 15 лѣтъ они ужъ пьютъ водку, играютъ въ карты, развратничаютъ, воруютъ, франтятъ. Напротивъ, я желалъ бы, чтобы Лавръ оставался такимъ, каковъ онъ есть и ничѣмъ онъ такъ мнѣ не угодитъ, какъ оставаясь самимъ собою. Съ своей стороны я даю слово не обижать его, кормить до-сыта и аккуратно платить ему жалованье.

Рѣчь моя растрогала мужика; какъ-то растерянно положивъ руку на голову сына, онъ сказалъ взволнованнымъ голосомъ: слышь, Лаврикъ, что говорятъ? чего жъ тебѣ сомнѣваться?

Лавръ ничего не отвѣтилъ, а не поднимая головы, поднялъ на меня на секунду глаза и щеки его покрылись румянцемъ.

Мужикъ всталъ и отвѣсилъ мнѣ безмолвный и низкій поклонъ; всталъ и Лавръ, тоже поклонился и оба подали мнѣ руку. Это значило, что договоръ заключенъ, дѣло кончено, что рѣчи больше быть не можетъ объ отступленіи.

Подали самоваръ. Гости стали было отказываться, но я возразилъ: — Слушайте, друзья, вѣдь вы меня обижаете! Вчера вы не дотронулись до моего хлѣба, сегодня отказываетесь и отъ чаю. Вѣдь вы мои гости, а не постойщики и у меня не постоялый дворъ. Вотъ спросите эту дѣвицу, она вамъ скажетъ, что я не беру со своихъ гостей платы за хлѣбъ, за соль, а очень радъ, если кушаютъ.

Всѣ засмѣялись, даже угрюмый Михайло, стали пить чай и ѣсть хлѣбъ.

— Еще вотъ что я вамъ скажу, продолжалъ я. Жалованье свое Лавръ вѣроятно станетъ отсылать домой въ хозяйство, потому не возьмете-ли теперь впередъ рубля три? Денегъ, надо полагать, у васъ не густо и вамъ они пригодятся; навѣрное Лавръ на это согласится...

Отецъ вопросительно взглянулъ на Лавра. Лавръ ничего не отвѣтилъ, но Михайло метнулъ на нихъ молніеносный взглядъ и произнесъ сурово: не заслужилъ еще, а станетъ деньги брать! не надо, не надо! Затѣмъ взглянулъ на меня уже съ инымъ выраженіемъ, подалъ мнѣ руку и сказалъ: и такъ тебѣ много благодарны.

— Ну, хорошо, отвѣтилъ я и прибавилъ: вотъ этотъ мальчикъ чужой вамъ; вы не можете запретить мнѣ дать ему что нибудь. Я подалъ мальчику рубль и сказалъ: не сочти это за милостыню, дружекъ, а сбереги и когда домой вернешься, употреби въ хозяйство. Въ городѣ на рубль немного купишь, а въ деревнѣ онъ стоитъ дорого. Не откажи мнѣ, возьми.

Красный какъ ракъ, мальчикъ взялъ деньги и поблагодарилъ.

Напившись чаю, трое стали собираться въ путь. Я смотрѣлъ на Лавра. Онъ сдѣлался блѣденъ, подошелъ къ своему мѣшку, лежавшему на полу у стѣны, наклонился и стоялъ такъ съ минуту, пока прочіе одѣвались; очевидно, онъ плакалъ.

—Проводить ему насъ позвольте недалеко? спросилъ отецъ упавшимъ голосомъ.

—Ну, конечно, пускай проводитъ.

Мы распрощались. Лавръ, все стоя спиной къ прочимъ, надѣлъ свою шапку, имѣвшую видъ папахи и торопливо вышелъ въ сѣни. Я проводилъ гостей до крыльца и вернулся въ комнаты

III.

Проводивъ своихъ до окраины города, Лавръ вернулся. На глазахъ его не было замѣтно слезъ. Очевидно, онъ подтянулся и рѣшился войти не робѣя въ новую жизнь, что бы эта жизнь ему ни сулила.

Ради развлеченія, я повелъ его въ свой кабинетъ и въ залъ, показывалъ разныя вещи, цвѣты, картины. Онъ оглядывался кругомъ недоумѣвающимъ взоромъ: все это такъ мало походило на деревенскую обстановку и множество предметовъ онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни.

Затѣмъ я сѣлъ, посадилъ его рядомъ съ собой и сказалъ:

– Отецъ твой очень тебя любитъ, это я вижу. Ты ужъ большой мальчикъ и знаешь, что хорошо, что худо. Если ты меня не станешь обманывать, я тебя буду любить. Никогда не говори неправды, если сдѣлаешь что нибудь неладно, испортишь, разобьешь что нибудь—не утаивай этого, скажи сейчасъ. Держи себя чисто и старайся наблюдать во всемъ чистоту, не жалѣй на это времени. Вотъ сегодня наша Лариса истопитъ баню, сходи и вымойся и надѣнь чистую рубаху; а дѣлать сегодня ничего не надо, отдохни, посии, поѣшь, поправься съ дороги. Завтра мы станемъ вмѣстѣ дѣлать дѣло, а какое дѣло — я тебѣ покажу. Ходи и сиди вездѣ гдѣ хочешь, но вещей моихъ не трогай руками, особенно не трогай бумагъ и если увидишь на полу бумажку, не бросай ее никогда, а положи на столъ. Я запиралъ свои комнаты, но теперь не буду, оберегай ихъ и не давай входить безъ меня никому. Понялъ ты меня и будешь все дѣлать, какъ я тебя прошу?

— Буду, сказалъ онъ, прямо взглянувъ мнѣ въ глаза и прибавилъ: я тебя понялъ, не понялъ только *гумаги*...

Я взялъ клочекъ чистой бумаги и показалъ ему. Это какъ-же по вашему зовется?

— Грамотка, сказалъ онъ.

— Даже если на ней ничего не написано?

— Грамотка, повторилъ онъ.

— Ну хорошо, такъ я ужъ стану на тебя вполнѣ надѣяться. Отецъ твой назвалъ тебя Лаврикомъ, и я буду такъ тебя звать. Сейчасъ я пойду на службу, а ты сиди и отдыхай, съ Лариссой побесѣдуй, а скучно станетъ сидѣть сложа руки, возьми ножъ, настрогай мнѣ съ десятокъ вотъ такихъ палочекъ; для чего эти палочки — ты потомъ узнаешь.

Когда я вернулся домой, Лаврикъ сидѣлъ среди столовой на стулѣ; вокругъ его лежала куча стружекъ. Онъ дострагивалъ палочку, а десятка полтора готовыхъ лежали тутъ-же на столѣ.

— Не успѣлъ до *васъ* кончить, сказалъ онъ, вставая и стряхивая съ себя стружки. Потомъ подалъ мнѣ готовыя палочки и спросилъ: годятся-ли *вамъ* такія?

— То есть кому это вамъ? Мнѣ съ Лариссой?

— Зачѣмъ съ Лариссой? спросилъ онъ и покраснѣлъ до ушей.

— Это ужъ безъ меня выучили тебя говорить мнѣ *вы*? Не слушай впередъ бабьяго вздору, Лаврикъ, никогда не говори мнѣ вы, я вѣдь одинъ.

— Ну хорошо, сказалъ онъ.

— Палочки твои сработаны отлично, словно точеныя, спасибо. Ты потомъ увидишь, что строгалъ ихъ не для *васъ*, а для *насъ*, т. е. для меня съ тобой.

Послѣ обѣда Лаврикъ отправился въ баню и когда вернулся оттуда и предсталъ передо мною въ чистой рубахѣ и полосатыхъ шароварахъ, я его едва узналъ. Это былъ, правда, тотъ-же дикарь, но дикарь-красавецъ. Освобожденное отъ слоя грязи и пыли лицо его оказалось нѣжнымъ и чрезвычайно привлекательнымъ; худощавое, овальное, оно отличалось тонкими, правильными чертами; изъ подъ

темныхъ, точно нарисованныхъ бровей смотрѣли хотя нѣсколько угрюмые, но необыкновенно выразительные каріе глаза. Волосы были расчесаны безъ пробора; спереди они закрывали весь лобъ до бровей ровнымъ обрѣзомъ, а по бокамъ спускались ниже ушей; эта прическа придавала физіономіи Лаврика весьма оригинальный видъ

—Ну, ладно, сказалъ я, пойдемъ теперь и посмотри какъ я стану цвѣты садить, а завтра ты станешь помогать мнѣ.

На теплой лежанкѣ въ моемъ кабинетѣ стояли ящики набитые землей и покрытые мокрыми тряпками. Когда я снялъ одну тряпку, подъ ней оказались молоденькіе всходы разныхъ лѣтниковъ.

Я велѣлъ Ларисѣ принести съ чердака цвѣточные горшки и землю, просѣялъ эту землю, сталъ набивать ею горшки и высаживать всходы.

—Теперь и я могу дѣлать, сказалъ Лаврикъ.

—Ну, попробуй.

Онъ принялся за работу съ величайшимъ вниманіемъ и аккуратностью, какъ будто исполнять ее ему приходилось уже не одинъ разъ.

—Ты знаешь-ли, что это за травиночки и къ чему они высаживаются?

— Гдѣ мнѣ знать? Вижу только, что не морковь, не капуста, не рѣдька, а что-то другое.

—Да, тутъ съѣдобнаго ничего нѣтъ. Это все для глазъ.

—Для чего? переспросилъ онъ.

—Изъ этихъ травиночекъ выростутъ большіе и красивые цвѣты и мы будемъ на нихъ любоваться.

— Это хорошо, сказалъ онъ; а скоро они расцвѣтутъ?

—Если будемъ ухаживать за ними внимательно, то станутъ расти быстро и расцвѣтутъ скоро.

—Ты ужъ дай это мнѣ.

—Хорошо, но вѣдь ты многаго не знаешь, потому я стану наблюдать и показывать тебѣ.

—А долго-ли они будутъ цвѣсти?

—До осени, а осенью всѣ умрутъ.

—Умрутъ?

—Ну, да, вѣдь они тоже живые, родятся и умираютъ, какъ и все на свѣтѣ.

—Это правда, я самъ объ этомъ думалъ.

На другое утро, когда я всталъ, нѣсколько десятковъ горшковъ съ высаженными въ нихъ цвѣтами стояли уже по ранжиру вдоль стѣны столовой. Я осмотрѣлъ ихъ, все было сдѣлано очень хорошо.

Когда самоваръ поставили на столъ, я сказалъ:

—Садись, Лаврикъ, я тебя научу, какъ чай заваривать и разливать, ты ужъ потомъ самъ это дѣлай, а я вотъ возьму книжку и почитаю.

—У тебя много книгъ. Ты продаешь ихъ?

—Нѣтъ, зачѣмъ-же, я не торговецъ.

—Неужто-же ты всѣ эти книги прочиталъ?

—Всѣ прочиталъ.

—А это какая-же у тебя книжка?

—Евангеліе.

—Это чего?

—Евангеліе, развѣ ты не знаешь евангелія?

—Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, смягчая, по обыкновенію послѣднюю согласную и замоталъ головой.

—Неужто не слыхалъ, что есть такая книга: евангеліе? А въ церкви діаконъ говоритъ: святаго евангелія чтеніе?...

—Нѣтъ, твердилъ онъ.

—Да ты шутишь, Лаврикъ, ты бывалъ вѣдь въ церкви?

—Бывалъ, да рѣдко.

—Но все таки бывалъ? Что-же тамъ видѣлъ?

Онъ молчалъ.

—Что-же дѣлаютъ попъ да діаконъ?

—Поютъ.

—А люди, прихожане?

—Молятча.

—Ну, а развѣ ты не видѣлъ, что діаконъ выноситъ книгу и читаетъ?

—Видѣлъ, что выноситъ, да не книгу.

—А что же?

— Вотъ книга, отвѣтилъ онъ, указывая на маленькій томикъ, который я держалъ въ рукахъ, а то не книга.

— А что-же?

— Не знаю.

— Развѣ попы не бываютъ у васъ въ деревнѣ, не читаютъ по книжкѣ молитвы?

—Нѣтъ. Попы къ намъ заѣдутъ, петровщину или иное другое соберутъ и дальше ѣдутъ.

— Неужто-же они никогда не говорятъ съ вами о Богѣ, объ Іисусѣ Христѣ?

— Попи-те? Почишо?

— Да что ты, Лаврикъ! Мнѣ сдается, ты просто морочишь меня.

— Ето цево?

— Да ты знаешь, кто былъ Іисусъ Христосъ?

— Нѣтъ.

— Посмотри-ка на меня, Лаврикъ.

— Ну? спросилъ онъ и взглянулъ на меня яснымъ, спокойнымъ взглядомъ.

— Повтори-ка эти слова: Іисусъ Христосъ.

Онъ повторилъ съ трудомъ, какъ повторяютъ люди, незнакомыя имъ, *иностранныя* слова. Вотъ такъ казусъ! подумалъ я.

Я досталъ изъ книжнаго шкафа Новый Завѣтъ, на переплетѣ котораго былъ вытисненъ золотой крестъ и показалъ Лаврику.

— Это что такое?

Онъ молчалъ.

— Что это за фигура, за знакъ, для чего онъ?

Онъ думалъ, очевидно затрудняясь отвѣтомъ, и сказалъ наконецъ: гля басы́ (т. е. для украшенія).

— А ты умѣешь креститься, Лаврикъ? ну-ка, перекрестись.

Онъ перекрестился всей ладонью немного согнутой.

— А ты молишься Богу?

— Молюсь.

— О чемъ-же ты молишься?

— Чтобы Богъ далъ здоровьеца тятѣ.

— Ну а о себѣ?

— Чтобы и мнѣ Богъ далъ здоровьеца и ума.

— Ну а за христіанъ, за ближнихъ своихъ?

— За хресьянъ? переспросилъ онъ, не зная слова христіанинъ и думая, что я спрашиваю про крестьянъ, — нѣтъ, всякъ хресьянинъ самъ за себя молитча.

— Кто-же тебя выучилъ молиться?

— Тятя.

— А молитвъ не знаешь: Отче нашъ, Богородице?..

— Нѣтъ.

Оказывалось на повѣрку, что Лаврикъ былъ чистый язычникъ. Изъ послѣдующихъ бесѣдъ выяснилось, что, не имѣя понятія о Спасителѣ, Лаврикъ и о Богѣ имѣлъ самыя смутныя понятія, вѣрнѣе никакихъ. Весь его нравственный міръ держался на любви къ тятѣ. Тятя сказалъ: Лаврикъ, не лги, не обманывай, не бери чужаго и Лаврикъ, какъ я убѣдился, соблюдалъ эти отцовскія заповѣди чрезвычайно строго и свято. Онъ вѣрилъ въ существованіе дьявола (котораго звалъ «онъ») и въ то, что дьяволъ смущаетъ человѣка на дурныя дѣла, но вѣра въ домовыхъ, лѣшихъ, кикиморъ и т. п. была въ немъ довольно слаба, по крайней мѣрѣ онъ ихъ не боялся; впрочемъ, отказывался идти вечеромъ одинъ въ баню и мнѣ не совѣтовалъ ходить по вечерамъ, потому что «напугать можетъ». Въ заговорахъ и колдовствѣ онъ не сомнѣвался и ненавидѣлъ старухъ, всѣхъ безъ исключенія, говоря, что если и не всѣ онѣ «вѣльмы», то всѣ подозрительны.

IV.

Немного встрѣчалось мнѣ людей въ жизни, которые умѣли такъ скоро завоевать мои симпатіи, какъ умѣлъ это Лаврикъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, немного было людей, въ опредѣленіи истиннаго характера которыхъ я такъ путался, какъ въ опредѣленіи натуры Лаврика, не смотря на то, что жилъ онъ у меня два года и что у него не было отъ меня тайнъ, что онъ весь былъ тутъ, какъ какая нибудь клѣточка подъ микроскопомъ.

Въ самомъ началѣ я думалъ, что Лаврикъ — ограниченный умственно дикарь. Однако, оказалось, что дикарь онъ лишь въ моемъ домѣ, передъ моими вещами и книгами, передъ моими обычаями и привычками, передъ моимъ умственнымъ кругозоромъ, но въ своей сферѣ — нѣтъ, а «что есть истина?» Нормаленъ ли я въ своей обстановкѣ, со своими убѣжденіями и понятіями, со своимъ развитіемъ, или же нѣтъ, а, напротивъ, нормаленъ онъ со своими убѣжденіями, понятіями и развитіемъ. Это вопросъ.

Присмотрѣвшись къ Лаврику, я рѣшилъ, что онъ — человѣкъ съ довольно холоднымъ сердцемъ, мало чувствительный и впечатлительный, относящійся равнодушно къ чужому горю и страданіямъ, порою даже жестокій, не отзывчивый на ласку, не склонный къ привязанности.

Оказалось, что и это ошибка. Лаврикъ былъ только остороженъ и сдержанъ, но когда убѣдился вполнѣ, что я не намѣренъ держать его какъ батрака и обращаться съ нимъ какъ съ холопомъ, что я довѣрилъ ему и домъ мой и имущество, что я предоставилъ ему (съ уходомъ Ларисы) распоряжаться хозяйствомъ и вести его по своему усмотрѣнію, наконецъ, что я люблю его искренно и нелицемѣрно, онъ тогда только открылся и я увидѣлъ въ его душѣ безграничный міръ любви, безпредѣльной нѣжности и преданности, которыхъ и предположить даже было невозможно въ сердцѣ дикаго деревенскаго мальчика.

Наконецъ, убѣдившись въ ошибочности своихъ воззрѣній на Лаврика какъ на неразвитаго и грубаго дикаря, я впалъ въ другую крайность, я готовъ былъ считать его непогрѣшимымъ, свободнымъ отъ увлеченій, уравновѣшеннымъ субъектомъ, но увы, ошибся и въ этомъ. У Лаврика были свои грѣшки, свои слабости и недостатки, пристрастія, увлеченія, даже крайнія.

Приходившихъ ко мнѣ гостей Лаврикъ всегда оглядывалъ съ большимъ любопытствомъ и имѣлъ терпѣніе выстаивать по долгу у косяка въ сосѣдней комнатѣ, слушая наши разговоры, хотя многое въ этихъ разговорахъ должно было оставаться ему совершенно непонятнымъ. Если человѣкъ ему нравился, то онъ былъ съ нимъ до

тонкости вѣжливъ и деликатенъ, если не нравился, то Лаврикъ хмурился и съ усиліемъ скрывалъ свое неудовольствіе въ присутствіи нелюбимаго человѣка. Къ любезности и ласковому слову посторонняго лица онъ относился осторочно и даже недовѣрчиво, съ женщинами же, которыхъ онъ вообще считалъ существами ограниченными и ничтожными, бывалъ порою непозволительно невѣжливъ.

Одна барыня, жившая со мной по сосѣдству, пожаловалась мнѣ однажды, что Лаврикъ, влѣзши на заборъ ея сада, гдѣ она въ это время сидѣла и читала книгу, сдѣлалъ ей замѣчанія, сказавъ: что же у васъ «безъ пути» цвѣты-то насажены? развѣ можно розовые вмѣстѣ съ желтыми садить? Она назвала его за это мужикомъ и велѣла убираться съ ея забора, а онъ, сѣвши на заборъ спиной къ ней, сталъ свистать.

Я сдѣлалъ Лаврику выговоръ, не за замѣчаніе его о цвѣтахъ, а за то, что онъ безъ разрѣшенія влѣзъ на заборъ и былъ въ саду

—Какъ! воскликнулъ Лаврикъ, я не былъ у нея въ саду!

—Голова то твоя была же въ саду?

—Да, голова-то моя была, согласился онъ.

—Ну, а ты разсуди, если бы кто съ улицы сунулъ голову къ намъ въ окно, когда ты сидишь дома и занятъ дѣломъ, ты бы какъ эту голову принялъ?

—Я бы ей отвѣсилъ съ фунтъ вотъ этого, отвѣтилъ онъ, показывая кулакъ.

—Значитъ, ты былъ совершенно неправъ. Ты бы долженъ былъ сказать вѣжливо: позвольте мнѣ, сударыня, заглянуть къ вамъ въ садъ и посмотрѣть на ваши цвѣточки? Она бы отвѣтила: сдѣлайте одолженіе, Лавръ Ивановичъ, смотрите сколько угодно, и еще подарила бы тебѣ цвѣточекъ.

--Да, да! сказалъ онъ задумчиво, разумѣется, я сдѣлалъ неладно, но ужъ этого не поправить...

—Отчего не поправить? Можно извиниться.

—Ну ужъ нѣтъ!

—Нехорошо, Лаврикъ.

—Ужъ если ты велишь извиниться, такъ я извинюсь, пожалуй, только разговаривать не стану.

— Да вѣдь нельзя же извиниться, ни слова не говоря?

— Я и скажу: извините.

— И больше ничего?

— Больше ужъ ни словечка не прибавлю.

Видя, что Лаврикъ охотно занимается хозяйствомъ и присматривается со вниманіемъ къ тому, какъ и изъ чего Лариса готовитъ обѣдъ, я какъ-то спросилъ его: ты, я вижу, Лаврикъ, охотно помогаешь Ларисѣ стряпать, не хочешь ли самъ, безъ нея, попробовать сварить щи, зажарить мясо или рыбу? Вѣдь если и испортишь, это не бѣда.

Щеки его покрылись румянцемъ и онъ отвѣтилъ съ оттѣнкомъ ироніи: куда ужъ мнѣ стряпать! испорчу только доброе, да *васъ* въ убытокъ введу.

Занятый посторонними мыслями, я какъ-то мало обратилъ вниманія на отвѣтъ и на иронію Лаврика и позабылъ о нихъ. Но черезъ нѣсколько дней Лаврикъ доказалъ мнѣ, что вопросъ о стряпнѣ занималъ его давно, что онъ считалъ себя способнымъ замѣнить Ларису, какъ кухарку, и что ему до крайности этого хотѣлось.

Былъ у меня знакомый помѣщикъ, по фамиліи Моревъ, человѣкъ пустой, безхарактерный и безалаберный, но въ то же время глубоко несчастный, достойный всякаго сожалѣнія. О немъ въ средѣ городскаго общества высказывались самыя противоположныя мнѣнія, какъ и слѣдовало ожидать, потому что въ натурѣ Морева боролись два противоположныхъ элемента. Онъ могъ обмануть, оболгать, оклеветать самаго достойнаго человѣка, не считая этого за низость и черезъ часъ забывалъ о своемъ проступкѣ, и въ то же время онъ не жалѣлъ ни средствъ своихъ, ни силъ, если являлась возможность оказать матеріальную поддержку бѣдствующему человѣку. Съ психической стороны это былъ субъектъ для наблюденія крайне интересный, но я не имѣю въ виду о немъ распространяться. Я упомянулъ о немъ въ своемъ разсказѣ не ради его самого, а ради характеристики Лаврика, такъ какъ меня поразило то, что Лаврикъ разгадалъ этого человѣка сразу, не смотря на то, что безобразная въ нравственномъ отношеніи личность Морева прикрывалась красивою маскою простоты въ обращеніи и откровеннаго добродушія.

Моревъ жилъ въ своей усадьбѣ и, пріѣзжая по временамъ въ городъ, заходилъ ко мнѣ. Такъ однажды онъ зашелъ и засидѣлся, болтая со мной и заговаривая съ Лаврикомъ, который его видимо заинтересовалъ. Узнавъ, что Лаврикъ умѣетъ столярничать, Моревъ обѣщалъ привезти въ слѣдующій разъ и подарить Лаврику полную коллекцію столярныхъ инструментовъ.

Пришло время обѣда и Моревъ сѣлъ со мной за столъ. Лариса подала щи, сваренныя недурно, но за ними послѣдовали котлеты — подгорѣлыя и жесткія до такой степени, что нельзя было взять ихъ въ ротъ.

Я взялъ одну изъ этихъ котлетъ въ пальцы и сказалъ: должно быть такой котлетой моей Ларисѣ и вышибъ кто нибудь глазъ...

Моревъ покатился со смѣху, а Лаврикъ наклонился къ моему уху и прошепталъ: разрѣшите, я вамъ сдѣлаю *паклеты*...

— Валяй Лаврикъ, отвѣтилъ я. Лаврикъ исчезъ и черезъ полчаса на столъ явились двѣ превосходныхъ котлеты. Моревъ всплеснулъ руками.

— Да это чистое сокровище, вашъ Лаврикъ! я у васъ его отниму.

— Отнимать можно вещи и ... женъ, но нельзя отнять самостоятельнаго человѣка.

— Лавръ... какъ его по батюшкѣ?

— Ивановичъ.

— Лавръ Ивановичъ, пожалуйте сюда, мнѣ хочется съ вами побесѣдовать... Лаврикъ подошелъ и взглянулъ на Морева довольно угрюмо.

— Садитесь вотъ сюда на стуликъ.

— Ницево, я постою, сказалъ Лаврикъ.

— Садись же, садись...

— Нѣтъ.

— Ой, да какой ты упрямый! Ну хорошо, скажи же мнѣ, кто тебя выучилъ дѣлать котлеты?

— Видѣлъ, какъ дѣлаютъ, и я сдѣлалъ.

— Это ты вздоръ говоришь, потому что если бы сдѣлалъ такъ, какъ Ларисса сдѣлала, мы бы тоже ихъ ѣсть не стали...

—Такъ она дѣлала неладно...

—Должно быть, какъ онѣ жарились, она на тебя засмотрѣлась, котлеты-то и подгорѣли...

Эта шутка Лаврику не понравилась и онъ вдругъ брякнулъ: вишь, садиться-то и не стоило!

—О, да ты, милый мой, остроумецъ, да еще и щепетильный!

Лаврикъ повернулся и вышелъ изъ столовой.

По уходѣ Морева, я сказалъ Лаврику: Моревъ вѣдь добрый человѣкъ; онъ обѣщалъ тебѣ столярные инструменты и привезетъ, а ты къ нему не ласковъ.

—Невѣрный человѣкъ твой Моревъ, сказалъ Лаврикъ.

Въ слѣдующій свой пріѣздъ въ городъ Моревъ опять зашелъ ко мнѣ, конечно безъ инструментовъ, о которыхъ и не упомянулъ, но тотчасъ же освѣдомился о Лаврикѣ.

—Онъ въ кухнѣ, сказалъ я.

Моревъ позвалъ Лаврика, тотъ не откликнулся, Моревъ пошелъ въ кухню, но Лаврикъ выскочилъ въ сѣни и исчезъ.

—Какой дикарь! воскликнулъ Моревъ, а все таки ужасно интересный. Право, отдайте его мнѣ.

—Возьмите у меня Ларису, сказалъ я въ шутку.

—Благодарю покорно! Этихъ дуръ у меня у самого полонъ домъ. Нѣтъ, серьезно, уступите его мнѣ.

—Оставимте лучше этотъ разговоръ, онъ что-то пахнетъ крѣпостнымъ правомъ. Все равно, Лаврикъ къ вамъ не пойдетъ.

--Это почему?

—Да потому, что вы ему не нравитесь.

—Должно быть, вы меня хорошо ему отрекомендовали? спросилъ Моревъ начиная раздражаться.

Я постарался перевести разговоръ на другую тему. Моревъ, просидѣвъ съ четверть часа, собрался уходить. Въ эту минуту вошелъ Лаврикъ и подалъ мнѣ письмо.

—А! вотъ онъ гдѣ! воскликнулъ Моревъ, ну, я тебя сейчасъ и увезу...

—Какъ же ты меня увезешь? я не полѣно, что меня можно взять да въ телѣгу бросить...

—Я тебя и не брошу въ телѣгу, а посажу въ тарантасъ. Неужели ты ко мнѣ не пошелъ бы жить, если бы я тебя взялъ на большое жалованье?

—Не надо мнѣ твоего жалованья.

—Да вѣдь ты здѣсь-то за жалованье-же служишь?

—Ты, можетъ, за жалованье служишь, а я могу служить и безъ жалованья.

—Вотъ онъ каковъ народецъ-то нынче, сказалъ Моревъ злобно Можно ли подумать, что человѣка на улицѣ подняли!

—Тебя, можетъ пьянаго на улицѣ подымаютъ, а меня еще не подымали! закричалъ Лаврикъ. Онъ весь дрожалъ отъ гнѣва и щеки его пылали.

—Нельзя ли прекратить эту глупую сцену, сказалъ я Мореву. Лаврикъ, уйди!

—Глупую сцену? спросилъ Моревъ, нахмуривъ брови. Я, напротивъ, не ожидалъ, что будучи гостемъ въ вашемъ домѣ, наслушаюсь дерзостей отъ вашего слуги!..

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью.

V.

Выйдя какъ-то за городъ для прогулки вмѣстѣ съ Лаврикомъ, я спросилъ: скажи мнѣ Лаврикъ, ты бы управился одинъ съ хозяйствомъ?

—Ну какъ не управился бы! отвѣтилъ онъ.

—Такъ я отпущу Лариссу, а ты хозяйничай какъ знаешь. Мнѣ почему-то кажется, что тебѣ одному хотѣлось-бы хозяйничать...

—Да, отвѣтилъ онъ, взглянулъ на меня и разсмѣялся. Ты какъ объ этомъ догадался?

—Ужъ и самъ не знаю, какъ.

—Ахъ ты! воскликнулъ онъ и взялъ меня подъ руку, но тотчасъ-же и отдернулъ свою руку.

—Что, горячо?

—Не горячо, а какъ ты это слово говоришь? Не-при-лично...

Ларису я отпустилъ и Лаврикъ принялъ хозяйство въ свои руки. И какъ онъ его повелъ толково, практично и добросовѣстно — я только дивился. Не зная цифръ, Лаврикъ заносилъ расходъ посредствомъ нарѣзокъ на палочкахъ (бирки), но скоро выучился считать и писать цифры и тогда сталъ все записывать въ книгу, которая содержалась у него въ образцовомъ порядкѣ.

Здѣсь я приведу небольшія выписки изъ своего дневника, которыя охарактеризуютъ Лаврика и его отношенія къ дѣлу и ко мнѣ лично.

Лаврикъ—человѣкъ нервный въ лучшемъ значеніи этого слова. Всякое взятое имъ на себя дѣло, будь это мытье посуды, чистка сапогъ, пересадка цвѣтовъ—событіе. Какъ-то я сказалъ: когда у насъ будетъ вечеромъ самоваръ, надо не забыть отлить теплой воды для поливки двухъ цвѣтковъ наверху, я это забылъ сдѣлать давеча. Лаврикъ ничего не отвѣтилъ, но до вечерняго самовара онъ мучился мыслію полить два несчастныхъ цвѣтка наверху.

Степановъ (статскій генералъ, начальникъ того учрежденія, гдѣ я служилъ), сталъ его личнымъ врагомъ, потому что когда Степанова въ городѣ нѣтъ, то я прихожу со службы домой аккуратно въ половинѣ втораго и къ моему приходу все готово, но когда Степановъ въ городѣ, то я говорю обыкновенно, уходя: ну, Лаврикъ, сегодня я вернусь домой въ два, можетъ въ половинѣ третьяго, а можетъ и въ три. И Лаврикъ буквально блѣднѣетъ отъ ужаса. Онъ нарочно ходилъ «высматривать» Степанова, чтобы убѣдиться, что это—драконъ, который нарушаетъ порядокъ дня, который бываетъ причиной невообразимаго несчастія: переварки «макаронъ» или пережаренія «паклетъ».

Рыба передъ жареньемъ обваливается въ мукѣ. Какъ-то Лаврикъ объявляетъ, сконфуженный, что муки нѣтъ и достать негдѣ: сегодня праздникъ и лавки заперты.

—Такъ возьми булку, высуши ее въ печкѣ и когда высохнетъ—истолки.

—А чѣмъ истолочь?

—Каблукомъ, говорю я въ шутку.

Лаврикъ укоризненно покачивая головой, замѣчаетъ: другой разъ не извольте такъ говорить!

— Истолки въ ступкѣ, Лаврикъ.

— Вы изволили забыть, что ступка расколота? Не сами-ли вы смѣялись, что Лариса заглянула въ ступку, а та и лопнула.

— Ну, такъ я ужъ не знаю, Лаврикъ, что и придумать...

По возвращеніи моемъ домой, Лаврикъ встрѣчаетъ меня съ сіяющимъ лицомъ и объявляетъ, что онъ не толокъ сухари, а измололъ ихъ въ кофейной мельницѣ и результаты получились превосходные.

Я погладилъ его по головѣ и сказалъ: какой ты умный мальчикъ, Лаврикъ, я просто не могу нарадоваться.

На Лаврика такъ подѣйствовала эта ласка и похвала, что онъ вдругъ потерялъ аппетитъ и не могъ обѣдать.

Какъ-то я проснулся раньше обыкновеннаго, всталъ, одѣлся и вошелъ въ кухню, гдѣ Лаврикъ спалъ. Онъ вдругъ вскочилъ, какъ ужаленный, и устремилъ на меня взглядъ полный такого страха, что я самъ испугался.

— Что ты, Лаврикъ, успокойся, говорилъ я, сѣвъ къ нему на постель. Ну что за важность, вѣдь еще очень рано. Мнѣ не поспалось сегодня.

Но ничто не могло его утѣшить. На его подвижномъ лицѣ выражалось грустное сознаніе, что вотъ я сейчасъ умоюсь, и самоваръ не будетъ готовъ къ тому моменту и онъ подастъ мнѣ его «безумывшись» и «грязнима рукама».

Другой разъ я отъ души смѣялся по слѣдующему поводу. Возвращался я со службы въ резиновыхъ калошахъ и потому неслышно подошелъ къ дверямъ кухни; двери эти были отворены настежь. Смотрю, Лаврикъ лежитъ на полу, на спинѣ, головой къ двери, положивъ руки подъ голову и ведетъ самъ съ собой разговоръ:

— Я пойду и скажу: ваше преево... присхо... восхо... (плюетъ; очевидно, хочетъ произнести превосходительство и не можетъ), скажу: господинъ присѣдатель! пошшо вы изволите задерживать въ вашемъ правленіи до трехъ цасовъ моего Никанорушку Александровиця! Нельзя-ли быть повѣшливѣе и отпушшать моего голубцика, мою тысцю, моего мильвонцика пораньше... (грубымъ голосомъ) ахъ ты, такой сякой!—Никакъ нѣтъ, я не такой-сякой, а я называюсь Лавръ Ивановицъ и вы извольте быть повѣшливѣе и ручкима вашима не размахивать...

Я потихоньку отступилъ назадъ, боясь испугать Лаврика неожиданнымъ появленіемъ и кашлянулъ.

Лаврикъ вскочилъ и встрѣтилъ меня въ сѣняхъ. Я не подалъ было виду, что слышалъ что нибудь, но вечеромъ не утерпѣлъ и началъ разсказывать Лаврику: сегодня, Лаврикъ, я пришелъ къ генералу и говорю: нельзя ли, ваше превосходительство, отпустить меня пораньше потому что у меня Лаврикъ сердится, если я прихожу поздно. А онъ мнѣ отвѣчаетъ: а мнѣ какое дѣло до вашего Лаврика, ахъ онъ такой-сякой! Я говорю: нѣтъ, извините, ваше превосходительство, онъ не такой-сякой, а...

Лаврикъ, начавшій меня слушать съ любопытствомъ, вдругъ догадался въ чемъ дѣло, закрылъ лице руками, бросился въ кухню и влѣзъ на полати. Я насилу могъ вызвать его оттуда.

Любознательности онъ проявляетъ мало. Начнешь разсказывать ему что нибудь, онъ слушаетъ внимательно, но безъ особеннаго любопытства. Какъ-то я сталъ читать ему одинъ живой и интересный разсказъ. Онъ слушалъ нѣсколько минутъ, вдругъ вскочилъ и пошелъ въ сосѣднюю комнату.

—Что случилось? спрашиваю.—А я думалъ, чтобы сапоги твои (только до того вычищенные) не «пекастились» (т. е. не запачкались), такъ завернулъ ихъ въ «газетъ». Чтеніе мое изъ священной исторіи о страданіяхъ Спасителя вызвало его восклицаніе.

Онъ началъ у меня учиться читать и писать, но это ученье шло не особенно быстро; онъ смотрѣлъ на него какъ на дѣло побочное, какъ на забаву, пожалуй. Впрочемъ первыя слова, прочтенныя имъ самостоятельно, привели его въ восхищеніе. Я лежалъ на кушеткѣ, какъ Лаврикъ вошелъ ко мнѣ съ книжкой въ рукахъ, сталъ на колѣни передъ кушеткой и сказалъ: а я разобралъ, что тутъ написано!

—Ну и что же вышло?

– Русское мысло!

Получавшіеся мною съ каждой почтой номера «Новаго Времени» долго возбуждали недоумѣніе Лаврика; онъ полагалъ, что мнѣ присылаются каждый разъ одинаковые листы, т. е. на каждомъ листѣ «Новаго Времени» напечатано одно и тоже, и не могъ понять,

какой интересъ нахожу я, читая постоянно это одно и тоже. Съ трудомъ могъ я объяснить ему, что разсказы все разные. Онъ съ сомнѣніемъ покачивалъ головой и возражалъ: зачѣмъ-же на каждомъ листѣ стоитъ «Новое Время» и «Новое Время», если разсказы разные и, наконецъ, откуда-же набираютъ столько разсказовъ, чтобы наполнить 28 огромныхъ страницъ въ недѣлю?

Гулять одинъ онъ почти никогда не выходилъ, но если я приглашалъ его съ собою, глаза его загорались отъ восторга и онъ сейчасъ-же бѣжалъ умываться, хотя-бы въ этомъ не было никакой надобности. Одинъ онъ выходилъ чтобы пройтись недалеко по улицѣ и посидѣть гдѣ нибудь на палисадникѣ, но непремѣнно такъ, чтобы имѣть домъ въ виду. Онъ до того былъ погруженъ постоянно въ интересы минуты, что все внѣшнее его мало и привлекало, исключая одного обстоятельства, о которомъ я разскажу ниже.

Лаврикъ былъ разговорчивъ, но не болтливъ и осуждалъ эту слабость въ людяхъ. Онъ любилъ разсказывать и передавалъ съ полной откровенностью и свои семейныя тайны и собственные секреты. Въ его разсказахъ, всегда правдивыхъ и образныхъ, меня поражало не рѣдко жестокое отношеніе народа къ своимъ ближнимъ, особенно къ женщинамъ и дѣтямъ женскаго пола, «дѣвчонкамъ», какъ ихъ называютъ.

—Мы какъ-то съ товарищемъ поѣхали черезъ рѣку въ лодкѣ, разсказывалъ Лаврикъ, и взяли съ собой дѣвчонку лѣтъ трехъ, которую знакомая баба просила отвезти къ матери. Вѣтеръ дулъ сильный, насъ качало, а дѣвчонка ревитъ. Я ее пристращалъ, говорю: молчи, дьяволенокъ, не то въ воду брошу. Рѣка-то противъ нашей деревни двѣ версты шириной и до того-же эта дѣвчонка намъ надоѣла! Къ берегу мы подъѣхать не могли, потому что мелко очень, пришлось тащить лодку. Я говорю: Катька, выходи вонъ, добредешь! а она не хочетъ. Я ее высадилъ въ воду, да еще шлепка весломъ далъ, она закинула рубашонку на голову и побрела.

—Какъ-же вамъ не совѣстно было? спросилъ я; развѣ не могли ее оставить въ лодкѣ и подтащить, тяжела-ли дѣвочка!

—Тяжела-ли? какъ ты думаешь: пуда два; шутка тащить!

—Ну что-же, она выбрела?

— Выбросить-то выбрела, только съ перепугу-ли, отъ простуды-ли захворала и померла.

— Ахъ вы разбойники!

— Да что ихъ жалѣть, дѣвчонокъ-то, отвѣтилъ Лаврикъ хладнокровно. И матка-то ее не очень жалѣла.

Въ томъ краю, откуда Лаврикъ былъ родомъ, живетъ не мало раскольниковъ. Иные изъ этихъ людей, уходятъ въ лѣса за много верстъ «искать праведной вѣры», какъ они выражаются, строятъ тамъ скиты и живутъ.

По поводу нѣмецкаго языка мнѣ не забыть никогда одного вечера. Моя мать пріѣхала ко мнѣ въ гости. Мы съ нею изрѣдка перекидывались нѣмецкими фразами. Лаврикъ это слышалъ и улыбался. Онъ принималъ это за шутку, т. е. думалъ, что мы, какъ это дѣлаютъ нерѣдко дѣти, играя другъ съ другомъ, начнутъ подбирать и произносить несуществующія слова, такъ, ради забавы и смѣху. Но вотъ получивши съ почты мемуары Генриха Гейне, которые я до того не читалъ, предложилъ матери читать книгу по очереди вслухъ.

Мы усѣлись въ кабинетъ. Я началъ чтеніе первый. Лаврикъ, услыхавъ, что читаютъ что то, пришелъ изъ кухни и остановился въ дверяхъ кабинета, прислонившись плечомъ къ косяку. Я взглянулъ на него: онъ улыбался.

Я продолжалъ чтеніе. Лаврикъ подошелъ ко мнѣ, заглянулъ сперва въ книгу, потомъ мнѣ въ лицо и засмѣялся.

Кончивъ главу, я передалъ книгу матери. Лаврикъ слушалъ ее нѣсколько минутъ, вдругъ брови его нахмурились, онъ сдѣлалъ «тьфу!» пошелъ въ кухню и затворилъ за собою дверь.

Оказалось на повѣрку, что Лаврикъ зналъ о существованіи одного только «не нашего» языка — зырянскаго. Онъ видывалъ зырянъ и слышалъ, какъ они «лепечутъ», но не признавалъ этого лепетанья за языкъ, а относился къ нему какъ къ сорочьему стрекотанью, вороньему карканью, собачьему лаю. И вдругъ серьезные люди — мужчина и старуха берутъ книгу и начинаютъ бормотать. Натурально, всѣ эти смѣшныя слова они придумываютъ сами и дѣлаютъ это съ цѣлью попутить, посмѣшить другъ друга и его, Лаврика. Но проходитъ часъ и больше, шутка что-то ужъ очень затягивается и пре-

вращается въ глупость, въ издѣвку надъ нимъ, Лаврикомъ. А такъ какъ Лаврикъ очень обидчивъ, то плюетъ и уходитъ.

Я писалъ тогда въ своемъ дневникѣ: подумать только, какъ я теперь живу и до чего допускаю баловать себя! Лишь только всталъ съ постели, самоваръ уже готовъ. Умываюсь самой холодной водой (этотъ желаемый холодъ воды поддерживается все лѣто съ замѣчательной заботливостью), беру книгу и сажусь пить чай. Стаканъ поставленъ передо мной; подлѣ него положены папиросы и спички. Когда иду на службу, на мнѣ все чисто до блеска, до сіянія. Если погода «склонна къ дождю» передъ моимъ носомъ поставлены калоши—правая направо, лѣвая налѣво, въ руку мнѣ подается зонтикъ, у котораго резинка уже спущена, если дождь идетъ. На службѣ я сижу и знаю, что когда вернусь домой, то обѣдъ уже на столѣ, и если день почтовый, то газеты положены подлѣ тарелки. Тарелки безукоризненно чисты, кушанье наготовлено отлично и въ немъ нѣтъ ни мухъ, ни таракановъ, ни мочалокъ.

Лаврикъ, пообѣдавъ и убравъ посуду, приходитъ умытый, причесанный, съ руками до того тщательно вытертыми, что самъ смотритъ на нихъ и любуется и начинаетъ читать вслухъ или писать. Позанявшись говоритъ: я схожу куда нибудь. Это значитъ, что онъ отправится къ воротамъ, посидитъ тамъ или дойдетъ до моста и вернется. Вечеромъ я занимаюсь; онъ сидитъ подлѣ меня и тоже что нибудь дѣлаетъ. Въ девять часовъ начинаетъ хлопать глазами, лицо его становится до того несчастнымъ, что я не могу не смѣяться.

—Что-же ты сидишь и маешься? Иди, ложись съ Богомъ.

— Да, ужъ я пойду, отвѣчаетъ онъ плачевнымъ голосомъ, подаетъ мнѣ руку и уходитъ.

Привязанность его къ вещамъ доходитъ до смѣшного. Шесть пеларгоній расцвѣтаютъ и всѣ оказываются розовыми. Я говорю: слушай, Лаврикъ, двѣ мы оставимъ себѣ, а остальныя я подарю кому нибудь.

Лаврикъ мѣняется въ лицѣ и возражаетъ: зачѣмъ-же дарить?

— На что-же намъ шесть одинаковыхъ?

—Какъ на что? онѣ будутъ у насъ красоваться.

—Развѣ тебѣ жалко отдать?

—Какъ-же не жалко! какъ-же не жалко! восклицаетъ онъ съ нервною дрожью въ голосѣ. Если ты подаришь кому нибудь, я не понесу ихъ.

—Неужели не понесешь, если я велю тебѣ отнести?

—И велишь, да я не понесу, говоритъ онъ подымая голову и сверкая глазами.

—Нехорошо, Лаврикъ! Что-жъ, я самъ отнесу.

Онъ задумывается и произноситъ тихонько: а я не дамъ.

—Какъ-же не дашь? вѣдь онѣ мои?

—И твои, да не дамъ, говоритъ онъ почти со слезами.

—Ну, а если промѣнять на другіе цвѣты, какихъ у насъ нѣтъ?

—Это можно, заявляетъ онъ серьезно и прибавляетъ торопливо: только чтобъ были хорошіе!

Смерть одного карася въ акваріумѣ повергла Лаврика въ неописанное волненіе. Онъ подвелъ меня къ акваріуму, сжалъ ладонями свои щеки и долго стоялъ такъ, вперивъ глаза въ мертвую рыбку, лежавшую на боку на поверхности воды, потомъ отнялъ одну руку отъ лица и потрогалъ карася за хвостикъ, затѣмъ взялъ двумя пальцами за спинку и сталъ водить, какъ будто карась плавалъ самъ, наконецъ махнулъ рукой и отошелъ.

VI.

Зимою слѣдующаго года я долго страдалъ зубною болью, или вѣрнѣе—невральгіей лѣвой половины лица. Послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей я ослабѣлъ до того, что едва могъ вставать съ постели, похудѣлъ какъ тяжко больной. Въ эти печальные дни и ночи Лаврикъ ухаживалъ за мной такъ, какъ не могла-бы ухаживать никакая сестра милосердія, такъ что самъ похудѣлъ и ослабъ, изстрадавшись за меня. Ему не вѣрилось, что моя слабость происходитъ единственно отъ безсонницы, онъ думалъ, что во мнѣ кроется какая-то опасная болѣзнь. Мнѣ приходилось насильно посылать его изъ дому прогуляться, и то онъ не всегда слушался, увѣряя, что меня нельзя оставить одного даже на полчаса времени. Онъ ложился спать на полу у моей постели и лишь послѣ усиленныхъ моихъ просьбъ пе-

реходилъ на лежанку тут-же въ комнатѣ, спалъ безпокойно, безпрестанно поднимался и спрашивалъ, не надо-ли мнѣ чего.

Въ тѣ ночи, когда я не могъ заснуть можно сказать ни на минуту, онъ, стоя на колѣнахъ у моей постели, дожидался когда приступы боли кончатся и если я говорилъ: ну вотъ теперь, Лаврикъ, легче, теперь я могу опять разговаривать съ тобой, онъ бралъ меня за руку, гладилъ ее и, смотря мнѣ въ лицо со слезами на глазахъ, называлъ меня самыми нѣжными именами и когда запасъ ихъ истощался, придумывалъ свои, такъ что я не взирая на страданія, не могъ не усмѣхаться, слушая его.

Какъ-то возвратясь съ прогулки, Лаврикъ сообщилъ мнѣ таинственно, что въ городѣ есть старикъ, который наговариваетъ на воду и просилъ позволенія сходить къ этому старику съ тѣмъ, чтобы принести воды.

—Полно, Лаврикъ это вздоръ, сказалъ я.

—Я тебѣ говорю, что не вздоръ, послушайся меня, дружокъ мой, миленькій мой, тысяча моя, послушайся, дай мнѣ сходить, дай, дай, дай!

—Ну хорошо, сходи и принеси.

Лаврикъ схватилъ фуражку, накинулъ свой кафтанчикъ и исчезъ. Черезъ часъ онъ вернулся, неся бережно подъ полой бутылку изъ подъ зельтерской воды.

—Въ стаканъ не наливай, а прямо глотни, слышь, не наливай!...

—Хорошо, хорошо. Ты видѣлъ, какъ онъ заговаривалъ?

—Видѣлъ.

—Что-же онъ говорилъ?

—Онъ читалъ молитву.

—Громко читалъ, или про себя?

—Не шибко. читалъ долго, потомъ сказалъ: возьми, снеси своему барину, Богъ поможетъ, скоро пройдетъ боль. Я ему денегъ давалъ— не беретъ ни почемъ, не продаю, говоритъ, молитвы своей, это отъ Бога. А бутылка наша, ты не думай, что грязная какая...

Я глотнулъ изъ бутылки и возвратилъ ее Лаврику. Онъ смотрѣлъ на меня горящимъ взоромъ, точно ожидая, что сейчасъ свершится чудо, что я встану, скажу: ну вотъ теперь все прошло, теперь

стану спать. Но увы! молитва добраго старика была, должно быть недостаточно сильна, я не почувствовалъ ни малѣйшаго облегченія.

—Ну выпей еще, говорилъ Лаврикъ и слезы катились у него изъ глазъ, выпей еще, голубчикъ мой.

Я выпилъ.

—Ну, скажи, полегче-ли тебѣ?

—Нѣтъ, Лаврикъ.

—Ну да ты скажи, все таки скажи, что полегче!...

—Ну полегче, Лаврикъ.

—Засни-же теперь. Онъ окуталъ меня одѣяломъ, самъ сѣлъ въ ногахъ на мою постель и замолкъ. Черезъ минуту голова его склонилась, тѣло перегнулось на бокъ и онъ заснулъ мертвымъ сномъ. Не помню какъ, я заснулъ и самъ. Когда проснулся, было уже свѣтло. Лаврикъ лежалъ на спинѣ съ закинутой головой и храпѣлъ. Боль моя дѣйствительно уменьшилась, только изрѣдка щеку покалывало, точно булавками.

Я лежалъ неподвижно и ждалъ, что Лаврикъ проснется. Онъ открылъ глаза, всталъ потихоньку и долго держался руками за голову, которая вѣроятно болѣла отъ прилива крови, потомъ приблизился ко мнѣ на цыпочкахъ, наклонился и прислушался. Я не шевельнулся и не открылъ глазъ. Онъ расправилъ мои волосы, упавшіе на лобъ, прикрылъ мнѣ руки одѣяломъ и, отходя отъ постели, погрозилъ мнѣ пальцемъ, точно хотѣлъ сказать: смотри, не просыпайся.

Я опять заснулъ и проснувшись, увидѣлъ Лаврика умытаго и гладко причесаннаго, стоявшаго у моей постели.

—Ну вотъ, Лаврикъ, мнѣ и полегче.

—Я говорилъ тебѣ: послушайся меня, теперь самъ видишь.

Въ теченіе слѣдующей недѣли боли мои хотя и возвращались, но не съ прежней уже силой и дозволяли мнѣ заснуть, а черезъ недѣлю я уже сталъ выходить на улицу. Какъ разъ въ это время случилось происшествіе, поставившее меня въ совершенный тупикъ относительно Лаврика.

Было морозное утро. Мы встали, по обыкновенію, рано. Я стоялъ передъ зеркаломъ и расчесывалъ волосы; Лаврикъ дожидался, когда закипитъ самоваръ, чтобы подать его на столъ, какъ вдругъ

ударилась въ набатъ. Передо мной какъ метеоръ мелькнуло мертвенно блѣдное лице Лаврика, затѣмъ послышался стукъ двери, грохотъ шаговъ на лѣстницѣ и—все затихло.

Я подошелъ къ окну. Дыму нигдѣ не было видно по близости, по улицѣ бѣжалъ народъ. Я стоялъ и ждалъ, что Лаврикъ сейчасъ вернется и скажетъ, гдѣ пожаръ. Но все было тихо. Самоваръ зашипѣлъ и засвистѣлъ. Я прикрылъ его крышкой, поставилъ на столъ и заварилъ чай. Лаврика не было.

Шумъ и говоръ на улицѣ затихли, значитъ горѣло гдѣ нибудь далеко отъ меня. Я выпилъ стаканъ чаю, Лаврика не было, выпилъ второй и взглянулъ на часы: половина осьмого, Лаврика нѣтъ.

На лѣстницѣ послышались шаги, но это не были шаги Лаврика. Вошелъ знакомый мнѣ фельдшеръ.

— Что же это у васъ, точно лѣтомъ, всѣ двери настежъ? спросилъ онъ.

— Право? То-то я чувствую, что мнѣ холодно ногамъ и не догадываюсь, отчего. Гдѣ это пожаръ?

— Большой пожаръ, я сейчасъ оттуда. Горитъ домъ купца Деснина, не знаю, отстоятъ ли сосѣдній домъ.

Я пригласилъ гостя сѣсть и налилъ ему стаканъ чаю. Прошелъ еще часъ, Лаврика нѣтъ. Мною овладѣло безпокойство. Не случилось ли съ нимъ чего, не задавили ли его какъ нибудь?

— Сходимте на пожаръ, сказалъ я.

Мы одѣлись и вышли; я заперъ домъ на замокъ. Пройдя два квартала и повернувъ за уголъ, увидѣлъ вдали горѣвшій домъ.

— Слава Богу, сосѣдній-то отстояли, сказалъ фельдшеръ.

Вся улица передъ пылающимъ зданіемъ была запружена народомъ. Я пробирался тихонько въ толпѣ, отыскивая глазами Лаврика, но нигдѣ его не было видно. Отыскалъ полицейскаго и спросилъ: не слыхалъ ли онъ, чтобы кого смяли и задавили? онъ отвѣчалъ отрицательно.

Поглазѣвъ на пожаръ, простился съ фельдшеромъ и пошелъ на службу. Но занятія не шли на умъ. Что это сдѣлалось съ Лаврикомъ и не приключилось ли съ нимъ чего недобраго? эта мысль не давала мнѣ покоя. Если бы онъ вернулся съ пожара, то замокъ

бы ко мнѣ за ключемъ. Я бросилъ все и опять пошелъ къ мѣсту пожара, чтобы отыскать Лаврика во что бы то ни стало.

Домъ уже догоралъ и публика около пожарища уменьшилась на половину. Зайдя на дворъ, гдѣ стояли пожарныя трубы и работали пожарные, я вдругъ увидѣлъ Лаврика. Онъ сидѣлъ на обгорѣломъ бревнѣ, засунувъ руки въ рукава пальто, съ осунувшимся отъ холода лицомъ и покраснѣвшимъ носомъ.

Я тронулъ его за плечо. Онъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на меня испуганными глазами.

— Пойдемъ домой, Лаврикъ!

Онъ защурилъ глаза и замоталъ головой.

— Да что ты, Лаврикъ, въ умѣ ли? Чего тутъ сидишь въ этакій морозъ, да ужъ и смотрѣть-то не на что...

— А вотъ тотъ домъ еще, можетъ, загорится.

Я взялъ его сзади подъ руки и поднялъ съ бревна. Онъ сказалъ: ну, пойдемъ! и пошелъ за мной тихимъ шагомъ, безпрестанно оглядываясь назадъ.

Когда мы вошли въ домъ, Лаврикъ оглядѣлъ кухню, взглянулъ на часы, подошелъ къ самовару, налилъ себѣ стаканъ остывшаго чаю и выпилъ его залпомъ, потомъ взглянулъ на меня какъ-то неприязненно и сказалъ: я пойду.

— Ты, я вижу, совсѣмъ спятилъ, Лаврикъ. Что это съ тобой сдѣлалось? Не изволь никуда ходить, а исполняй что надо дома. Чего мы станемъ сегодня обѣдать? Печи у насъ не топлены... что это за срамъ!

Онъ пошелъ въ кухню, сѣлъ къ столу, положилъ голову на руки и такъ остался. Я позвалъ его, онъ не отвѣтилъ, потрогалъ его за плечо, онъ не шевельнулся.

Убравъ самоваръ и посуду, я пошелъ въ сѣни, принесъ дровъ и затопилъ печь. Лаврикъ все сидѣлъ неподвижно.

Наконецъ онъ поднялся и сталъ какъ-то нехотя и небрежно дѣлать то и другое. Я не заговаривалъ съ нимъ и онъ не подавалъ голосу. Такъ время прошло до 4-хъ часовъ. Тутъ я одѣлся и пошелъ въ гостинницу обѣдать.

Когда вернулся, Лаврикъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ ласково: ты куда же это ходилъ?

—Обѣдать ходилъ, Лаврикъ.

—А развѣ у насъ нечего обѣдать?

—А развѣ ты изготовилъ что нибудь?

—У насъ вчерашнія кушанья есть, я ихъ разогрѣлъ.

—Ну, кушай самъ, я теперь сытъ.

Онъ замолчалъ, выставилъ кушанье изъ печки и унесъ его опять въ кладовую, не дотронувшись ни до чего. Ѣлъ ли онъ что нибудь въ этотъ день, я не знаю. Я ушелъ въ свой кабинетъ и сѣлъ за чтеніе.

Вечеромъ Лаврикъ вошелъ ко мнѣ, сталъ на колѣни передъ моимъ кресломъ и положилъ голову ко мнѣ на ногу. Я погладилъ его по волосамъ и спросилъ: что же это, Лаврикъ, развѣ такъ ужъ весело смотрѣть на пожаръ, что все можно забыть?

—Не сердись ты на меня!

—Не думаю сердиться. Я тебя, кажется, понимаю, Лаврикъ. У меня былъ знакомый молодой человѣкъ, очень доброй души и скромный и разъ онъ сказалъ мнѣ: какъ скучно, что давно не было пожара! Я думалъ сперва, что онъ шутитъ, но оказалось, нѣтъ Когда разъ и другой случился пожаръ, то онъ не сошелъ съ мѣста пока не потухла послѣдняя головешка и ничѣмъ нельзя было его вызвать домой. Не то ли самое и съ тобой, Лаврикъ? Ты видывалъ когда нибудь большіе пожары?

—Видѣлъ, какъ цѣлая деревня сгорѣла. Я очень тогда испугался.

—Испугался и сегодня?

—Такъ испугался, что совсѣмъ не помню, какъ изъ дому ушелъ, а тамъ сидѣлъ и все думалъ: что-бы большой то домъ рядомъ загорѣлся!

—Но вѣдь это же большое несчастье!

Люди тутъ теряютъ все имущество свое, здоровье свое, часто нищими становятся изъ за этого, развѣ не жаль ихъ?

—Ну какъ не жаль! Давеча женщина одна металась и голосила, что у нея всѣ деньги сгорѣли... и жаль ее, а все таки...

Онъ не договорилъ, помолчалъ, подвинулся, подалъ мнѣ руку и пошелъ спать.

Этотъ злополучный пожаръ точно пошатнулъ умственныя способности Лаврика. Онъ сталъ по прежнему дѣятеленъ, внимателенъ и ласковъ, но часто задумывался, отвѣчалъ не впопадъ и раздражался отъ малѣйшаго замѣчанія, которое казалось ему обиднымъ.

Такъ прошли два мѣсяца; наступила весна. Лаврикъ съ каждымъ днемъ становился безпокойнѣе; въ свободные часы, вмѣсто того, чтобы заняться чтеніемъ или письмомъ, какъ это было прежде, онъ просиживалъ у окна, глядя безцѣльно на улицу; въ хозяйствѣ у него пошли разныя упущенія. Я слѣдилъ за нимъ съ безпокойствомъ и страдалъ. Наконецъ я узналъ, что онъ исподтишка продалъ, и то за безцѣнокъ, кое какія свои вещи, заведенныя имъ на жалованье, вещи которыми онъ дорожилъ и которыя его радовали. Между тѣмъ я зналъ, что у него лежатъ накопленныя деньги, рублей около 15-ти.

Когда я заговорилъ объ этомъ, онъ покраснѣлъ и поблѣднѣлъ и, плача, признался мнѣ, что задумалъ идти куда нибудь.

— Голубчикъ мой, говорилъ онъ, и слезы лились у него изъ глазъ, какъ я тебя одного-то оставлю? Кто будетъ тебѣ обѣдъ готовить, кто будетъ сапоги чистить, кто будетъ все приготовлять?..

— Вѣдь я съ самаго начала зналъ, что ты не вѣкъ у меня проживешь, Лаврикъ. Что же ужъ дѣлать! Если хочешь непремѣнно идти, тутъ же нѣтъ никакого преступленія, даже и дурнаго ничего нѣтъ...

— Да я вовсе не хочу уходить отъ тебя!

— Самъ же говоришь, что пойдешь?

— Говорить то я говорю, это правда, но и то правда, что не хочу уйти.

— Какъ же такъ, двѣ правды у тебя? Что нибудь одно: или оставаться, или уходить.

— Ну, такъ я ужъ пойду.

— Куда же ты пойдешь, Лаврикъ?

— Въ Ярославъ.

— Вотъ тебѣ на! что же ты станешь дѣлать въ Ярославлѣ?

— А развѣ я тамъ пропаду?

— Нигдѣ ты не пропадешь, но вѣдь надо пріискать себѣ что нибудь, надо пить, ѣсть ..

— На фабрикѣ поступаю.

— Замучать тебя тамъ, обманывать, обсчитывать станутъ, избалуешься.

— Ну, я тогда уйду оттуда.

— Все уйду, да уйду! ужь лучше прямо домой идти.

— Домой я осенью и пойду.

— Написалъ бы отцу-то.

— Я ужь написалъ и отвѣтъ получилъ.

— Что же онъ говоритъ?

— Не велитъ уходить. Велитъ домой идти. А я хочу свѣтъ посмотрѣть.

— И я бы не велѣлъ тебѣ идти, не ради себя, а ради тебя самого, Лаврикъ. Все будетъ думаться, что ты и голодъ и холодъ терпишь, никто тебя не приласкаетъ, а если надуешься, никто за тобой ухаживать не станетъ.

— Да, да! подтвердилъ онъ. Я много тебя огорчалъ. Я часто на тебя сердился и дулся, а ты все былъ правъ, и мнѣ досадно было, что ты правъ.

Онъ легъ на постель и плакалъ.

Мнѣ никогда не забыть этого холоднаго, пасмурнаго утра, когда Лаврикъ, завязавъ въ мѣшокъ и въ котомку свое имущество, уходилъ отъ меня. Нѣсколько разъ бросалъ онъ свою поклажу на полъ, садился къ столу, охвативъ голову руками, обнималъ меня потомъ и цѣловалъ и заливался слезами... Чтобы прекратить эти терзанія, я ушелъ въ кабинетъ и затворилъ за собою дверь.

Черезъ минуту наружная дверь стукнула и все затихло. Я вышелъ въ столовую и меня охватило такое гнетущее чувство одиночества и тоски, что я самъ заплакалъ.

Долго тосковалъ я по Лаврикѣ. Никогда и никто впослѣдствіи не могъ мнѣ замѣнить его.

Н. Иваницкій.

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Опечатки.

На 73 стран. 7 ст. снизу: напечатано siogren's, а слѣдуетъ Siögren's.

Въ статьѣ И. Н. Суворова вмѣсто прилагательнаго Устюгскій слѣдуетъ вездѣ быть: Устюжскій.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Книгопродавцамъ 20% уступки.

Складъ изданія:
Вологд. библіотека П. А. Дилакторскаго, Кирил. ул., д. Мельковой,

